

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6
1987

1/3

ВИЛЬНЮС

О, сколько знамен на горе Гедимина сменилось!
О, сколько корон и крестов с этих башен свалилось!
У жертвенных капищ наш прадед молился когда-то,
Здесь в плиты могильные врезаны давние даты.

.....

Здесь русский солдат корсиканца погнал восвояси,
Здесь шел Калиновский на казнь, ничего не боясь.
Здесь в бой за свободу и хлеб выходили впервые
На улицы эти отцы наши, мастеровые.

1950

*Перевел с литовского
П. АНТОКОЛЬСКИЙ.*

Издается с сентября 1959 года

Главный редактор
В. Ф. ПРАВОТОРОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ
(ответственный секретарь),
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
В. Е. РОЖНОВ.

РЕДАКЦИЯ:

И. У. АЧИЛЬДИЕВ,
И. Я. БАЛЛОД,
О. Т. БРУШЛИНСКАЯ,
Э. В. ГЕВОРКЯН,
М. М. ДАНИЛОВА,
В. Б. ЕВСЕЕВ,
Г. В. ИВАНОВА,
М. А. КОВАЛЬЧУК,
В. С. КОЛЕСНИКОВА,
Ю. М. КУЗЬМИНА,
Т. Л. ЛЕГОСТАЕВА,
В. К. ЛОБАЧЕВ,
В. А. МАЗОХИН,
В. П. ПАЗИЛОВА,
М. И. ПИСКУНОВА,
А. А. РОМАНОВ,
В. Л. ХАРАЗОВ.

Художественный редактор
С. И. МАРТЕМЬЯНОВА
Технический редактор
Ю. А. ВИКУЛОВА.
Корректор
Г. Л. КОКОСОВА.
Зав. редакцией
Л. Г. БЕРЕЗКИНА.

Первая страница обложки
художников
Б. АСРИЕВА,
М. ДОРОХОВА.

На второй и
третьей
страницах обложки:
литовские мотивы.

Фото А. Суткуса.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1987

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Встреча
М. С. Горбачева
с участниками
Международного
форума
«За безъядерный
мир,
за выживание
человечества».

Фото ТАСС

ОТ ГОДА МИРА — К ВЕКУ МИРА	Э. ГЕВОРКЯН, М. КОВАЛЬЧУК	Старатели мира	2
К 70-ЛЕТИЮ ОКТАБРЯ	Э. МЕЖЕЛАЙТИС	Великая река жизни Хроника семи десятилетий	5 14
ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ	Б. ШАКНИС М. ПИСМАНИК	По совести Верующий глазами социолога	8 30
ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ	В. ЛЕБЕДЕВ	Что такое психогностика	10
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	А. БАЛЬСИС В. МИСЯВИЧЮС	Путь католицизма в Литву Гости замка Венте	15 19
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	В. ТЕНДРЯКОВ	Нравственность и религия	22
«БОЖЕСТВЕННЫЕ» ЖИВОТНЫЕ	М. КАСПЕРАВИЧЮС	Вестник богов	25
СОВРЕМЕННЫЙ МИСТИЦИЗМ	В. ХАРАЗОВ	Здесь и сейчас...	26
ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ		«На Красной Речке»	30
ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО	Т. УСПЕНСКАЯ А. ЛИЧКО А. АЗИМОВ	Шаман Комментарий психиатра Как это случилось	32 40 46
ТЕОЛОГИЯ И НАУКА	П. ГУРЕВИЧ	Еще раз о «прозрениях древ- них» и слепоте современников	42
ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ	Н. СТЕПАШОВ	Слово и дело	46
БУДУЩЕЕ: ПРОРОЧЕСТВО, ФАНТАЗИЯ, ПРОГНОЗ	В. РЫБАКОВ А. МИГДАЛ	Зима Кто спасет нас, если мы сами стали на край пропасти?	48 51
ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ	А. ШАМАРО Е. ГОЛУБИНСКИЙ А. ВОЛЖАНИН	По совету Максима Горького Митрополит Филарет «Человек божий»	52 53 54
ДИАЛОГИ	У. КРУМ Л. МИТРОХИН	«Приоритет — единству дей- ствий...» От диалога — к сотрудничеству	55 56
ЗА РУБЕЖОМ	Н. ТРОФИМЧУК	Прикрываясь именем бога	60
БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ	В. КАБО, Е. ГОВОР	«Закурите трубку мира!»	62

СТАРАТЕЛИ МИРА

Работа золотоискателя кропотлива, сотни кубометров пустой породы приходится перемывать, пока не блеснут на дне лотка крупинки драгоценного металла...

Правда, сейчас на золотonosных реках работают мощные драги, придуманы и созданы хитроумные приспособления. Но по-прежнему, как и сто и тысячу лет назад уходят на поиски старатели и, склонившись над ручьями и реками, осторожно промывают песок.

Этот образ не покидал нас в дни работы Международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества». Когда читатель журнала получит этот номер, четыре месяца будет отделять нас от исторического — каждый последующий день убеждал в том — события. Более тысячи деятелей культуры и искусства, ученые, священнослужители, врачи и политики — цвет человечества собрался в те дни в Москве, чтобы решить поистине гамлетовский вопрос: быть или не быть! В данном случае — роду человеческому... Во имя того, чтобы наша цивилизация не развеялась прахом по ледяной радиоактивной пустыне, объединились под одной крышей сторонники разных взглядов и убеждений, представители различных религий. Соперники, противники, оппоненты — и единомышленники.

При всем различии взглядов и мнений, одна мысль объединяла выступавших: ядерная война недопустима. Об этом говорили нобелевский лауреат и всемирно известный артист кино, убежденный сединой митрополит и сдержанный политолог, говорили сторонники и противники СОВ, пацифисты и отставные генералы; говорили наши искренние друзья и те, кого друзьями назвать мы бы воздержались.

Формально заседания проходили за закрытыми дверями, но именно формально: образ «закрытых дверей» ни разу нас не посетил — что тоже символизировало обстановку, в какой проходил форум. Хотя на заседания рабочих групп журналистов не допускали: там шла серьезная работа, не до прессы... В перерывах и после заседаний, в фойе Совинцентра и гостиницы «Космос», Дома туриста и в президиуме Академии медицинских наук вспыхивали брифинги и пресс-конференции, корреспонденты буквально мертвой хваткой вцеплялись в участников форума, в глазах рябило от фотовспышек, света ламп кино- и телеоператоров. И из этой казалось бы разрозненной мозаичной информации складывалась общая картина того, что происходило в те февральские дни.

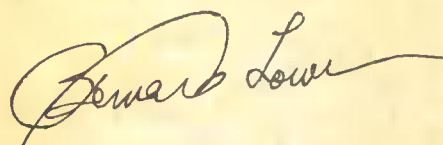
Происходило новое, непривычное для нас. Новое мышление, новое сознание воплощалось и в новом бытии. Отсутствовала напрочь традиционная монументальная парадность, не было заранее заготовленных гладких, ни к чему не обязывающих речей, сочетания вежливых улыбок с камнями за пазухой. Отсутствие формализма, откровенность (что скрывать, когда мир висит на волоске!), честный и порой неловкий разговор. И неожиданное в устах иностранцев слово «glasnost», не нуждалось в переводе...

Именно полная гласность как бы высветила несостоятельность нападок на мирные инициативы СССР, помогла лучше понять нашу внутреннюю и внешнюю политику.

Мы обратились к некоторым зарубежным участникам с просьбой прокомментировать работу форума.

Э. ГЕВОРКЯН,
М. КОВАЛЬЧУК,
наши специальные
корреспонденты

Б. ЛАУН

Бернард ЛАУН, профессор Гарвардского университета, сопредседатель организации «Врачи за предотвращение ядерной войны» (США).

Я даю это интервью журналу в дни работы московского форума, а в конце мая мы, обеспокоенные врачи планеты, вновь соберемся в Москве, где будет проходить наш VIII Всемирный конгресс.

Движение началось с Идеи — и вот, на наших глазах она обернулась реальностью, которую невозможно было предусмотреть. На конгресс съедутся более 2000 врачей из 60 стран! Это не только заслуга его организаторов — дух времени (Zeitgeist) зовет в Москву. Время с особой остротой напоминает о прямой профессиональной

обязанности врача: всемерно поддерживать жизнь на земле, противодействовать всему, что угрожает жизни и здоровью людей. Ведь все мы дали клятву Гиппократу, а ядерная война — это не что иное, как последний, ультимативный вызов нашему делу. Вылечить такую «болезнь», как ядерная война, мы бессильны, поэтому наш моральный и врачебный долг — не дать ядерной эпидемии распространиться, погасить ее в зародыше.

Если окинуть взглядом историю человеческих войн, то станет очевидной тенденция к возрастанию бесчеловечности: от века к веку войны становились все более жестокими и антигуманными. Нужно положить конец этой страшной тенденции. И хотя я понимаю, что в самих словах — гуманизация войны — кроется жуткое противоречие, говорить об этом нужно, имея в виду как первый шаг — устранение опасности ядерной войны, а затем полное исчезновение войн из жизни людей.

Речь идет не только о нашей нравственной обязанности, но и о долге историческом, долге перед прошлыми и будущими поколениями.

Предать его — значит, совершить величайший грех. Невольно ищешь яркого сравнения из религиозных проповедей, но

Ф. БЕТТУ

Б. БЕНСОН

А САЛАМ

Фото А. Карзанова
и ТАСС.

ведь здесь нечто гораздо большее, чем грех перед богом, нацией, личностью. Не может быть «советского греха» или «американского» — ядерное прегрешение, независимо от того, кто первым преступит моральный закон, несравнимо ни с чем. Вызов будет брошен всем религиозным и светским системам этики. Продолжая накапливать ядерное оружие, мы превращаем в заложников не только женщин и детей, угрожаем не только городам и дикой природе Земли. Заложниками становятся и все будущие поколения, останутся несбывшимися все надежды, упования тех, кто жил до нас.

Еще недавно политик мог следовать упрямой декларации: «Карфаген должен быть разрушен!» Сегодня никакими политическими или военными соображениями нельзя оправдать разрушение нашего всеобщего «карфагена» — Земли. Подобная политика вообще перестает быть политической, так как цель ее не укладывается в сознании. Коллективное самоубийство? Но мы, врачи, рассматриваем суицидальный синдром как патологию и немедленно ставим вопрос о психической нормальности пациента...

Себя я отношу к мужественным оптимистам. Знаю: мы подошли к краю пропасти. Отсюда хорошо видно, чем грозит следующий шаг. Гибелью — и не только нас самих, но и всего на планете: ее природы, ее биосферы.

Давайте помнить, что мы всего лишь временные наследники родовых традиций и достижений, обязанные передать накопленное в целости будущим поколениям. Крошечный шаг эволюции, исторического процесса... да кто дал нам право подвести под ним жирную черту?! Наконец, кто мы такие, чтобы санкционировать уничтожение всех предшествующих достижений человечества, убийство Чайковского или Баха, Христа или Будды?

Технология подарила нам ощущение всемогущества — атрибут божества. Что может быть нелепее: ощутить себя богом — чтобы прийти к самоуничтожению! Для верующего человека, мне кажется, бог — это прежде всего творец, а не разрушитель... Мы можем почти все, но не все из того, что мы можем, достойно оправдания. Уж если человек возмнил себя богом, то пусть постоянно помнит и о таком божественном атрибуте, как мудрость.

ایکے عزائم ہیں۔

میں نے
15/4/1987

**Абдус САЛАМ, профессор
Центра международных исследований
в Триесте, физик,
лауреат Нобелевской премии
(Пакистан).**

По профессии я чистый теоретик, вся моя жизнь отдана математическим формулам, абстракциям. Трудно, на первый

взгляд, определить связь общей теории поля с проблемами, обсуждаемыми на московском форуме. Но, думаю, сейчас каждый человек в первую очередь — гражданин планеты Земля, что определяет его гражданские обязанности.

Главная проблема, которую обсуждают участники форума, — очевидна и не нуждается в пространных разъяснениях. Но я хотел бы подчеркнуть связь борьбы за безъядерный мир с проблемами развивающихся стран. Я не сомневаюсь, что ядерная опасность будет со временем устранена, если бы не верил в это, не участвовал бы в подобном мероприятии! Но когда мир воцарится на Земле, вслед за его установлением потянется целый клубок проблем, самая острая из которых — голод и нищета в странах «третьего мира».

Думаю, что традиционная расстановка сил на политической арене тоже будет стремительно меняться — как и все в нашем мире. Возьмем, к примеру, Японию, на глазах становящуюся самой настоящей «сверхдержавой»... Мне импонирует бескомпромиссная борьба Советского Союза за мир, и единственное, к чему я хотел бы призвать вашу страну (и Соединенные Штаты, разумеется, — не забывая о катастрофическом положении развивающихся стран.

Сейчас в мире идет поиск путей соединения различных течений, идеологий, даже религий в единое общечеловеческое целое — как и в теоретической физике, где мы ищем пути объединения известных взаимодействий. Вот уже долгие годы работая в международном научном центре, я сознаю, что работаю не только на абстрактную науку, но и на страны «третьего мира», в сущности, на весь мир. В Триесте мы создали кооперацию ученых разных стран на благо всего мира, как бы локальную модель науки будущего.

На московском форуме, я знаю, собрались представители самых различных вероисповеданий. Символично, что ученые и религиозные деятели в рамках своих «круглых столов» делают общее дело. Никто лучше ученых не способен понять и проанализировать последствия атомной катастрофы; никто лучше священнослужителей не донесет слова осуждения греховному и аморальному атомному чудовищу до слуха верующих (а их на Земле большинство). Аргументы ученых, доведенные до сведения политиков, и моральное осуждение, идущее в широкие массы верующих, — я думаю, и эта кооперация, это Великое Объединение (как мы называем нашу деятельность в теории поля) могут дать плоды.

Только не нужно идеализировать ситуацию, говоря об «ученых вообще» и о «религиозных деятелях вообще». Многие ученые, напротив, дезориентируют свои правительства, работая «на войну». А разве все высшие иерархи церкви являют собой образец чистоты помыслов и высокой морали? Морально ли, к примеру, «разрешение» папы на смерть от голода, нищеты и насилия? А ведь он в своем осуждении латиноамериканских теологов, призывающих к со-

циальной революции, пренебрег нуждами тех, кто молится тому же богу...

Бернар БЕНСОН, писатель и общественный деятель, в прошлом крупный изобретатель-электронщик, а ныне организатор пацифистского движения «Птица мира» [Франция].

Значение нынешнего исторического момента невозможно, на мой взгляд, переоценить. Множество предсказаний относительно дальнейшего пути человечества сходятся в одном: в признании того, что человечество сейчас стоит на перекрестке.

Несколько лет назад мне казалось, что путь выбран — неверный, фатальный путь. Сейчас могу сказать, что счастлив был ошибиться. Дело даже не в политическом значении инициатив, выдвинутых господином Горбачевым, — я абсолютно вне политики, — но они очень своевременны и с общечеловеческой, с моральной точки зрения, ибо дают нам всем столь необходимую надежду.

Эти инициативы, как и сам форум, пришлось по меркам времени, в которое мы живем. Неизвестно, был бы эффект от них столь значителен до того, как наступил век всеобщих коммуникаций. До его наступления стоящий у руля правления государством еще мог относиться к собственному народу как средневековый феодал — к крепостному. Мог обманывать соседа, втайне готовя против него разбойничий налет. В век глобальных коммуникаций, всемирного общения один орбитальный телеспутник может оказаться эффективнее десятков, сотен крестьянских восстаний прошлого. В нашем, просвещаемом насквозь мире почти невозможно подготовить какую-то каверзу втайне. Люди преисполняются чувством общности, растет и завоевывает мир планетарное сознание. Душа Мира сметает национальные и идеологические предрассудки, когда дело касается главного — существования самого мира.

Мне как-то пришлось переводить беседу тибетского ламы с известным французским политическим деятелем господином Шабан-Дельмасом. Лама был стар и мудр, речи его по-восточному неторопливы и полны ассоциаций, и все же я был потрясен тем, как современно сформулировал он основной закон, основную тенденцию нашего времени: «Главный секрет мира — в искусстве общения. Общение, коммуникация — вот что поможет миру спасти себя».

То, что на московском форуме присутствуют ученые, деятели искусства и литературы, священнослужители — глубоко символично. Ведь общение, средства коммуникации в мире — это не только достижения науки, новые технологии, но и результат новой философии, новой моральной программы, овладевающей сознанием все больших масс населения Земли.

Frei Betto

meson, fev-1988

Фрай БЕТТУ, монах доминиканского ордена, писатель-богослов, автор книги «Фидель и религия» [Бразилия].

У нас, представителей стран «третьего мира», своя задача на форуме: привлечь внимание общественности к бедственному положению нашего региона. Вместе с тем мы понимаем, что наши проблемы — часть общечеловеческой, главной проблемы, которой посвящен форум. Ведь и мы тоже оплачиваем гонку вооружений. За Соединенные Штаты платим непосредственно из своего кармана, поскольку средства на создание все новых систем оружия там получены путем прямого обирания стран «третьего мира». А за Советский Союз мы платим как бы косвенно, понимая, что ваша страна не по своей воле взваливает на себя бремя огромных военных расходов.

Я не верю в искренность американского руководства, заявляющего о стремлении достичь прочного мира на планете. Думаю, что производство средств уничтожения является неотъемлемой частью системы империализма, и просить США уничтожить накопленные вооружения — все равно что просить о добровольном самоуничтожении их капиталистической системы.

Поэтому я за то, чтобы процесс созидания мира на Земле шел одновременно с другим — освобождением народов от социального гнета, извне и внутри их самих. В своем выступлении на форуме я подчеркивал, что мир — это не только равновесие сил. И даже если Рейган и Горбачев придут к договоренности о сокращении ядерных вооружений, останется еще задача искоренения причин нищеты в развивающихся странах. В них слово «мир» равнозначно слову «хлеб», и чем больше голодных на Земле, тем больше опасность применения оружия. Моя страна — Бразилия — занимает шестое место в мире по производству вооружений и первое — среди стран «третьего мира». В настоящее время она готовится к производству собственной атомной бомбы... Участники борьбы за мир должны ясно осознавать: «атомная бомба» уже разорвалась над Латинской Америкой, имя ей — нищета. Подумайте только о перспективе появления в этом кровотокащем регионе своего — настоящего — атомного оружия!..

За «круглым столом» религиозных деятелей, в котором я принимал участие, царил единодушие, и само по себе это парадоксальное выражение духа времени. Ведь религиозные воззрения столь различны, на нашей памяти они смертельно враждовали между собой. Однако при всем различии богов, которым мы поклоняемся, есть общее: вера в необходимость защитить жизнь на Земле. Кто любит

жизнь, просто не сможет, не смеет стремиться к войне!

Я чрезвычайно рад возможности обратиться к читателям журнала, в котором, как мне сказали, опубликована большая статья о моей книге «Фидель и религия», переведенной уже в 32 странах. Собираюсь и дальше разрабатывать эту тему — писать книги, участвовать в дискуссиях... Взаимоотношение церкви и государства при социализме — феномен сложный, неоднозначный, в разных странах он проявляется по-разному. Мне, писателю-богослову, интересно углубиться не только в теологию, но и в социально-политическую проблематику, обратиться к вопросам морали, сознательности, гражданской ответственности верующих и атеистов

Дж. Б. МАРИНИ-БЕТТОЛО, президент Римского университета, действительный член Ватиканской академии наук [Италия].

Я не политик, поэтому передаю только смятенные чувства простого человека, озабоченного развитием ситуации в мире. Но как ученый стремлюсь привести свои ощущения в некую систему. Так вот, на взгляд ученого, ситуация в мире как бы выкристаллизовалась, прояснилась до предела. Вместе с тем она по-прежнему динамична, и мне кажется, что все движется по направлению к миру лучшему, чем тот, что у нас сегодня.

Мы уже точно знаем, чего не хотим: ядерной войны. Не хотим терпеть больше саму ситуацию напряженности, чреватую ядерной катастрофой. Ученые больше, чем кто-либо другой, знают всю правду о последствиях такой катастрофы — для жизни людей, их душ, природы планеты. А кроме того, джинн вырвался из их «пробирок»... В этом общем нежелании и в ойны верующие и атеисты равны, между ними нет разницы, они забывают и о своих расхождениях по части желаний: каким должен быть мир, освобожденный от ядерного страха, еще будут спорить и спорить... И ученые, и религиозные деятели ищут истину — по-своему ищут, по-своему понимают ее, но — Истину, которая, я верю в это, одна на всех. Цель собравшихся на форум также одна на всех: всегда и во всем держать курс на Правду. Она же сегодня заключена прежде всего в стремлении жить и обеспечить жизнь детям и внукам. Какие тут могут быть расхождения?

Ученые ищут истину, но всегда остается сложность интерпретации результатов этих поисков. Тем не менее как ученый я убежден, что наука должна быть в основе любого поиска путей к миру и построению лучшего мира для человечества. А как действительный член Папской академии наук могу с гордостью напомнить, что начало объединению ученых и религиозных деятелей в борьбе против ядерной опасности положила встреча ведущих деятелей науки, организованная нашей академией в 1982 году... Жить всем — вместе и бороться за жизнь — тоже.

ВЕЛИКАЯ РЕКА ЖИЗНИ

Фото А. Суткуса.

● Э. Межелайтис с дочерью.

Человек, его всестороннее гармоничное развитие — высшая цель политики партии. Этой благородной цели подчинена ее деятельность, осуществляемая ныне коренная перестройка во всех сферах советского общества. Однако успех дела зависит, в конечном счете, от самого человека, от его способностей, его инициативы и творчества.

Современная постановка вопроса о человеческом факторе имеет глубокие корни в художественном творчестве советских писателей. Кто же он, современный человек? Какой есть и каким мы хотим видеть его в будущем? По каким путям должно идти духовное возвышение человека?

С такими вопросами специальный корреспондент журнала Александр Романов обратился к Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии Эдуардасу Беньяминовичу МЕЖЕЛАЙТИСУ.

Для любого человека все должно начинаться с Отчего дома. Отец мой, социал-демократ, участвовал еще в революции 1905 года.

За бунтарские прокламации, битвы на баррикадах он, рабочий-сварщик, оказался в «Бутырке». Прошел фронтами первой мировой войны, где торжественно встретил Октябрьскую революцию.

Потом он вернулся в Каунас, трудился на сельской мельнице. Здесь, в деревне Карейвишке, что в переводе означает Солдатская, я и родился.

Семья моя была дружной, хотя резко разделенной в мировоззренческом отношении. Мама родом из сельской глубинки, примерная прихожанка костела, знала и любила много народных сказок, песен, преданий.

Отец — рабочий высокой квалификации, что называется золотые руки, к тому же играл на скрипке, гитаре, прекрасно пел русские, украинские, народные литовские песни.

Убежденный атеист, он, когда речь заходила о боге, вере, вообще обо всем «над нами», посмеивался:

— Ладно, подрастешь — сам поймешь, что к чему...

Вспоминаю свои годы, проведенные в революционном подполье. То была суровая, подчас беспощадная школа классового сознания, дававшая ориентиры и на минувшее, и на грядущее. Он служит мне и сегодня, в год юбилея Октября

Камень — тело матери-земли,
А ее хребет — крутые горы,
Реки — это вены и артерии...
Плоть моя — создание Земли.

Я расту из полевых цветов,
Из дождей и северного ветра.
Я — вода, погода, пламя, ветка
И движение белых облаков.

Из снежинки я, из стебелька,
Из тяжелой ягоды осенней,
Из речного желтого песка,
Из зеленой поросли весенней...

Я частица матери-земли,
В русле разойдусь дождем и снегом
И оплыть восстану из золы
Молодым, пружинистым побегом.

Это строки из моей книги «Человек», появившейся, можно сказать, спонтанно. Но созревала она долгие годы, в раздумьях, переживаниях, размышлениях. В моей биографии много сложных временных отрезков — довоенные годы, война, послевоенная пора, резкое столкновение двух идеологий, когда нужно выбирать, нельзя оставаться равнодушным. «Человек» и стал моим ответом.

Поэма сразу же вызвала большой интерес. Позднее, с углублением критического анализа, возникли споры по поводу самой концепции человека.

Кто же он на самом деле, этот человек? Не слишком ли я возвысил его? Думаю — нет. Часто просто мы изображали его маленьким винтиком большого механизма.

Меня упрекали в том, что я представил скорее анатомический рисунок, не затронув глубин сознания, пластов подсознания. Мне ставили в вину и то, что получился слишком уж собирательный, общечеловеческий портрет. Всяческих упреков в мой адрес не перечесть. Замечу — даже подозрений...

Я читал многое из написанного

критиками о моей поэме и не во всем с ними согласен.

Человек — проблема номер один, где столь мощные, неиссякаемые пласты, что каждому найдется работа по силам. Имеет ли поэт право создавать свою, собственную модель? С какой стати он должен предлагать некий универсальный образец? Хотелось ввести человека в контекст истории. Меня интересовала (и сейчас интересует) совершенная личность. Вот так и появился антикомментарий — мой ответ, когда я polemизировал с тем или иным автором, публицистом, философом, выводя свои формулы, делал сообщения. Неважно, в какой форме это делалось — эссе, или стихотворение, или цикл. Писал ли о природе или далеких странах, прежде всего я стремился проникнуть в глубь человека. Хотел (и сейчас хочу) спуститься в этот кладезь с каждым разом все глубже, проникнуть в укромнейшие тайники подсознания.

Моделируя своего человека, я, возможно, кое-где забежал вперед. Показал идеальный вариант. А критики не разглядели нормального, обыкновенного человека. Разумеется, можно нарисовать и реальную картину, но зачем же умалять идеал? Корабль должен плыть! Человек должен идти!

Несколько десятилетий подряд я работал, не зная усталости. Днем и ночью. Как далеко продвинулся, и сам не знаю. Никак не возьму в толк требований — создавать портрет обычного человека. Ведь такого нет. Люди — очень разные. У одних вижу красоту, добро, справедливость. После таких встреч и на душе светлее. Но вижу, увы, и античеловеческие элементы. Так что же делать? А работать в полную силу, трудиться всем вместе, не опускаясь до примитивного варианта. Человек в жизни постоянно должен иметь перед собой какую-нибудь задачу...

Скажу откровенно — хотелось поспорить с авторами, писавшими о моей книге не только у нас, но и за рубежом.

В США, например, сендз Андрекус организовал своеобразную дискуссию: опубликовал выдержки из моей поэмы «Человек», а рядом — собственные «за» и «против». Главной идеологической мишенью стало то, что я брал осязаемый, материальный мир, обходясь без первопричины, без «толчка». Много писем я получил и от православного духовенства. Одно помню наизусть:

«Уважаемый Поэт! В «Человеке» Вы забыли причины, берете только следствия. Но главная-то причина — бог, вложивший душу. Материальный опыт заложен изначально. Запрограммированность, генетика — дар божий».

Я часто пишу о древних ис-

кусствах — индийском, греческом, стараюсь найти следы человека ищущего, постигающего.

А. В. Луначарский как-то сказал, что никому не придет в голову говорить о том, что музей античных богов может разбудить в сердцах экскурсантов тлеющее там религиозное чувство. Эти боги умерли, поэтому они прекрасны. Мы видим в них, пояснил тогда нарком просвещения свою мысль, сгусток человеческой мечты, порыв к совершенству.

Мы знаем, продолжал Луначарский, как глубоко проник в сущность религии Фейербах, говоря, что человек создавал своих богов по образу и подобию своему, развивая и увеличивая этот «образ» и «подобие» до тех границ совершенства, какие мог вообразить себе человек каждой отдельной культуры.

У греков боги — те же люди, со своими страстями, радостями и бедами.

«Господи, помоги...» — как еще часто фраза эта витает в воздухе. Но так и остается фразой. Парфенон уже не одно столетие служит образцом высокой античности. Уверен, через двести лет вильнюсский костел Петра и Павла тоже будет лишь памятником архитектуры.

Мутна вода консервативности

увечной,
Но Гераклитова река чиста
и будет вечно.

«Два раза нельзя войти в одну и ту же реку...» Никуда не могу скрыться от этого Гераклита! Не раз уже ругал себя за то, что слишком часто засиживаюсь на берегу его стремительной реки. Вроде бы дал себе слово никогда сюда не возвращаться — пусть течет река, куда ей хочется. Но беру сегодня книгу — и вдруг откуда ни возьмись Гераклит! По какому бы пути мы ни шли, читаю, все равно не удастся добраться до глубин души. Правду говорит добрый друг рыбака Гераклит. Вот уже который год я бьюсь над тем, чтобы постичь духовный мир человека, — и ни с места. По крайней мере, мне так самому кажется. В одном уверен: человеческие дела и окружающую нас среду или, иными словами, первичную и вторичную природу намного легче познать и отобразить. А вот душа — орешек покрепче.

Нельзя оставаться до конца жизни только учеником. А если уж такое случается, значит, никудышный был учитель. Художник должен отличаться таким своеобразием, оригинальностью, неповторимостью, чтобы ни один, даже самый способный эпигон не мог его разгадать. Учиться надо так, чтобы вырасти совершенно не похожим на своего учителя. В человековедении признается только принцип антитезы.

Вы меня упрекаете в том, отвечал я одному требовательному читателю,

что геометрия каждого заново конструируемого поэтического мира почему-то начинается с одной точки, в которой всегда находится сам поэт. От стоящего в этой точке «Я» берут начала все измерения поэтического мира, все расчеты метафорической математики.

Но и в окружающем мире все начинается с геометрической точки. Возьмем, к примеру, дом: разве не с первого краеугольного камня начинается дальнейшее строительство? Здесь, думаю, нет никаких сомнений. А сам принцип творчества? Точка, по-видимому, потенциальное начало, от которого лучами расходятся, рассеиваются все геометрические линии, а из них, в свою очередь, складываются самые разнообразные геометрические фигуры и, наконец, — конфигурация целого, отдельного мира. Я имею в виду и поэтический мир, если, конечно, поэту удастся его создать. Каждое стихотворение начинается с монолога. Поэзия — всегда монолог. Поэтому прошу не осуждать за то, что в уста моего Человека вложено слово «Я». Я не какой-нибудь избранный, чтобы ставить в пример собственную жизнь. Когда нас много, когда нас тысячи, когда нас масса — это уже кое-что! Такой массе стоит и жизнь посвятить. И такой массе действительно многое доступно. Можно и злу дорогу преградить, и для добра ворота отворить, и воскресить утраченную истину. Когда громадная людская масса перевоплощается в одного гигантского Человека, получается великая сила.

Эрнест Хемингуэй однажды написал: «Человек создан не для того, чтобы испытать поражение. Человека

можно уничтожить, но нельзя поработить». Нередко туго приходится гуманизму. Если сравнить его с птицей, то с такой, которую не слишком-то привлекают. Гуманизм защищает человека, чей духовный рост разного рода литературные снобы пытаются укоротить до лилипутских размеров. Однако человек поднимается во весь рост, достает до звезд. А гуманизм — словно метерлинковская птица, широко расправленные крылья которой и есть тот голубой горизонт, куда вечно устремлен взор. Великий Ренессанс, сменивший культ бога на культ человека и проявивший гуманизм на деле, первый и заметил эту горизонтальную перспективу. В те промежуточные истории, когда перестают верить в человека и укрепляют свои позиции духовный лилипутизм, или пигмеизм, люди возвращаются в средневековую плоскость.

Духовному росту свойственны определенные уступки, но делать их в пользу посредственности ни в коем случае нельзя. Нет на свете ничего более нахального, чем серость, посредственность. Только она почувствует слабину, как тут же лезет из кожи вон, чтобы стать для всех обязательным эталоном. А добившись признания, посредственность, как сорняки в огороде, забивает все другие, даже прекрасные и полезные, растения. Гёте в своих беседах с Эккерманом заметил, что человек признает и почитает только то, что способен сам сделать. А поскольку корни существования некоторых людей берут начало в посредствен-

ности, то они, по словам Гёте, проделывают хитрый трюк: безудержно пытаются очернить все, что в литературе действительно заслужило критики, и все это для того, чтобы еще больше возвеличить посредственность, которую они восхваляют.

В те времена, когда Гёте излагал свои взгляды молодому Эккерману, посредственность еще не достигла всей своей мощи. Гёте говорил о ее симптомах, пронзительный взгляд гения заметил их уже тогда. Пик могущества посредственности пришелся на времена всеобщей информации. Во второй половине XX века, когда к власти пришли наука и техника, литературная посредственность стала поистине всемогущей. Посредственность выступает против каждого, кто осмелится, пусть даже робко, поднять на нее руку. Она зорко следит за каждым движением такой руки и стойко охраняет свои позиции.

Посредственное искусство может приблизить человека к Олимпу. Большое искусство возносит его на самую вершину этой горы, где пиршествуют мраморные боги.

Подлинное искусство ищет ответ на загадки судьбы, бытия, истории. Оно — режиссер вечной драмы жизни и смерти, поддерживает температуру духовного горения.

Сызмальства я сросся с революционной мыслью, и ее у меня не отнять: великая река жизни не должна стоять на месте. Да она и не может остановиться. Чем круче бурлит ее течение, тем она чище и тем быстрее достигает бескрайних морских просторов.

Перевела с литовского Р. ИОНАЙТИТЕ.

Человек, влюбленный в свой город, видит его по-особенному. Художник Витаутас Калинаускас свободно скомпоновал архитектурные образы Вильнюса, вписав их в контуры знаков зодиака.

Тут нет никакой мистики: древние символы помогли художнику показать известные памятники старины с необычной точки зрения.

Вот два листа из альбома «Зодиак старого Вильнюса» — «Телец» и «Овен». На первой гравюре старинные городские ворота Аушрос, вверху — костел Миссионеров. На второй — четырехсотлетний Вильнюсский университет.

Ребенок глядит на мир чистыми глазами. «Что?», «Почему?» — наши ответы на эти обязательные его вопросы расширяют и обогащают горизонт детского мира. С каждым днем вопросы все труднее, беспокойнее. Почему день сменяет ночь? Зачем живет человек, если все равно придется умирать? Почему это — хорошо, а это — пло-

случай, происшедший в его семье прошлым летом.

После окончания учебного года сын отдыхал вместе с матерью в деревне. Возвратившись домой, первым делом воскликнул: «Папа, у меня сегодня праздник! Я причастился!..»

— Что за «праздник»? Как же так, думаю, кто же без моего ведома направил ребенка в церковь на при-

После этой встречи я долго не мог успокоиться. Взмывало не только то, что некая «тетушка» без ведома родителей учит детей молитвам. Детей учат еще и лгать...

Недавно я побывал в Недингской неполной средней школе, где многие годы директором Йонас Венцлова. Он рассказал, как несколько лет назад некоторые ученики школы прислуживали ксендзам во время богослужения. Понадобился педагогический такт, знание психологии детей, большая индивидуальная работа с ними, с родителями, чтобы воспитанники оставили костел.

Но вот какое дело: теперь в Недингском костеле ксендзу прислуживают дети из других поселков. Как быть в этой ситуации?

Вопросов много, и учителя не избегают их в откровенных разговорах с воспитанниками. И здесь не обходится без острых, порой колких

хо? Приходится серьезно думать, прежде чем дать ребенку исчерпывающий ответ. Порой — заглянуть в энциклопедию, полистать учебники, справочники, другую литературу. Но ответить надо честно! Слукавишь — посеешь в детской душе неуверенность, сомнение в правоте мира взрослых.

Однажды ко мне в кабинет вошел мужчина средних лет. Живет и работает он в Вильнюсе, выходец из Недингской апилинки (поселка) Варенского района. Как я позже узнал, — передовик труда. Хочет вырастить своего сына честным, порядочным человеком. А взволновал его

частие? — волнуясь, рассказывал мой посетитель. — Выходит, тайно от меня с моим сыном проводили «воспитательную работу» — и кто? Оказывается, свояченица! И посоветовала мне ничего не рассказывать. А тут еще мать ободрила: «Не бойся, отец узнает — ругать не будет...» И мальчишка их послушался. «Ну и что от того, что придется постоять на коленях в костеле? — сказала добрая тетушка. — Зато ты будешь настоящий католик».

Все это возмутило отца: его сын получил урок двуличия. Оказывается, можно думать одно, а говорить другое. А иногда даже и нужно...

вопросов, от которых нельзя уклоняться. Вот тянется чья-то рука: «Почему иногда верующих называют темными людьми — разве так можно сказать обо всех верующих? Разве Лев Толстой был «темный»?...» И учитель вспоминает слова великого педагога В. Сухомлинского, который придерживался мнения, что нельзя объявлять религию темной и примитивной. Надо объяснить детям, почему она появилась, почему живет и сегодня, какая в ней заключена философия. Да кроме того, в религиозных текстах немало и высокой поэзии.

Бывает, что допускаем грубые, бестактные выпады против верующих, их символов. Смотришь иной раз на атеистические стенды в коридорах некоторых школ — и только разводишь руками: о чем думали их создатели? Например: шаржированно нарисована богомолка — согбенная старая женщина с крестом в руках. Значит, над нею надо смеяться? Но, возможно, у школьника есть верующая бабушка, — и такой шарж на поверку оказывается жестокой и безнравственной шуткой. Каких же целей

достигаем мы такой пропагандой? Когда я учительствовал в Тверской средней школе Игналинского района, у меня появилась мысль провести урок в костеле. Провести так, чтобы он не только удовлетворил любознательность ребят, но и «сработал» на формирование атеистических убеждений.

В то время — было это четверть века назад — не все коллеги меня поняли. Но директор Стасе Кантаквичене (ныне покойная), секретарь партийной организации Винцас Брукштис одобрили идею: пусть костел не будет для ребят какой-то запретной зоной. Заранее договорились с ксендзом, чтобы тот рассказал ученикам об имеющихся в костеле произведениях искусства. Ксендз повел их за большой алтарь, показал одежды для богослужения, фрески, иконы... Потом мы обсудили с учениками впечатления от нашего посещения. «Там красиво, но ведь, оказывается, все сделано руками людей. А мы-то думали...» — говорили ребята. Экскурсия развеяла ореол таинственности, которым нередко окружена

церковная жизнь. Спустя много лет одна из моих воспитанниц писала мне: «Урок в костеле оставил глубокий след — это было начало моего атеистического пути...»

Мне думается, запреты закладывают в сознании ребенка искаженные представления о том, что ему не разрешают увидеть, что не дают узнать. Я не очень понимаю учителей, которые живут десятилетиями в деревне или городе и не показывают своим ученикам костела. Чего бояться-то? Разве что своего неумения объяснить детям увиденное, ответить на их неожиданные вопросы.

Обо всем этом надо серьезно подумать. В нашей жизни происходят большие перемены, должны совершаться они и в атеистическом воспитании. Примитивные «вечера чудес», атеистические анекдоты и сказки безнадежно устарели. Наша пропаганда должна быть не только правдивой, но и современной, убедительной.

Бернардас ШАКНИС,
заслуженный учитель Литовской ССР.
г. Вильнюс

Социализм и религия

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РУМЫНИИ

Традиционная для этой страны веротерпимость православных, католиков, реформатов, евангелистов, баптистов, адвентистов, иудеев и мусульман — характерная черта сложившейся здесь религиозной ситуации. Церкви и религиозные организации сегодня располагают всем необходимым для удовлетворения религиозных потребностей верующих. Свобода вероисповедания закреплена Конституцией СРР.

Свои культовые учреждения имеют верующие венгерской, немецкой, еврейской, сербской и хорватской национальностей. Так, например, за 1981—1986 годы для верующих венгров была издана религиозная литература 54 наименований тиражом более 104 тысяч экземпляров. Для немцев — 12 наименований тиражом около 20 тысяч экземпляров. Ежегодно государство выделяет специальные фонды для оплаты персонала и содержания культовых учреждений, на сохранение находящихся в их пользовании памятников, имеющих историческую и художественную ценность.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛЬШЕ

Сейчас в мире каждый восемнадцатый католический священник, каждый восьмой вновь посвященный в сан священника и каждый девятый семинарист — это поляк, сообщает Польское агентство печати.

В прошлом году в Польше насчитывалось 22 902 ксендза в епархиях и монастырях. За один только год посвящено в сан 989 человек. В 65 семинариях учатся 8829 будущих священнослужителей.

БУДУЩЕЕ: ПРОРОЧЕСТВО, ФАНТАЗИЯ, ПРОГНОЗ

БОГ И БОМБА

...Разве «прогресс» науки и техники или «модернизация» сами по себе ведут к применению атомной бомбы? Кто развивает науку и технику? Кто осуществляет (материализует) «модернизацию»? Разве не люди? Разве дело не в моральном облике человека, разве не в проблемах его совести и морали?.. Одним из тех, кто задался такими вопросами, был и Джордж Зеберка, американский католический священник, который служил в рядах действующей армии США во время мировой войны. Задался или был озадачен. На военной базе острова Тиниан Зеберка как военный священник благословлял экипажи бомбардировщиков «Б-29», отправлявшихся на Хиросиму и Нагасаки, чтобы сбросить там атомные бомбы. «Да поможет вам бог» — так ведь напутствовал он пилотов американских ВВС.

Можно считать, что до молитв Зеберки за здоровье летчиков на базе ВВС США атомная бомба не выходила за рамки научно-технических проблем, не являла собой проблему души, совести, морали человека. Зеберка благословил экипажи бомбардировщиков и тем самым от имени бога — если бы только, — но и от имени христиан, — а если учитывать его чувства и чувства членов экипажей «Б-29», за которых он молился, то можно сказать — и от имени челове-

чества изрек моральное «да» атомной бомбе. Иными словами, именно в этот момент проблема вышла за рамки науки и техники и вступила в область «проблемы человека». Именно тогда, когда Зеберка пожелал экипажам счастья.

Посетив Нагасаки после войны, Зеберка своими глазами увидел, какую трагедию принесла этому городу и его жителям атомная бомба, благословленная им. Не кто иной, как члены экипажа «Б-29», христиане, благословленные Зеберкой, слугой господ бога, беспощадно уничтожили Нагасаки, издавна славный как «христианский» город, и убили множество людей, включая братьев и сестер во Христе. Зеберка пришел к развалинам самого старого в Японии и великолепного католического собора Урагами и из руин извлек осколок разбитой курильницы. Он был потрясен, узнав, какое зверство совершили тогда американцы. И осознание вины за содеянное отнес не только на счет христианства, допустившего эти ужасы, но и на счет всего человечества.

Из книги японского писателя
Макоето Ода «В Нагасаки
XXI век. Будущее и
человечество»

ЧТО ТАКОЕ ПСИХОГНОСТИКА

В. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

У нас на работе рассказывают, что есть люди, которые могут только посмотреть на лицо незнакомого человека или на его фотографию и определить характер. Возможно такое или выдумывают?

Из письма Ирины СМЕРНОВОЙ
г. Еманжелинск
Челябинской области

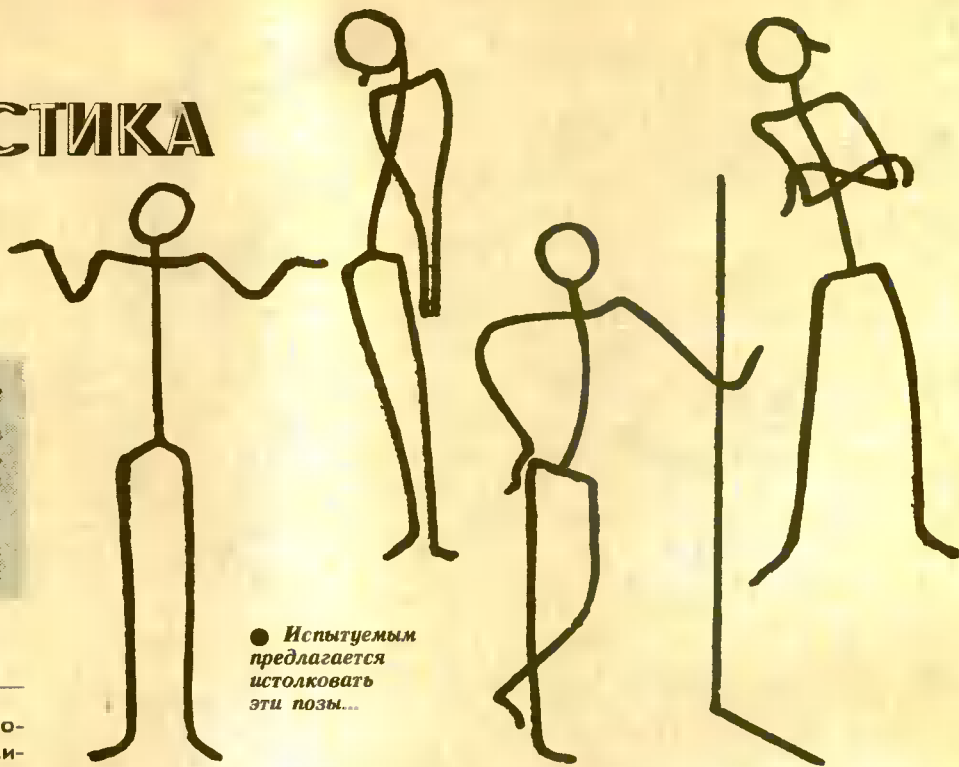
ЗАГАДОЧНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Началось все, видимо, с философского сочинения «Физиогномические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви» швейцарского писателя Иоганна Каспара Лафатера (1741 — 1801). Цюрихский пастор стал европейской знаменитостью, на физиогномические сеансы к нему ездили аристократы из разных стран, присылали свои портреты, гипсовые маски. Прорицатель в большинстве случаев попадал, как говорят, «в десятку». Как-то в Цюрихе объявился импозантный аббат с изысканными манерами и острым умом. А Лафатер, увидев священника, предрек, что он кончит жизнь на виселице. Через некоторое время аббат совершил убийство...

В чем же заключался секрет искусного физиогномиста?

Лафатер считал, что умственную жизнь человека отражают строение и очертания черепа и лба; эмоциональную — лицевых мускулов, носа и щек, чувственные, «животные» начала — это складки рта и линия подбородка. Впрочем, еще Аристотель указывал: тот, кто имеет щетинистые, дыбом стоящие волосы, — боязлив; у кого широкий рот, тот смел и храбр. «Нос толстый, как у быка, — писал он, — означает лень. Широкий, с большими ноздрями, как у свиньи, — глупость»¹.

После смерти Лафатера громкую известность получил венский астроном, врач и анатом Франц Галль (1758 — 1828). Именно он впервые стал рассматривать кору головного мозга как субстрат психической деятельности, предложив свою «карту» мозга, на которой умозрительно локализовал в извилинах коры все

● Испытуемым
предлагается
истолковать
эти позы...

психические функции, способности и черты характера человека.

Галль считал, что развитие отдельных участков мозга влияет на форму черепа, и, ощупывая его, определял характер человека не хуже Лафатера. Так, однажды к Галлю для осмотра привели 16-летнего Шампольона, будущего знаменитого ученого. Юноша уже был полиглотом, и ничего не зная об этом Галль воскликнул: «Ах, какой гениальный лингвист!»

Сейчас все это — история. История заблуждения. Современная наука твердо установила: мнение, будто личностные особенности человека тесно связаны со строением его лица или черепа, — ошибочно. А учение о локализации определенных психических функций в извилинах мозга оказалось чистым мифом. Но если так, то какая же «мистическая» способность позволяла с первого взгляда читать книгу человеческой личности?

Самое время вспомнить сейчас об интуиции — не менее загадочной человеческой способности.

Мозг человека производит сложнейшую психофизиологическую работу, осмысливая полученную от органов чувств информацию, сравнивает ее с уже накопленным, хранящимся в памяти знанием, с жизненным опытом. Причем деятельность эта происходит как бы на двух уровнях, каждому из которых свойственны специфические особенности.

Первый — дискурсивное (рассудочное) мышление. Второй уровень —

подсознательная, интуитивная деятельность мозга. Она протекает как бы автоматически (мы ее не осознаем) и подбрасывает сознанию «сюрпризы» в виде готовых, непонятно откуда появившихся решений.

Это отчетливо проявляется у людей-«счетчиков», способных фантастически быстро производить в уме математические операции. В подавляющем большинстве случаев такие феномены не знают, как это у них получается: мол, дано от природы — и конец!

У наблюдателей может сложиться впечатление, что у таких «счетчиков» не мозг, а ЭВМ. Сравнение не только поверхностное, но и неверное, ибо компьютеру интуиция не присуща.

Интуиция, которая из-за своей неизученности, «скрытого характера» иногда допускает всевозможные мистические толкования, «виновна» и в случаях удачных предсказаний. Хотя Лафатер был уверен, что определяет личность человека по жестко фиксированным чертам лица, а Галль — по выпуклостям на черепе, и тот, и другой действовали подсознательно, интуитивно.

«Моя наблюдательность, — писал Бальзак, — приобрела остроту инстинкта: не пренебрегая телесным обли-

¹ Интересно, что подобные представления живут и поныне. Вот что выявили опросы: многие по-прежнему считают квадратный подбородок признаком сильной воли, большой лоб — ума, жесткие волосы — непокорного характера; полнота свидетельствует о добродушии, толстые губы — о повышенной сексуальности и т. д.

ком, она разгадывала душу — вернее сказать, она так схватывала внешность человека, что тотчас проникала в его внутренний мир, она позволяла мне жить жизнью того, на кого была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ним самого себя... Откуда у меня такой дар? Что это — ясновидение? Одно из тех свойств, злоупотребление которым может привести к безумию? Никогда я не пытался определить источник этой способности; я обладаю ею и применяю ее — вот и все».

Несомненно, и Лафатеру, и Галлю, и Бальзаку была присуща высокоразвитая способность: человек о о щ у щ е н и е. Иначе говоря, психогностика (от греческих «психо» — «душа» и «гнозис» — «знание»). Но если Бальзак не пытался объяснить свою способность к человекоощущению, то Лафатер и Галль дали ей ложную интерпретацию. Ошибка объяснима: восприятие информации и ее обработка на уровне подсознания, как уже говорилось, не осознается.

Как бы ни скрывал человек свои чувства и мысли, его психическая деятельность так или иначе, но всегда находит внешнее выражение. «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение», — отмечал еще И. М. Сеченов². Психические процессы сопровождаются действием не только произвольно, но и автоматически управляемых мышц (поднимающих волосы, расширяющих и сужающих сосуды, зрачки и т. п.), а также желез внутренней и внешней секреции (гипофиза, слезо- и потовыделяющих и других). Все это отражается во внешнем облике человека, в мимике, глазах, голосе, руках...

Ну а дальше, как говорится, дело техники. И тренировки: не всякий имеющий глаза — видит...

ЯЗЫК ЭМОЦИЙ

Американский исследователь Р. Вудвортс провел любопытный эксперимент. Он сфотографировал лица актеров с «заданными» эмоциями (удивление, страх, страдание, отвращение, презрение и т. д.) и попросил испытуемых указать по фотографиям, что выражают эти лица. Ошибки оказались столь незначительными, что ни о каком угадывании или случайном совпадении не могло быть и речи. Язык эмоций можно понимать! Более того, в процессе общения человек интуитивно «считывает» с лиц не только ярко выраженные эмоциональные проявления, но и более тонкие их нюансы.

Как правило, человек понимает, что собеседники «читают» его, поэтому обычно старается как-то скрывать чувства нервно-мышечным напряжением. Однако наметанный глаз все же распознает его истинное эмоциональное состояние. Например, «мышцей приветливости» названа нижняя часть кругового мускула глаза; если при улыбке она не напрягается и нижние веки не поднимаются, то это верный признак неискренности (сокращение этой мышцы не регулируется усилием воли).

● Лоб, рот — все на лице грудного ребенка выражает внимание.

Если чересчур сосредоточиться, желая придать лицу определенное выражение, то могут выдать руки. Вспомним блестящую психологическую новеллу Стефана Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины»:

«Невольно я подняла глаза и прямо напротив увидела — мне даже страшно стало — две руки, каких мне еще никогда не приходилось видеть: они вцепились друг в друга, точно разъяренные звери, и в неистовой схватке тискали и сжимали друг друга... Я смотрела на эти руки весь вечер, они поражали меня своей неповторимостью; но в то же время меня пугала их взволнованность, их безумно страстное выражение, это судорожное сцепление и единоборство. Я сразу почувствовала, что человек, преисполненный страсти, загнал эту страсть в кончики пальцев, чтобы самому не быть взорванным ею. И вот в ту секунду, когда шарик с сухим коротким стуком упал в ячею и крупье выкрикнул номер, руки внезапно распа-

лись, как два зверя, сраженные одной пулей. Они упали, как мертвые, а не просто утомленные, поникли с таким выражением безнадежности, отчаяния, разочарования, что я не могу передать это словами...»

Эмоциональные состояния выдает и походка — ее ритм, скорость, давление на поверхность, длина шагов, эластичность, определенность и изменчивость. Нередко, заслышав шаги на лестнице, люди не только узнают, кто из близких возвращается домой, но и достаточно точно могут определить, в каком они настроении.

И, наконец, глаза... У людей это главный информационный канал. На глазу испытуемого психолог А. Л. Ярбус укреплял миниатюрную присоску с легким зеркальцем. Когда человек рассматривал фотографии, луч света от направленного светильника падал на зеркальце, отражался от него и чертил на фотобумаге след движения глазного яблока. Полученный график не оставлял сомнений: когда мы рассматриваем изображения других людей, то первое и главное, что притягивает наш взгляд, — их глаза. Лев Толстой по выражению глаз, их блеску, влажности, зрачкам описал 85 оттенков душевного состояния своих героев. Многие реакции глаз не управляются волевым усилием, вот почему с давних времен именно реакция глаз в ряде случаев использо-

² Сеченов И. М. Физиология нервной системы. Избранные труды в четырех выпусках, вып. 1 М., 1952, с. 146.

валась как своеобразный «детектор лжи».

У многих животных прямой, направленный взгляд служит сигналом угрозы. Некоторые бабочки выработали в процессе эволюции особую раскраску — концентрические круги на крыльях, которые птицы воспринимают как глаза изготовившегося к прыжку хищника.

Если глаза человека правомерно называют зеркалом души, то голос — ее эхо. Интонация не только отражает переживания, но и передает отношение человека к тому или иному событию, свидетельствует о его самочувствии, темпераменте, уверенности или неуверенности в себе. Особенно тонко реагируют на оттенки голоса слепые. «Я полагаю, — рассказывает одна слепая, — что душа человека открывается для нас больше, чем для зрячих, — голос передает ее состояние более непосредственно, более искренне, чем выражение лица. Люди, обреченные довольствоваться слухом, большей частью вырабатывают способность наблюдать и изучать самые тонкие изменения голоса. Приходится обращать внимание не столько на звук голоса, сколько на его музыкальный тембр; доброта или жестокость, благосклонность или озлобленность, глупость, ум, предрасположение к неопределенности или мечтательности — все это передается ударами, вибрациями голоса, его уклонами и изгибами, его очертаниями и контурами». Известно, например, что в позапрошлом веке начальником одного из участков лондонской полиции назначили человека, ослепшего в раннем детстве. Его прозвали «поимщиком воров»: по голосу он точно определял достоверность показаний и узнавал рецидивистов...

В наши дни космические психологи придают особое внимание анализу речи и голоса космонавтов: оценивается не только смысловая сторона радиообмена, но и такие характеристики, как тембр голоса, скорость произношения отдельных слов и фраз, быстрота ответа. Более того, с помощью специальной аппаратуры голоса космонавтов подвергаются своего рода «спектральному анализу», позволяющему судить об их эмоциональном состоянии, утомлении и т. д.

Человеку в состоянии аффекта вообще трудно скрыть проявление эмоций. Вспомним знаменитую репинскую картину «Иван Грозный и сын его Иван». На лице царя гениально точно запечатлена типичная инстинктивная реакция ужаса: глаза широко открыты и выпучены, черты лица заострены (в области лба мимические признаки душевной боли). А в позе сына, в чертах его лица специалист сразу определит типичные признаки коллапса, обусловленного травмой и сильным кровотечением

Невозможно скрыть эмоции и при определенных заболеваниях. Это объясняется тем, что болезнь создает определенную настройку подкорковых систем, управляющих мимикой, подавляет привычные условнорефлекторные мимические движения. Вот почему душевное состояние, интеллектуальный мир больного, не говоря уже о состоянии физического, опытные врачи нередко читают на его лице с большой степенью достоверности. Это прекрасно делал еще Гиппократ. (В современные учебники по терапии вошел симптом «лицо

роств, темп, ритм психических процессов и состояний человека. По внешнему поведению можно в ряде случаев определить темперамент. Художник М. В. Нестеров описывает свою встречу с И. П. Павловым: «Не успел я осмотреться, сказать несколько слов, ответить на приветствие супруги Ивана Петровича, как совершенно неожиданно с какой-то стремительностью, прихрамывая на одну ногу и громко говоря, появился откуда-то слева, из-за угла, из-за рояля, сам «легендарный человек»... Целый вихрь слов, жестов понесся, опережая

● Знаменитого хирурга Н. И. Пирогова Репин нарисовал незадолго до его смерти

Подвижные морщины, глубокие складки на лбу, у плотно сжатых губ, пылкий, пронзительный взгляд с характерным прищуром подслеповатого левого глаза говорит о строгом, аналитическом уме, о человеке упрямом, крутом, собранном.

● Лицо царя на картине И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» исполнено ужаса от содеянного. Художник достоверно передал всю гамму инстинктивной реакции

Гиппократ»: заостренные черты, запавшие глаза, характерные для воспаления брюшины). Термином «омега меланхолика» в обиходной речи современных врачей нередко обозначается характерное состояние скорби: на лбу поперечная складка, внутренние концы бровей приподняты, углы рта опущены, в глазах — безысходная тоска... В 1971 году вышел специальный атлас «Лицо больного», где представлены типичные выражения лиц, свойственные ряду заболеваний.

Как видим, мимика, передаваясь по наследству, реализуется, с одной стороны, врожденными механизмами, с другой — приобретенными в процессе индивидуального развития навыками и привычками.

«ЗЕРКАЛО ДУШИ»

Мимика отражает не только динамические, преходящие эмоциональные состояния, но и устойчивые качества личности. К ним прежде всего следует отнести темперамент, характеризующий интенсивность, ско-

друг друга... более яркой особы я и представить себе не мог».

Бальзак посвятил походке человека, можно сказать, целое исследование, назвав ее физиономией характера. Но что же это такое — характер? Современная наука отвечает: совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности, общении и обуславливающая типичные для нее способы поведения.

Яркие описания выразительных движений, раскрывающих характер героев, мы находим в произведениях Достоевского, Толстого, других великих писателей. Так, в лермонтовском «Герое нашего времени» мы читаем (о Печорине): «Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера». О сложности характера Печорина (сочетание скрытности, скептицизма и меланхолии) говорит выражение его глаз: «Они не смеялись, когда он смеялся... Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен».

Объяснить связи между стабильной выразительностью лица и движениями мимической мускулатуры попытался еще Леонардо да Винчи. Моделями для исследований в области физиогномики великий живописец выбирал людей старых, так как морщины и другие возрастные изменения на их лицах ярко выявляли страдания и чувства. «Та доля истины, которая содержится в так называемой физиогномической науке, — рассуждал Ч. Дарвин, — определяется, по-видимому, тем, что у разных людей, в зависимости от их предрасположений, одни мышцы приходят в действие чаще, чем другие. Вот почему развитие этих мышц, возможно, усиливается, и, таким образом, те морщины или борозды, которые зависят от привычного сокращения мышц, становятся глубже и заметнее»³. С большой долей вероятности можно утверждать: морщины вокруг глаз свидетельствуют о веселом характере, искренней смешливости. Известен и мимический эквивалент волевого характера — сдвинутые брови, поперечные складки на лбу...

Художник Б. В. Иогансон вспоминает, как однажды ему довелось увидеть известного коллекционера живописи М. А. Морозова рядом с его

собственным портретом (работы В. А. Серова): «Я был потрясен тем обстоятельством, что это было не только похоже, но это было гораздо больше, чем похоже. Мастер сумел найти то, что выражает подлинную сущность этого человека». Можно вспомнить и восклицание папы римского Иннокентия X при взгляде на собственный портрет, написанный Веласкесом: «Слишком правдиво!»

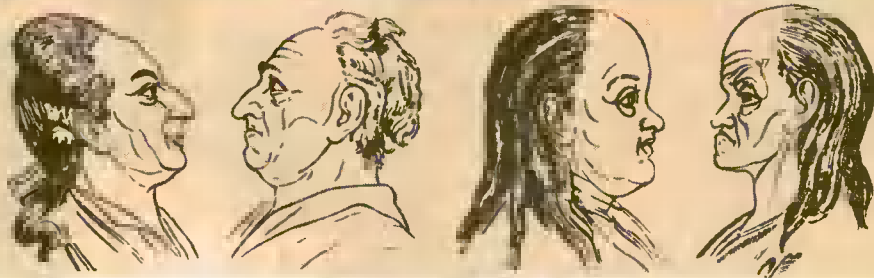
Мы часто слышим: «Похож больше, чем в жизни», «Слишком правдиво». Никакого чуда тут нет, талантливый художник раскрывает внутреннюю

стоящей души данного человека»⁴. Как говорил М. В. Нестеров, у художника для этого «должен быть особый глаз на лицо человеческое, зоркий и чуткий».

Недавно советскими учеными был проведен интересный эксперимент. Перед людьми различных профессий ставилась задача быстро определять личностные особенности незнакомого человека. Оказалось, из мужчин лучше всего с этим справились художники-портретисты и скульпторы, из женщин — актрисы. Кстати, Лафатер тоже был художником-портретистом.

● Ярость и покорность. Рисунки из книги Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных».

● Четыре лица — четыре темперамента: холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик.

Из трактата Лафатера «Физиогномические фрагменты...» (1775 — 1778).

сущность своей модели. По сути, художник как бы преодолевает временную ограниченность своего искусства, выбирая в жизни персонажа тот момент, в котором концентрируются его наиболее характерные, типологические черты. Да и вся его жизнь — прошлое, настоящее, даже будущее. Недаром Гегель отмечал: «...Одно дело передать лицо в тех поверхностных и внешних чертах, которые лицо спокойно сидящего перед портретистом человека являет ему именно в данный момент, и совершенно другое дело уметь изобразить те истинные черты, которые представляют собою выражение самой на-

А кроме того, исповедовал своих прихожан.

Слушание исповедей особенно способствует развитию интуитивного восприятия духовного мира людей. Прототипом старца Зосимы был оптинский старец Амвросий (в миру А. М. Гренков). Послушаем Достоевского:

«Про отца Зосиму говорили многие, что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце свое и жаждавших от него совета и врачебного слова, — до того много

³ Дарвин Ч. Соч., т. 5. М.-Л., 1953, с. 919.

⁴ Гегель Г. Соч., т. 12. М., 1938, с. 159

принял в душу свою откровений, сокращений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда приходившего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово».

Способность интуитивно определять эмоциональное состояние человека, его характерологические особенности, правильно судить о нем как о личности развивается чаще всего в процессе художественного творчества — по мере накопления опыта общения и наблюдения за людьми.

«СПИТ»

Ну а как же наука — она ведь предпочитает иметь дело с объективным, а не субъективным? Именно практические запросы вызвали к жизни новое направление в психологии — психодиагностику. Инструментами ее служат различные пробы — тесты. Однако и индивидуальные способности к человекоощущению у того или иного исследователя нельзя сбрасывать со счетов.

Психодиагностика сейчас широко применяется в медицине (обследование душевнобольных), педагогике (выявление интеллектуальных способностей) и профориентации (выявление задатков и определение способностей необходимых для успешного овладения специальностью). Особое значение психодиагностика имеет в профессиях, от которых зависит безопасность людей.

Известно, например, что жизнеспособность воздушных лайнеров, морских судов зависит и от каждого члена экипажа, и от их взаимодействия. Четкость в работе требует полного взаимопонимания. Как же определять психофизическую совместимость экипажа? Как обеспечить слаженную групповую деятельность в продолжительных походах, в космических полетах, при зимовках на полярных станциях, в горах, трудно-

доступных районах, на океанских судах?

Комплексное исследование, проведенное в 1980 году под руководством И. Ф. Рябикина на полярных и высокогорных гидрометеорологических станциях с ограниченным числом персонала, подтвердило, что одна из самых больших трудностей — вынужденное совместное проживание. Полярники в один голос говорили: «Избавьте нас от связанных с этим конфликтов, а все остальное придет само».

Конфликты в условиях длительной групповой изоляции возникают по разным причинам. Одна из них — именно у группы отсутствие развитой способности к человекоощущению. Так перед исследователями встала задача разработки специального теста — на способности к человекоощущению.

В чем он заключается? Мы уже говорили об интуитивной проницательности художников-портретистов. Однако еще в прошлом веке такие возможности обнаружили и у фотографии (несмотря на несовершенную технику). Интересно, например, оценка фотопортрета, по которому Винсент Ван-Гог предсказал, что у его сестры разовьется психическое заболевание. Художник писал брату: «Возьми, к примеру, нашу сестру Вил. Она не пьет, не распутничает, а все-таки у нас есть одна ее фотография, на которой взгляд у нее, как у помещанной...»

Но по единственной, даже выразительной фотографии трудно дать общую характеристику, определяется лишь одна-две черты личности. Поэтому, создавая социально-перцептивный интуитивный тест (СПИТ) для оценки способности к восприятию других людей в группе, исследователи (к которым принадлежит и автор) обратились к фотографиям психопатических и душевнобольных людей.

Для этого были причины. При психопатиях наблюдается общая дисгармония личности с усилением отдельных ее составляющих. Так, при астенической психопатии люди отличаются повышенной впечатлитель-

ностью, ранимостью, крайней робостью, застенчивостью. Для истерических психопатов характерно стремление к красивой позе, желание казаться лучше, интереснее, значительнее, чем в действительности. Чересчур возбудимые люди подвержены приступам ярости, гневного неистовства, агрессивности по отношению к окружающим. Все это находит выражение не только в поведении, но и в типичных, показательных психических состояниях, которые более устойчивы, чем у здоровых людей. Естественно, это фиксируется на фотопортрете.

Подобраны 48 портретов людей, страдающих восемью видами психических расстройств. Они разбиты на 6 серий по 8 фотопортретов, каждая изображает определенные личностные качества. В одной серии экспериментов испытуемым предлагалось отобрать те портреты, которые им нравятся, и те, которые не нравятся. Во второй серии — выбрать тех, кто подходит им как сосед по коммунальной квартире, а затем — как сотрудник по работе. Особенно отчетливо восприятие других людей выявлялось в третьей серии экспериментов, когда испытуемым предлагали отобрать лиц, пригодных для артистической деятельности, и указать для них наиболее подходящие роли. Например, на роль Кабанихи из «Грозы» А. Н. Островского предлагалась страдающая эпилепсией пожилая женщина с властным лицом. На роль Катерины и Ларисы из «Бесприданницы» — молодые женщины, страдающие депрессией.

Тест оказался универсальным. При необходимости его можно применять для отбора художников-портретистов, актеров, даже следователей и преподавателей, врачей-психотерапевтов и психологов, других специалистов, работающих с людьми.

Вот и все о человекоощущении. Как видим, ничего сверхъестественного в «сверхпроницательности» отдельных людей нет. Это качество личности можно изучать и воспитывать в себе и в других. Ведь живем мы среди людей.

70 ХРОНИКА СЕМИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

♦ 1929 год. В Москве открыт Центральный антирелигиозный музей.

♦ 1929. 18 марта. В г. Шахматдане религиозными фанатиками убит Хамза (Хакимзаде Ниязи) — народный поэт Узбекистана, видный общественный деятель, борец против религии.

♦ 1929. 8 апреля. ВЦИК и

Совнарком РСФСР принимают постановление «О религиозных объединениях». Оно конкретизировало правовые отношения между государством и религиозными организациями, права и принципы деятельности религиозных обществ, порядок получения ими в бесплатное пользование или в аренду молитвенных зданий и т. д.

♦ 1929. 13 июня. ЦИК и Совнарком Армянской ССР принимают постановление «О запрещении в дни «магер-

рама» религиозных демонстраций и всякого рода самоистязания и самобичевания». Постановления, запрещающие эти изуверские действия, были приняты также в Азербайджане, Грузии и Туркмении.

♦ 1929 год. Создаются кафедры по изучению религии в Комкадемии и Институте красной профессуры.

♦ 1929—1930 годы. В Белоруссии сотрудниками республиканской Академии наук проведено одно из первых

массовых социологических исследований религиозности населения. Оно охватило 20 городов и 225 сел. Исследование показало: 65,4 процента населения составляют неверующие.

♦ 1930. 9 февраля. Папа римский Пий XI выступает с заявлением о «преследовании религии» в СССР, призывает провести молебствие о «спасении русского народа». Началась новая волна антисоветской кампании правых клерикальных сил.

В известном историческом памятнике «Хроника Ливонии» можно встретить неожиданное образное словосочетание — «литовский волк». Что же это за хищник, рыскавший в XIII веке по берегам Немана, Даугавы, Балтийского моря? Хронист ордена меченосцев Генрик Латвийский назвал так молодое литовское феодальное государство, которое стремилось объединить в своем составе родственные по укладу жизни, языку, культуре племена, населявшие прибалтийские земли. Эти племена хронист изображает жертвами «литовского волка», «невинными овечками», которых спасает «охотник»-избавитель. Конечно, это немецкие военно-религиозные ор-

дена. По велению христианского бога и его наместника на земле папы римского они защищали племена балтов от дикого языческого «литовского волка». А в другом историческом источнике — «Хронике прусской земли» Петра Дюсбурга (XIV в.) — рассказывается, как за «охотником» шли и «пастухи» — пастыри-миссионеры, обращавшие в христианство отбитых у «волка» язычников, попутно присоединяя к своим владениям их «ничейные» земли: ведь право на землю бог дарует только христианам и все эти пруссы, ливы, жемайты, литовцы, латыши «божьей землей» владели незаконно...

История распорядилась так, что становление литовского государства совершалось в окружении держав, которые

ПУТЬ КАТОЛИЦИЗМА В ЛИТВУ

гораздо раньше приняли христианство. Нельзя сказать, что с южными и восточными соседями — католической Польшей и православными русскими, белорусскими княжествами — отношения языческой Литвы всегда были дружескими. Но самый опасный враг угрожал ей с запада и севера — аппетиты объединенных военно-религиозных немецких орденов (Тевтонского и Ливонского) крестоносцев и меченосцев не ограничивались территориями балтийских племен, а простирались дальше на восток — на славянские земли.

Подкрепленная авторитетом папы римского военная мощь немецких орденов, экономическая блокада, идеологическое давление, тайные подкупы и коварные интриги — все было пущено в ход против языческой Литвы.

Более двух веков длились войны с агрессорами-крестоносцами. Это было трудное время. Весь хозяйственный уклад, образ жизни Литвы пришлось подчинить военным нуждам. По хозяйственному уровню она в ту пору не уступала своим христианским соседям, здесь шла торговля, развивались ремесла и искусства, была и письменность — славянская кириллица и латиница. Словом, тогдашнюю Литву никак не назовешь «дикой», «невежественной» страной, как это пытались изобразить идеологи крестоносцев.

Однако унаследованные от общинно-племенного строя религиозные верования не могли идеологически обосновывать и санкционировать развивающиеся феодальные отношения. Попытки модернизировать язычество, приспособить его к новым условиям ожидаемого результата не давали. В то же время правители литовского государства видели, как в соседних странах христианская религия успешно служит интересам правящих классов.

Вот почему там, где оказывался бессильным меч крестоносцев, с помощью местных феодалов побеждало слово христианских проповедников, хотя и оно встречало активное, упорное сопротивление, особенно в народных массах. И процесс утверждения новой религии растянулся буквально на века. Еще в 1251 году великий князь Миндовг (Миндаугас) делает попытку ввести в стране христианство. Но через 8 лет сам же от него отрекается. Построенный в Вильнюсе католический собор вновь «обратили» в прежнюю, языческую религию. Пройдет еще более 100 лет, прежде чем христианство станет официальной религией Литвы.

Нужно отметить, что задолго до официального «крещения» в Литве существовали христианские общины (и католические и православные), были обители бернардинцев и францисканцев. Правители феодальной Литвы в общем терпимо относились к проживавшим у них христианам, однако в народные массы эта вера практически не проникала.

В качестве официальной религии христианство пришло в Литву в 1387 году так же, как в 966 — в Польшу, в 988 — на Киевскую Русь: правящая верхушка решает принять новую веру и навязывает ее народным массам.

Ставший в 1377 году великим князем литовским Ягайло (Ягелло, ок. 1350 — 1434) заключил в 1385 году Кревскую унию с Польшей, принял католическую веру, женился на польской королеве Ядвиге и стал правителем обеих объединившихся держав. В феврале 1387 года было официально введено христианство в Литве.

Эти исторические события были взаимосвязаны и обусловлены сложным комплексом факторов как внутреннего, так и международного характера — экономических, политических, военных. Они широко и всесторонне освещены в исторической литературе, так что мы не будем вдаваться в их подробный анализ. Подчеркнем только, что и после крещения литовской феодальной знати вводимое сверху христианство встречало враждебное отношение со стороны народных масс. Однако к этому времени централизованная политическая власть уже достаточно окрепла и могла подавить сопротивление введению новой религии. Сыграл здесь свою роль и авторитет Ягайлы как верховного правителя, традиционно признаваемого таковым и в

вопросах веры. Небезынтересно, что, вернувшись уже католиком из Кракова в Вильнюс, он привез с собой для крещения литовцев не высокопоставленных иерархов польской церкви, а лишь нескольких рядовых ксендзов. Ягайло сам разъяснял литовцам преимущества новой веры, подчеркивая этим, что ее преподносит литовец и король литовцев, а не иностранцы.

Династический союз с Польшей и введение христианства в Литве с точки зрения истории, бесспорно, следует рассматривать как позитивный политический шаг. Прежде всего он помог обуздать колонизаторские поползновения немецких военно-религиозных орденов, выбив у них важный козырь обоснования их агрессии — «крещение язычников». Это помогло накопить силы для решающего разгрома Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве (1410).

Принятие христианства также способствовало ослаблению экономической изоляции Литвы, развитию ее дипломатических и культурных связей с внешним миром. Передышка в оборонительных войнах позволила восстановить людские ресурсы, заняться мирным трудом.

Однако нельзя забывать и о том, что одним из последствий Кревской унии и «крещения» Литвы была Люблинская уния 1569 года. Она существенно подорвала экономическую и политическую самостоятельность Литвы, усилила влияние здесь польских феодалов, создала благоприятные условия для их вторжения на украинские и белорусские земли. Введение христианства стимулировало развитие феодальных отношений, утверждение крепостнических порядков, способствовало усилению эксплуатации крестьянских масс.

Освящая крепостничество, внушая крестьянам, что строй этот идет от бога, а потому следует терпеть и подчиняться, католическая церковь сама достаточно быстро превратилась в Литве в крупного феодала. Естественно, что народное недовольство обращалось не только против феодалов светских, но и против церкви, оправдывавшей несправедливость, жестокость, бесправие.

Еще полвека назад, в буржуазной Литве, ксендз Повилас Якас, пытаясь объяснить тот факт, почему на протяжении столетий после «крещения» новая религия отвергалась литовским народом, писал, что Литва получила христианство, давно потерявшее привлекательные черты своей первоначальной поры. Католицизм, отмечал Якас, был богат теологическими фразами и литургическими догмами, но ему не хватало любви к человеку, сострадания к бедным и порабощенным, стремления облегчить их участь. Новокрещеный литовский крестьянин увидел огромную пропасть между своими насущными нуждами и католическим учением и практикой церкви. «В костеле, — писал Якас, — униженный, оскорбленный, порабощенный, бесправный литовский крестьянин видел на самом почетном месте, у алтаря, своего обидчика, господина, которому все почести отдавал ксендз, идущий к алтарю прославлять бога».

Что добавить к признаниям этого, видимо, честного человека? Разве только то, что он поплатился за них своей церковной карьерой...

Та глубокая пропасть, которая уже в первые века «христианской эры» Литвы пролегла между католицизмом и литовским народом в социально-экономических отношениях, затронула и другие сферы народной жизни: традиционные правовые и моральные нормы литовцев, их мироощущение, народная культура — все шло вразрез с католическими догмами и установками.

Ныне католические идеологи пытаются замолчать, затушевать эти драматические конфликты, изображая католицизм преемником и продолжателем древних верований литовцев и утверждая, что новая религия органично вошла в их духовный мир.

Например, известный католический историк Паулюс Рабикаускас пишет: «Христианство для литовца не было совершенно новым миром, который потребовал бы от него своеобразного духовного перелома. Христианский бог был

для него той же самой великой невидимой силой, которую он ощущал и до этого, силой, управляющей миром, проявления которой он видел в громе, солнце, луне, земле». Основными чертами литовцев Рабикаускас называет трудолюбие, любовь к своему краю, храбрость, гостеприимство, миролюбие, человечность. А ведь все это совпадает с евангельскими качествами христианина. «Христианство только углубило и обогатило то, что оно нашло в душе литовца, уже давным-давно настроенной по-христиански. Христианство для литовца не стало какой-то невыносимой тяжестью, наоборот, оно открыло для него новые горизонты, сделало равноправным членом христианской общины тех времен, объединяющей всех средневековой christianitas и действительно помогло ему стать тем, кем мы являемся сегодня»¹.

И другие католические авторы настойчиво подчеркивают преемственность культурно-религиозной традиции литовцев и католицизма. Об этом говорится также в пастырском послании литовских епископов ксендзам и верующим по случаю 600-летия введения христианства. Его авторы, утверждая, что старые языческие верования по своей сущности были близки христианству, проводят мысль о том, будто литовцы сами собой постепенно приближались к учению Христа, в душе своей были христианами и до официального «крещения». А раз так, то никакая переоценки ценностей и не требовалось, никаких конфликтов с новой верой не было и не могло быть.

Духовное родство между язычеством и католицизмом, как, впрочем, и между язычеством и другими мировыми религиями, конечно, имеется: это превратное, ложное отражение действительности. Кроме того, и те и другие религии формировались и развивались в определенной культурной среде, вбирая в себя и мистифицируя общечеловеческие духовные ценности. Именно эти общечеловеческие элементы культуры, присутствующие, хотя и в мистифицированном виде, в различных религиях, делают возможным взаимодействие и взаимообогащение культурными ценностями, сближают народы. В то же время религиозно-мистическая форма существенно сдерживает, ограничивает этот благотворный процесс: религиозная обособленность и нетерпимость ведет к культурной дезинтеграции, изоляции народов.

Сегодняшний день в Литве (это характерно и для других советских республик) отмечен повышенным интересом к истории своего народа, к его культурным истокам. Стремясь повернуть этот интерес в полезное для религии русло, католические проповедники заявляют: «Христианство вобрало и сохранило все ценное, красивое, благородное, что было в древней литовской культуре и язычестве. Достаточно глубоко познать христианство — и вы познаете культурное прошлое своего народа».

Но обратимся к истории.

Мировоззрению древних балтов (в том числе и литовцев) были чужды многие из тех представлений, что составляют основу христианского учения: божественное творение мира из ничего, посмертное воздаяние, страшный суд и т. д. Литовцы-язычники считали, что боги оказывают людям помощь не за какие-то богоугодные поступки: это просто функциональная обязанность богов обширного языческого пантеона — опекунов различных видов хозяйственной деятельности. Широко было распространено поклонение огню, водным источникам, животным, растениям, вера в различных духов.

И в такую страну пришла католическая церковь с ее вековой традицией нетерпимости. Догматизированная, закостенелая, привыкшая к тотальному господству над умами и чувствами людей, она не могла дружелюбно отнестись к языческим верованиям.

Где уж тут говорить о какой-то преемственности! Это теперь католические идеологи стремятся отыскать ее в том далеком прошлом. А тогда «крестители» решительно искореняли ненавистное язычество. Невзирая на настроения людей разрушали они очаги вечного общинно-

го огня, которые не столько выполняли религиозные функции, сколько были хранилищем огня в буквальном, хозяйственном смысле. Члены общины брали здесь угольки для собственных очагов, и общинный огонь воспринимался как символ единства, сплоченности общины. Святость лесов для древних литовцев была мистифицированной формой охраны природы, а ревнители христианства вырубали священные рощи, нарушая историческое табу на жизненно важные для людей богатства природы.

«Крестителей» отделял от народа языковой барьер. Священников, владевших литовским языком, было немного. В Литве внедрялся латинизированный да еще и полонизированный вариант христианства, и естественно, что народные массы его не принимали. А попытки «литуанизировать» католичество, приспособить его к культурным традициям, народным обычаям литовцев сколько-нибудь существенных результатов не дали. Самобытная, созданная народными массами культура, психологическая, мировоззренческая, языковая среда древних литовцев отторгала от себя чуждую, насильственно насаждаемую религию, воспринимавшуюся как господская вера. Христианизация небольшого по численности народа растянулась почти на 400 лет.

За это время феодальные власти и католическая церковь испробовали множество способов экономического, политического, правового, психологического, морального принуждения. К примеру, если родители не были обвенчаны в костеле, их дети ограничивались в правах, не могли наследовать имущество. Тех, кто игнорировал церковные обряды, подвергали публичному моральному порицанию и даже наказаниям.

Некоторые католические исследователи сопротивление народных масс христианизации склонны объяснять недостатком священников, замкнутостью сельских общин, редкой сетью костелов. Действительно, в середине XVI века (по данным польских историков) на один костел в Литве приходилось примерно 300, а в Жемайтии, где «крещение» состоялось еще позже и христианизация проходила еще труднее, — 600 или даже 1000 квадратных километров территории, тогда как в Польше — 50—60, в Испании — 30 квадратных километров. Все это, безусловно, отразилось на темпах распространения христианства. Но будь больше костелов и священников — это не превратило бы процесс христианизации в добровольный и не сделало бы религиозные убеждения литовцев более глубокими.

Говорят о «просветительской миссии» католицизма в Литве, в частности о его благотворном влиянии на развитие письменного литовского языка. Но факты истории выявляют более чем равнодушное отношение церкви к литовской письменности. Как уже отмечалось, в литовском феодальном государстве издавна применялась письменность на древнерусском, латинском; а с середины XV века — и на польском языках. Так удовлетворялись нужды государства в хозяйственно-политическом управлении, внешних связях, просвещении феодальной верхушки. Крепостной крестьянин с письменностью сталкивался через писаря волостной канцелярии, писавшего на древнерусском языке. С созданием церковных приходов в низовых звеньях общества появился еще один грамотный человек — ксендз. У священнослужителей были большие возможности для распространения в народных массах письменной культуры на литовском языке. Однако эта возможность не была реализована: большинство ксендзов были приезжие, плохо знали язык прихожан, редко, наездами бывали в своих приходах. Многие ксендзы литовского происхождения, в основном представители имущих классов, пренебрежительно относились к народным низам, игнорировали литовский язык. Полонизи-

¹ Рабикаускас П. К приближающемуся юбилею крещения Литвы. — «Айдай» (США), 1986, № 2 (на лит. яз.).

рованность церкви была серьезным тормозом развития письменности и просвещения на литовском языке, да и официальным языком в церкви была латынь.

Только в эпоху европейского Ренессанса, распространения идей гуманизма, а затем в период Реформации обострилось внимание к национальным языкам. Для развития письменности на литовском языке немало сделали известные деятели реформации и гуманизма XVI века А. Кульветис, С. Раполенис, Б. Вилентас, М. Мажвидас, Й. Бреткунас и другие, жившие в так называемой Малой Литве. Там, в Восточной Пруссии, протестантский священник Мартинас Мажвидас в 1547 году издал первую литовскую книгу — «Катехизис». Другой деятель этой группы Йонас Бреткунас перевел на литовский язык всю Библию, однако издать ее так и не удалось. Известно, как высоко оценил Ф. Энгельс немецкий перевод Библии для развития языка и художественной литературы. Литовскому переводу Библии не суждено было сыграть такую роль. Тот же Йонас Бреткунас в 1591 году издал на литовском языке «Постиллу» — двухтомный сборник проповедей, содержащих и просветительские идеи.

В самой же Литве первую религиозную книгу на литовском языке подготовил варнянский католический священник, сторонник идей просвещения и гуманизма Микалоюс Даукша. Переведенные им «Катехизис» и «Постилла» вышли в Вильнюсе в конце XVI века — почти два столетия спустя после «крещения» Литвы. М. Даукша первым заявил о значении родного языка для культуры, образования и нравственного совершенствования народа. Литовский язык он называет «всеобщими узами любви, матерью единства, отцом гражданственности, стражем государства». Но это был глас вопиющего в пустыне, не нашедший отклика и поддержки ни в католической церкви, ни в феодальных верхах. Только в середине XVIII века (опять же в Малой Литве) заговорил стихами на литовском языке протестантский пастор Кристионас Донелайтис — автор выдающегося памятника литовского языка и литературы — поэмы «Времена года».

Но вернемся в XVI век. Борьба между католиками и протестантами всколыхнула феодальное общество. Со всей остротой обозначилась потребность в образовании, в грамотных людях для экономической, политической, научной деятельности. В 1579 году в Вильнюсе была учреждена высшая школа, предтеча Вильнюсского университета.

Победа над реформацией упрочила католицизм в роли господствующей идеологии феодального общества. В духовной жизни установилась жестокая католическая реак-

ция. Воинствующий клерикализм проникает во все сферы общественно-политической, культурной жизни, тормозит распространение наук, просвещения, прогрессивных идей. Но светское начало культуры не было умерщвлено. Оно продолжало развиваться, преодолевая препятствия на своем пути.

В среде католического и протестантского духовенства были образованные люди, которые в различные периоды литовской истории внесли весомый вклад в общественное и культурное развитие. Для литовцев, выходцев из низших и средних слоев общества, путь к образованию шел через духовную семинарию; другие пути были им недоступны. Не все получившие образование посвящали себя церкви, отдавшись литературной, научной, общественной деятельности и оставив значимый след в культуре своего народа.

Рассматривая историческую роль христианства в Литве, не следует повторять ошибок, которые допустила католическая церковь по отношению к духовному наследию литовцев. Она не сумела отделить языческие религиозные верования литовцев от их культурных, бытовых, нравственных традиций. Искореня язычество, она подавляла и элементы народной культуры. То, что не смогла уничтожить, попыталась приспособить к христианству.

Народные массы, в течение многих столетий находясь под духовным влиянием христианства, были вынуждены принимать многие его элементы. Таким образом, на культурную жизнь народа, в которой функционировали и элементы язычества, накладывался второй мистический слой в виде христианства. Поэтому сегодня, исследуя истоки и противоречивое развитие литовской национальной культуры, мы с большим вниманием, бережностью и осторожностью освобождаем ее народную сущность от обоих наслоений мистицизма — и христианского и языческого.

В последнее время, в связи с 600-летием «крещения Литвы», заметно активизировалась клерикальная литовская эмиграция. Зарубежные клерикальные идеологи и пропагандисты представляют католицизм неотъемлемой чертой литовской национальной самобытности. Достаточно отнять у литовца католическую веру и связанную с ней систему духовных ценностей, утверждают они, и литовец перестанет быть литовцем. Глядя с клерикальной колокольни на углубляющийся процесс секуляризации и атеизации сознания и образа жизни трудящихся Советской Литвы, они бьют тревогу по поводу «гибели фундаментальных духовных ценностей литовского народа». Но это ложная тревога, она основывается на тенденциозном отождествлении духовности и религиозности, на подмене духовности религиозностью, на стремлении «очистить» духовную культуру от ценностей, не связанных с религией.

Чем глубже познаем мы историю литовского и соседних с ним народов, тем яснее видим, что во всех прогрессивных народных движениях со всей яркостью выступали светские элементы общественной жизни. Даже многие представители духовенства, захваченные водоворотом социальных и национальных движений, занимали высокую гражданскую и патриотическую позицию. Ксендз Антанас Мацкевичюс в памяти народа остался жить как народный демократ, один из руководителей восстания 1863 года, ксендз Антанас Страздас — как поэт, выражавший социальные интересы порабожденных крестьян, епископ Мотейос Валанчюс — как писатель и борец за трезвость народа, как распространитель литовских книг, епископ Антанас Баранаскас — как поэт, воспевавший красоту родной природы, и т. п. Для их разносторонних интересов духовные рамки католицизма были тесны.

Долго и трудно проникнал католицизм в духовную жизнь и быт литовского народа. Внесенные им в сознание людей религиозные идеи не законсервированы там на вечные времена. Новые условия труда и жизни, расцвет культуры, рост социальной активности и чувства собственного достоинства людей сужают сферу действия религии. И этот процесс необратим.

Г. Вильнюс

Со всего света ИЗЫДИ, САТАНА!

«Изгнание дьявола» широко практикуют католические священнослужители. Однако не осталась в стороне и англиканская церковь. Очередное свидетельство тому — недавний громкий «процесс о сатанизме», о котором несколько месяцев из номера в номер писала лондонская «Дейли телеграф».

Подсудимый, некий Дерри Мейнуринг Найт, выманил 203 850 фунтов стерлингов у духовных и светских лиц, обьявив, что предназначены они на защиту христианства от козней «ордена Сатаны». Первым на приманку клюнул сельский пастор Джон Бейкер из Сассекса.

Найт уверял легковых, будто еще ребенком бабка

посвятила его Сатане и он постепенно достиг высших постов в его «ордене». Не раз Люцифер вещал якобы его, Найта, устами. Но теперь, мол, он, Найт, прозрел, раскаялся и хочет не только сам избавиться от дьявола, но и вывести на чистую воду весь «орден». А для этого нужны деньги на покупку таких «регалий» сатанинского культа, как нагрудные цепи, дорогие кольца, чаши, скипетр и т. п.

И Бейкер сначала сам давал Найту деньги, а затем начал собирать для него средства у других. И ни пастора, ни других жертвователей ни разу не посетили сомнения. А ведь среди меценатов оказались весьма видные лица. Найт же и не думал ничего покупать. Все деньги он просто прокутил.

Художник Б. Ионайтис.

Витаутас МИСЯВИЧЮС

ГОСТИ ЗАМКА ВЕНТЕ

Известный литовский прозаик Витаутас Мисявичюс (род. в 1924 г.) в своем новом романе «Молодой язычник» обращается к событиям XIII века, когда в Литву проникли завоеватели-

крестоносцы. Учение Христа насаждалось огнем и мечом. В летописях находим мы описания трагических эпизодов сопротивления литовцев христианизации. Так, после длительной и тяжелой осады защитники одной крепости перебили своих детей и жен, затем подожгли крепость и сами погибли в пламени, чтобы не сдаться войскам Ордена.

Крестоносцы пядь за пядью подчиняли своему влиянию все новые земли. Объединивший разрозненные мелкие княжества в единое государство великий князь литовский Миндаугас, полагая заручиться поддержкой Ливонского ордена в борьбе за единовластие, принял крещение, но, как сообщает «Кройника литовская и жемойтская», «скоро Мендог веру христианскую покинул, и до першой поганской веры вернулся, не могучи поношения от розных станов терпети» и поднял восстание против Ордена...

Действие романа «Молодой язычник» разворачивается на земле древних пруссов — одной из балтийских народностей, на берегу залива (ныне — Куршский залив), куда впадает Неман. Сегодня здесь расположен пансионатный заповедник Неринга. Песчаная коса Неринги в одном месте вдаётся в залив большим мысом, который имеет форму изогнутого рога и называется Вентес Рагас. В этой красивой местности автор книги рас-

полагает замок Венте, где правит суровый и справедливый князь Айстис, где его дружина отражает набеги викингов, где посвящают в витязи княжича Вигинтаса, от лица которого ведется повествование. Тяжелые испытания выпади на долю молодого героя романа, самоотверженно противостоящего стремлению чужеземцев на-

вязать его народу чуждую веру.

В публикуемом отрывке рассказывается о прибытии в замок Венте папских посланцев — монахов Мартина и Ваптерса, следующих к великому князю Миндаугасу с предложением королевского титула и всеевропейского признания при условии перехода в новую веру...

...Вспоминаю как сейчас все, что было тогда в большом княжьем покое — там, где обыкновенно задавались пиром, шли увеселения, где столы ломились от яств... Пир — не одно веселье, с незапамятных времен в наших краях на пиру вершат многие важные дела. При застолье держат совет, думают, идти ли на соседа войной, или просить мира, договариваются, какой данью обложить покоренного врага, на пиру судят и на пиру прощают, на пиру решают споры и тяжбы, на пиру же мирят драчунов и строптивцев, наказывают всяких смутьянов, постановляют, где быть межам угодий, защищают сирот, помогают делить добро между родичами, когда те сами поделить его промеж себя не смогли.

В княжью гридницу все вступили чередой: впереди сам правитель замка с домочадцами, за ними — начальники замковой стражи да иноземные гости. Те на ходу с любопытством оглядывали все, что встречали. Увидали верховного жреца Перкумаса, в белом жреческом одеянии, с жезлом, в зеленом венке из дубовых листьев, — и давай осенять себя крестом. А Перкумас стоял величаво и головы к монахам не повернул...

— Отворите гридницу, — приказал слугам князь Айстис. — И смотрите, чтоб гости остались довольны.

Сошли в гридницу и князя ближних уделов, знатные бояре, витязи. Все норавли заняты места получше за длинным столом. Под ногами сновали собаки, забирались под стол, ожидая своей доли. Порой собачья свора рычащим клубком бросалась в угол, где челядь очищала блюда.

— Лучше благодарный пес, чем неблагодарный человек, — говаривал наш военачальник.

Челядь и простой люд угощались в замковом дворе, откуда слышались молодецкие выкрики воинов, женский смех, детские голоса. Все сливалось в густой гул толпы, разгоряченной питьем и весельем.

В гриднице во главе стола были поставлены два кресла для князя и княгини Мирги. Кресла повыше остальных, да и сама княгиня была ростом много выше других. На лавках подле князя с княгиней сидели старшие сыновья правителя и знатные гости. Сегодня то были двое монахов, купец Видгаутас и прибывшие на его судне торговцы.

Слуги разместили факелы вдоль стен.

Щеголя Отто усадили вместе с моими братьями и сестрой Бирутою. Наши взоры иногда скрещивались. Забывая обо мне, Отто все чаще поглядывал на Бируту, а та вся горела от радости. Схватит горсть орехов со стола, кинет в настырного гостя, а он и рад. Очень это все мне не нравилось.

Близ них сидел кудесник Лаумакис, и мне все приходило на память его красавица дочка. Отец мой Айстис говорил, что Древерне станет править в Венте, значит, будет и моей повелительницей...

Златокосяя Древерне, Янтарек, драгоценная моя рыбка...

Чтобы никто не заметил, как пылает мое лицо, наклоняюсь низко, долго глажу собаку, что лежит у ног. В жар бросает, когда вспоминаю Древерне... Подумать страшно — вдруг лишусь ее. Вот бы сейчас выросли за спиной крылья, полететь бы к ней, повидаться, хоть одно словечко молвить...

В гриднице стало тихо.

Встал верховный жрец Перкумас с большим рогом, отделанным серебром. В правой руке он держал краюшку свежего хлеба. Вознес молитву богам, жрец исполнил обряд угощения: вылил наземь мед из рога, хлеб поднес к губам, потом кинул в горящий очаг. Вслед за ним все мы отили из своих кубков и рогов по несколько капель...

Пока жрец Перкумас возносил молитву богам, монахи сидели как окаменелые, колодные их глаза были опущены долу. Должно быть, худо им сделалось без своего бога: он, вместе с крестом, к коему прибит, остался в отведенных гостям покоях.

Когда жрец умолк, встал правитель Венте.

— Дозвольте мне, — сказал он и поднял высоко полный рог, — приветствовать вас, гости из дальних стран... Пусть будет вам здесь, у нас, весело и покойно. За ваше здоровье!..

Князь отлил несколько капель меда богам, затем залпом осушил рог.

Все дружно последовали примеру князя. Монахи, когда Видгаутас пересказал им приветствие, учтиво улыбнулись и чуть пригубили напиток.

Перкумас выпил мед, сдвинул брови. Нет, мед хорош, но очень уж ему не по нраву слуги распятого. Чует он, чует — не с миром пришли они, не будет от них пощады ни богам литовским, ни людям этой земли.

Замковые слуги снуют по лестницам вверх да вниз, волокут большие дымящиеся котлы, другие хлопчут у очага, где на вертелах — кабаньи и косульи туши. Вдоль стен гридницы — бочки с медом и пивом. На тяжелых столах, среди венков и охапок цветов — ряды кувшинов. Сводчатые стены княжских покоев увешаны турьими, лосиными рогами, щитами, кольчугами: здесь пировали многие поколения князей...

— Как-то в битве с мазурами пробили мне голову, — перекрывая шум, звучит привычный голос витязя Гимбутиса. — Наш жрец посыпал мне ее солью, потом еще тмином! Ох и горело! Волком выль...

— Зря обижаешься, Гимбутис. Соль кровь стягивает, а тмин боль унимает, запомни это, медведь! — крикнул Кикутис.

Витязь усталился на него, точно бык, которого сильно раздражили.

— Полно зудеть, комар кусачий! — Гимбутис стукнул кулаком по столу. — Знаю я тебя: не лечил ли мою головушку, а в жаркую печь посадить собирался, оттого и приправы сыпал...

Грянул хохот.

— Коли птица глупа, то и песня тако-

ва, — пробормотал обиженный Кикутис. — Вот и не пой!

Жирный монах поднял кубок за князя Айстиса и благополучие всех жителей Венте, сделал глоток — впору воробью. Пленный варяг Густафф, стоя за спиной гостей, переводил слова монаха, а купец Видгаутас, сидя среди знатных гостей напротив князя, помогал Густаффу.

— Главный пастырь христиан всего мира, истинный наместник бога на земле, святейший папа римский посылает вашей стране свое отеческое благословение...

Айстис-князь побагровел.

В гриднице раздался сердитые выкрики, их перекрыл гневный голос верховного жреца Перкумаса.

— Кого нам в отцы навязываешь, чужестранец? У одного дитяти и отец один бывает... — Перкумас побелел от гнева. — Не надо нам второго отца! Кто дал ему волю благословлять или судить наш народ?

Монахи вскочили с мест.

— О, жрец ложного бога! — выкрикнул Мартин. — Не встравай! Не тебе говорить, а правителю.

— Чужеземцы! — поднял руку князь Айстис. — Не ищите обиды в словах жреца! Он лишь высказал обычаи наших людей: не признаем мы чужих богов. А гости в литовском доме никогда не узнают обиды...

Перкумас понял намек князя и отвернулся.

За узкими оконцами замка — черная ночь. Тучи низко нависли над Неманом. Не разглядеть, что на дворе. Похоже, веселая гульба уже кончилась... Трепет поленья в очаге гридницы, слуги поворачивают вертела, плывет вкусный дух жареного...

Больше говорит монах Мартин, второй же — молчун Вальтер шарит глазами и прислушивается.

— Светлейший князь Айстис, люди Венте!.. Отец всех нас... Отец христианского мира... Пресвятой отец, — поправился Мартин, глянув на жреца, — был бы несказанно рад, если бы здесь, в Венте, были посеяны и взойшли первые ростки виноградника Христова...

Айстис высоко поднял рог, потеревил бороду. Он заговорил мирно, но я-то расслышал в его голосе зимнюю стужу:

— Угощайся, чужеземец. Мы привыкли на пирах решать споры. Уважь и ты наши обычаи!

После этих слов князя Айстиса и монахи воздали честь медовым кубкам, а о торговых гостях, о красавчике Отто и говорить не приходится. Наполняли роги и чаши. Лица у гостей раскраснелись, говор стал громче. Айстис долго сидел, задумавшись, потом обратился к Мартину:

— Ведь не вы первые, монахи, склоняете нас к радости крещения, сулите вечный свет небес... Отчего вы так настырно навязываете своего бога? У меня в замке есть христиане — и пленники, и рабы... Но мы в свою веру их не обращаем, не заставляем чтить наших богов...

Мартин хотел ответить, но князь продолжал:

— Ты предлагаешь сменить богов, которые перешли к нам от далеких предков.

как и любовь к свободе. Наши предки, наша страна никогда не подставляли шею под ярмо, как это делают волю... А вы... — князь плотно сжал губы, — вы, чужие жрецы христианства, ни деревца здесь не посадили, ни коня не напоили, зерна не посеяли, а уже посягаете на наших древних богов! Что знаете вы о них?

Монах Вальтер сверкнул очами, но ни слова не проронил.

— Мы хотим, чтобы наши боги были у нас вечно!

В гриднице раздалась одобрительные выкрики.

Пир продолжался. Смех, громкий разговор мешались со звоном чаш, в свете факелов лица казались багровыми. Нестройные голоса подхватили песню...

Айстис обратился к верховному жрецу:

— Перкумас! Пора! Внеси кровь черного быка!

Потом он повернулся к начальнику стражи Саргунасу:

— Пора, мой доблестный! Возьми-ка меч!

В гриднице сделалось тихо.

Ласково улыбнулась мне княгиня Мирга. А у меня гулко забило сердце...

Тут повернулся ко мне правитель Венте князь Айстис:

— Вигинтас!

Я молча приблизился к нему.

Все стали вокруг нас.

Я наклонил голову. Ярким красно-зеленым поясом перепоясала меня княгиня Мирга.

Жрец Перкумас кровью черного быка начертал знаки у меня на лбу, губах и груди, потом произнес молитву.

Я вытянул руки, и начальник замковой стражи положил на мои протянутые руки меч с затейливой серебряной рукоятью.

Я вынул меч из ножен и подал его князю.

Айстис возложил меч плашмя на мою голову.

— Отныне, Вигинтас, — сказал он, — ты — витязь!.. — Его голос проникал прямо в сердце. — Служи верно и храбро стране отцов и нашим богам!

Он вложил меч мне в правую руку, и я крепко сжал его. Дыхание перехватило.

— Клянусь вам, о боги! Честно и верно буду служить стране отцов и нашим богам... Да будет так!

— Да будет так! — повторила вся гридница.

Чужеземцы молча таращили глаза. Отто потихоньку толкнул локтем Видгаутаса и спросил:

— Что означает сия церемония идолопоклонников?

— Ваша светлость! Князь Айстис посвятил в витязи, а по-вашему... в рыцари, молодого княжича Вигинтаса...

Отец Айстис подошел к стене, где среди прочего оружия висела боевая палица. Снял ее со стены. От времени палица была местами тронута ржавчиной. Лишь у основания шипов и в ложбинках виднелась позолоченная вязь. Князь подержал старинную палицу в руке, потом протянул ее мне.

И вот я, Вигинтас, уже витязь. Высоко поднимая рог с медом, настоящим на

душистых травах. Пью за здоровье князя и княгини, моих братьев и сестры Бируты, за друзей и гостей нашего замка...

Над ухом нежно зазвенели бубенчики. О боги! С лукавой улыбкой мне предлагает свой подарок Отто.

— Юный рыцарь, — и прижимает руку к сердцу. — Прими мой дар в знак дружбы и согласия.

Он с улыбкой вернулся на свое место подле Бируты. Такой подарок вроде бы не годится для витязя. Бубенцы... Сделаю-ка я из них ошейник своему псу.

Лаумакис... Он подает мне ларец — красивый, резной. Там — целебная заговоренная мазь, снадобья, чтобы излечивать раны, коренья, подкрепляющие силу. А на самом дне — венок из трав и цветов, что растут на взморье... Древнерне плела. В таких венках ходят наши девушки-жрицы...

Пир продолжался.

Взял свои звонкие канклес жрец Кикутис. Чистым, сильным голосом запел походную песню. Его голос точно парил над высокими курганами, над дальними полями и реками. Бессмертный дух народа вливался каждому в сердце. И сам Кикутис был уже не веселый балагур. Канклес его звенели, как щит в бою...

Тощий монах Вальтер подмигнул Отто, затем что-то шепнул Мартину...

— Пора нам узнать, надежную ли свиту даст князь, когда двинемся мы к великому князю Миндаугасу, — заговорил Мартин, наклонившись к Айстису. — Доберемся ли благополучно до княжеского замка Воруны? Светлейший князь, перстень Миндаугаса при нас, он вручен нам как знак, что послы мы важные...

Айстис ответил не сразу.

— Скажи, посол, разве не достойно встретил я вас? Разве не отличил от остальных купцов и гостей? — Правитель Венте помолчал и добавил: — Чту Миндаугасов перстень. Сделаю все, чтобы без опаски пустились вы в Вору. —

— Кого дашь в провожатые, князь?

— Витязя Вигинтаса с дружиной, любезные гости.

И Айстис повел рукой в мою сторону.

Мартин переглянулся с Вальтером и проговорил, не скрывая недовольства:

— Он ведь еще безусый юнец, светлейший князь! Разве слышал этот витязь звон мечей на поле брани?

Я задохнулся от гнева.

А Кикутис заморгал глазами и принялся меня хвалить:

— Ого, наш Вигинтас! Витязь что надо! И голова как у витязя! И руки да ноги. А стан — ух, какой стан... Да нос... О, какой нос. Что у сокола... Самый соколийший соколиный нос! Как поближе сяду — соколий, а подальше отойду — воробьиный!

Все засмеялись. Шутка лучше ссоры, правильно старался Кикутис.

Мартин, хоть ни словечка не понял, терпеливо выждал, пока жрец закончит и заключил:

— Да будет твоя воля, князь! Ведь и впрямь не знаешь, где какая опасность сторожит. Все в воле божьей — и мы,

нижайшие слуги божьи, и юный витязь... Мы, светлейший владыка, первые ласточки. Первые посланцы его святейшества папы... Везем важную грамоту высокому князю литовскому Миндаугасу — папа римский предлагает вашему правителю королевский титул. Крещение и королевский венец уравнивают его с правителями христианских стран. Он станет третьим в своей стране после господина и наместника его на земле — самого папы...

Верховный жрец Перкумас поблел.

— Ты... Ты... — Он швырнул рог на землю. — Не мирные ласточки вы, а черные коршуны... Злые ястребы — так и норовите растерзать нашу родину! Не думай, что Миндаугас пожелает стать третьим, коли сейчас он — первый!

— Жрец! — сверкнул очами Айстис. — Не забывайся! Назвав гостей ястребами, ты нарушил закон гостеприимства.

Перкумас горько улыбнулся:

— Много крови, светлейший князь, стоит нам это гостеприимство! Оборачивается оно для нас унижением. — Жрец покачал своей увенчанной дубовым венком головой. — Кто угождает, тот превращается в раба...

Мартин, не скрывая неприязни, выпятил губу.

— О жрец неверных богов! — воскликнул он. — Ты боишься унизиться перед истинным богом, а поклоняешься ужам и истуканам языческим. Твои боги должны будут уступить место единому, истинному богу христиан...

У меня дух захватило от наглых слов монаха.

Послышались гневные голоса в разных концах гридницы, но князь поднял руку, и стало тихо. Правитель Венте твердо произнес:

— Знай, чужеземец, гостеприимство наше охраняет и твою голову, и твой язык. Но мы и богов своих защитить сумеем. Мы не идолов почитаем! Это вы, христиане, поклоняетесь истукану. Читите распятого на деревянном кресте. Разве это — бог? Бессильный, ни рукой, ни ногой двинуть не может... Вы сами, своими руками, вытесали его из дерева. Сделали себе бога и никуда не можете скрыться от творения рук своих. Наши же боги...

Точно отзываясь на речь князя, раздался гром.

Монахи задрожали, переглянулись и осенили себя крестом.

Айстис оглядел пирующих с гордостью.

— Слышите? Вот он, бог наш, подает голос. Он мечет молнии, он царит в небесах... А ты, монах, слышал хоть раз голос бога своего?

Глаза монаха налились злобой. Заметив это, верткий Отто остановил Мартина:

— Осторожней, святой отец. Это — правитель Венте!

— От имени владыки небесного, сын мой Отто, я прощаю владыку земного в упорстве его, — с важностью проговорил монах.

— Скажи, чужеземец, — обратился князь, из-под нахмуренных бровей в упор глядя на Мартина. — Почему вы, служители вашего бога, так легко и просто

обкрадываете своего владыку небесного? Мартин такого вопроса не ждал.

Князь Айстис тихо повторил:

— Отобрали у него право — наказывать и прощать! Вот вы, слуги божьи, даже совсем молодые, заставляете седобородых старцев называть вас отцами. Почему?

— Правитель...

— Погоди, выслушай, что скажу я. Думається мне, вы к другим голосам глуховаты.

Князь кивнул в сторону торгового гостя Видгаутаса.

— Когда собираемся мы купить товар, сперва его разглядываем, потом оцениваем... Так мы и с вашим богом сделаем, монах! Вы нам предлагаете своего бога, дозвольте сперва его узнать. — Айстис обвел глазами гридницу. — Правильно, воины?

— Верно, князь, верно! — загудели голоса.

Айстис покачал головой.

— А мы знаем, монах, что бог твой зол и привередлив!.. И старый, и мудрый, и честный, и незлобивый — все унижайся перед ним... Наши литовские боги добры и благоволят к тем, кто помышляет о добром. Литовские боги, ты слышишь, слуга христианского бога, являют гнев лишь к предателям народа своего...

Монах Мартин вскопчил с лавки:

— Наш господь крестную муку терпел, дабы искупить грехи всего мира!

Айстис махнул рукой:

— Монах! Наши боги не любят терпения. Они не требуют, чтобы мы морили себя голодом, истязали плоть. Они знают — чем сытнее народ ест, тем богаче жертвует и богам...

Голос у князя сорвался.

— Твой бог, чужеземец, — продолжал Айстис, — принес бы сильное смятение нашему народу. Свара пойдет. Брат на брата руку поднимет во имя чужого бога. Если детям нашего народа грозит раздор, надо семя зла истребить в зародыше!

Жалобно брякнули нечаянно задетые канклес Кикутиса.

— Надобно ладью спасать, как только в днище проступят первые капли, — сказал Айстис и взял чашу. — Я, монах, скажу напоследок: за поклонение вашему богу обещаете вы дары небесные, но чувствую — перед тем вашим новоиспеченным христианам придется хорошенько пожариться в адских котлах тут, на земле!

— Но господь милосерд, князь... — возразил было Мартин.

— Я все сказал. Не мне, воину, а жрецу спорить о богах.

Впереди проводник, седовласый Жибурис, рядом с ним двое витязей из замковой стражи. Мартин боялся каждого шороха, каждой тени, поэтому ехал в самой середине. Сзади следовали слуги с вычужными лошадьми.

Дорога в столицу великого князя литовского Миндаугаса длинна и впрямь полна опасностей. Разбойники могли напасть в лесной чаще, на любой поляне или даже вблизи жилья. Забредали в леса и чужеземные лихие люди.

Мартин почти все время ехал молча, иногда бормотал свои непонятные молитвы. Под монашеским одеянием в кожаном мешочке была спрятана папская грамота. Поверх ряссы монах накинул широкий плащ, чтобы выглядеть, как все наши.

Когда лошадь Мартина шарахнулась от скользящей по тропке змейки, я поддержал чужеземного гостя, чтобы он не выпал из седла.

— Посланцу великого папы, перед которым трепещут короли, подобало бы странствовать в носилках с пышной свитой!.. — улыбнулся я.

Мартин печально покачал головой.

— Ошибаешься, юноша! Пышная свита привлекает внимание. Мое странствие — не для чужого глаза и не для разбойничьего уха. Эту поездку будут помнить потомки и сто лет спустя... Когда здесь будут стоять святые кресты... Никто не станет приносить жертвы идолам.

Я огрел плетью своего ни в чем не повинного коня, стиснул зубы. Вспомнил, как на пиру отец мой Айстис говорил пришельцу: «Вижу ваш путь, монах! Всегда один и тот же. Что твои братья сделали с латгальцами и ливами?.. Сначала приплыли на Даугаву немецкие торговые гости, за ними — монахи, вроде вас... Следом за монахами — разбойники с мечами! Вольных людей в рабов обратили...»

«Не с мечом, но с крестом пришли мы, князь, — отвечал тогда Мартин. — И держим путь к великому вашему князю Миндаугасу. Предлагаем ему королевский венец...»

Моя рука сама собой крепко сжала древнюю палицу — подарок князя Айстиса. О, сколько голов сокрушили ею мои предки! Но вспомнилось напутствие правителя замка, и я сдержал гнев. Зато древо мести в моей груди выпустило новую ветвь: пройдет время, и я выточу из нее острую стрелу...

В сумерки одолели мы остаток пути и увидели на высокой горе крепость Вороту, где правил великий князь Миндаугас.

Монах Мартин зычным голосом затянул христианскую песнь...

Перевела с литовского Д. К. И. Я. В.

Религии без богов

Вспомним, на какой «теории» основывалась программа германского фашизма: человечество неравноценно по своей природе, делится на высшие и низшие расы, высшая раса на планете — арийская, наиболее чистые представители арийской расы — немцы, им и предопределено господствовать.

Нет особой нужды разбирать эту «теорию», достаточно ясно, что она не могла выдержать критического осмысления. Но оказалась по-своему привлекательной. Я ничем не выделяюсь среди других, ни умом, ни талантом, ни житейской удачливостью, но вот мне говорят, что, несмотря на свою унылую ординарность, я все же выше, значительней многих, даже тех, кто меня превосходит личными данными, кто сумел добиться почета. Я, оказывается, представитель наивысшей людской породы. Одно сознание этого тешит мое ущемленное самолюбие, вливает гордость, я готов верить тут без оглядки, с той иступленной решительностью, которая пересиливает любые фактические и логические доказательства. И эта вера, по сути, не отличается от религиозной. Верующий в нее готов защищать ее не только с пеной на губах, но и с оружием в руках. Рождается религия в своем самом крайнем виде — воинственном!

Такая религия имеет свои догматы, но имеет ли она бога, то есть некий наивысший авторитет, наделенный сверхъестественной силой?

Самым авторитетным в нацистской «религии» был Гитлер. Можно ли его считать богом? Преклонение перед ним достигало степеней общенациональной истерии, его личность всачески культивировалась, его слово фанатически возводилось в непреложный закон. Бог?.. И все-таки — нет.

Поклонение, вплоть до культового почитания, может быть не только богам. Легко можно представить себе поклонение, возведенное в некий культ, скажем, сына — отцу, мате-

Продолжение. Начало в № 2—4.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГИЯ

В. ТЕНДРЯКОВ

ри — сыну, но обожествлением это можно назвать лишь метафорически. Как бы ни обожал сын отца, но последний все равно останется для него человеком, пусть умным, сильным, значительным, чьи возможности чрезвычайны велики, но вовсе не сверхъестественны. Непременным же отличием богов всех религий — тотемного идола или всевышнего творца библейского толка — являются их запредельные для человека возможности. Тот не бог, чье могущество не превышает возможностей самых могущественных из людей, самых выдающихся героев. Бог лишь тот, кто способен влиять на жизнь сверхъестественными, недоступными никому способами. Быть одновременно человеком и богом нельзя — это принципиально разные категории.

Иисус Христос (если допустить, что он существовал), Мухаммед, Будда обожествлены позднее. При жизни они считались всего-навсего проводниками, глашатаями некоей наивысшей сверхъестественной силы. (Учтите, и Гитлер никогда не выдавал себя за творца тех догматов, которым заставлял веровать и поклоняться. Неравноценность рас predetermined, мол, самой природой, он, Гитлер, лишь доносит эту истину до народа. А потому он в глазах своих единомышленников — апостол веры, пророк, подавляющий своим авторитетом, вождь движения, фюрер, то есть тот, кем он и был в действительности, но не бог.)

Итак, на примере фашистской Германии мы видим определенную религию и отсутствие в ней бога в строгом, а не метафорическом значении этого понятия.

Любой национализм религиозен и безбожен одновременно. Моя нация особенная, мой народ исключителен — это нельзя принять иначе как на веру. Некая ничем не подтвержденная догма, преобразующая и сознание и поведение. Верующему свойственна фетишизация, он не может без нее обойтись. Националист фетишизирует свою историю, свой быт, свои традиции. В фетиш возводятся даже косвенные признаки национального: березы, что растут на родных полях, рябина, что зреет в родных лесах, старые погосты, старые обычаи, одежда, речевые обороты и пр. и пр. — этаким пантеизм

в рамках национального. Тот не националист, кто не поклоняется фетишам.

А фетишизируя свое, сравнивая его с чужим, нельзя относиться к чужому беспристрастно, неизбежно принижая чужого, отказ от него как от недостойного. Появляется характерная для любого религиозного человека нетерпимость к инакомыслящим, инакомыслящим, инакомыслящим.

Мы привыкли думать, будто религиозность непременно связана с седой стариной и не может родиться в нашей современности. Тогда как религиозность постоянно возникает в наши дни, живет рядом с нами в разных обликах. И порой мы, сами того не подозревая, поддаемся религиозным настроениям, становимся их носителями.

Религиозность иногда проявляется на, казалось бы, сугубо материальной основе. Развивающаяся техника — явление и материальное, и осязаемое реальное. Но когда доходящий до крайностей технократ считает, что эта техника, и только она — ничто другое! — осязательно мир, вместе с материальным благополучием принесет и нравственное совершенствование, он, считающий себя последовательным материалистом, впадает тут невольно в религиозность. Он будет приводить сложные логические построения, подкрепленные ссылками на науку, но все равно в конечном счете столкнется с тем внушительным опытом, который говорит, что ни применение пара, ни применение электричества не повлияли на нравственность, не сгладили болезненных противоречий в обществе. И вряд ли атомный реактор окажется целительней парового котла.

Весьма материальная техника воспринимается иногда в столь несвойственной ей роли, что уже полностью утрачивает свою материальность, выступает как нечто ирреальное, отражается в сознании данного человека весьма фантастически.

Не всякого, кто пользуется понятиями материализма, можно назвать материалистом, как не каждого, кто признает для себя гипотетического бога, можно считать идеалистом. Бог может существовать в нерелигиозном сознании, а религиозное сознание может легко обходиться без бога

Дефицит «правды» и «сны золотые»

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Все-таки Беранже прежде всего отстаивал необходимость «правды святой», но уж коль до нее не добраться, то пусть будет «сон золотой».

Желание узнать и понять присуще и животному. Собака на прогулке всегда в исследовательской деятельности, что-то вынюхивает, отыскивает, пытается узнать, преисполнена неутоленным любопытством. Вряд ли возможно измерить, насколько человек превышает этим «желанием познать» самое развитое животное, можно лишь не сомневаться, желание это у него несравненно сильнее.

Непонятное у всех вызывает страх, беспокойство, а порой и страдание. Охотничья, отнюдь не робкая по характеру собака шарахается, поджимает хвост от пошевелившейся черепашки, которую видит впервые в жизни. А вот случай психологически более сложный. Собака очень любит гулять с хозяином, каждый раз бурно реагирует, когда тот надевает кожаную куртку. Но как-то хозяин, надев куртку, вместо того чтобы направиться к двери, садится за стол, продолжает прерванный разговор с гостями. Собака, возмущенная было, начинает изводить, то вскакивает, то ложится, скулит, не находит себе места. Ей непонятно поведение хозяина, прервана связь привычных событий, результат — будет прогулка или нет? — неопределен. Неопределенность не воспринимается равнодушно, она может быть причиной страданий.

Каждое живое существо в силу своих возможностей как бы «создает» ближайшее будущее. Кошка сторожит мышку — надеется изловить ее и съесть. Событие еще не произошло, но оно уже «создано» в центральной нервной системе кошки. И если кошка утратит эту способность, ее действия потеряют целенаправленность, станут хаотичными, неуправляемыми. И это нельзя принять равнодушно.

Кошкино умозрительное будущее

кущее — не больше минуты-другой. Человек может предусмотреть куда дальше, «построить» в своем сознании такое будущее, в которое уложится значительный кусок его жизни. Человек, можно сказать, устремлен в будущее сильней кого бы то ни было, а потому и неопределенность для него невыносимей.

Неопределенность нетерпима даже в тех областях, которые, казалось бы, далеки от насущно жизненных интересов. Поди знай, что может вдруг повлиять на твое будущее! Все, что не просматривается, неизвестно что собой представляет, кажется опасным.

Гремит гром, сверкает молния — что это такое? Признать — неизвестно и успокоиться? Нет, нельзя! Хотя как-то да надо объяснить. Любое, самое невероятное, пусть страшное объяснение лучше полной неопределенности. Объяснения создают фантастические не только потому, что незрелый разум не может связать непонятное событие с реальностями, но еще и потому, что сам загадочный, полный опасности характер неопределенности требует особых, из ряда вон выходящих объяснений.

Религия — фантастическое отражение действительности в головах людей. Но эти отражения, однако, не очень-то походили на радужные «сны золотые», они в своей фантастичности не лишены были и своеобразного реализма, порой беспощадно жестокого. Мы знаем, что языческие боги при всей сверхъестественности напоминали обычных людей, как они были коварны, злопамятны, обидчивы. И бог из Ветхого завета не только грозен и могуществен, а часто себялюбив и смехотворно мелочен.

Религия не только отражение сознания, она еще и необходимейший элемент этого сознания на определенном уровне его развития. Без религии разум людей, постоянно натываясь на невозможность объяснить, перегружался бы мучительной неопределенностью. В неопределенном мире жить страшно. Религия создавала видимость понятности, а значит, освобождала от страха, неуверенности, растерянности, можно сказать, несла психотерапевтические функции.

Мы воспринимаем разум лишь как неоспоримое великое благо, как могучее оружие в борьбе за существование, сделавшее человека господином положения на планете. И не замечаем, что эта однозначность противоречит диалектике, утверждающей, что каждое явление в природе противоречиво. Разум не только великое благо, но одновременно и тяжкий груз, нести который не так-то легко. Он источник не только силы, но и бессилия. Именно разум открыл человеку устрашающее величие Вселенной и ничтожность его самого. Он принес не только радости побед, но и тяжелейшие огорчения. Существо-

вание животного не омрачено сознанием того, что оно, животное, по истечении какого-то времени умрет, а человеку открылось это, и он, право же, не сразу свыкся со столь простой и, быть может, самой огорчительной из всех нам известных истиной. С давних пор изощренный разум придумывал успокоительные пассажи о потустороннем мире, о бессмертии души. Своеобразный акт самосохранения — не разновидность ли приспособляемости, столь характерной для всего живого?

Теперь только крайне наивные и примитивные люди продолжают верить в загробную жизнь, в райские кущи. Человечество уже не может удовлетворяться «золотыми снами» вечного бытия, предпочитает жестокую правду. Разум возмужал и окреп, не нуждается больше в духовной мимикрии.

Но и в наши дни человек сталкивается с такими загадками, которых не может объяснить себе. И в наши дни он призывает на помощь фантазию, чтоб отделаться от неопределенности. Как произошла та Вселенная, в которой живем мы? Как выглядело начало начал миров? Создано десятка полтора различных космологических гипотез. И хотя все они основаны на последних достижениях науки, но не обходятся и без фантастического, гипотетического объяснения. Но все это совсем не похоже на прежние религиозные объяснения, категоричные, не оставляющие места для сомнений.

Они — составная часть мыслительного процесса, а интенсивность мышления возрастает. Человек все чаще и чаще прибегает к сомнению, все менее склонен к абсолютной вере во что бы то ни было. Религиозности трудно с этим ужиться, она уходит из сознания.

Но не ушла совсем. Всегда находится что-то такое, за что она может зацепиться.

Известный психолог А. Н. Леонтьев как-то к случаю рассказал мне, что папа римский обратился с посланием к Международному конгрессу психологов, собравшемуся в Риме. Конгресс не принял папского послания, однако оно все же было роздано ученым. Папа писал, что и церковь и психологи занимаются одним предметом исследования — душой. И тем не менее их усилия не перекрещиваются: если психологи должны отвечать на вопрос, почему происходит то или иное движение души, то церковь ставит совсем другой вопрос — зачем! Папа приветствовал и благословлял ученых, желал успехов в их деле.

— Я стал мучительно вспоминать, — говорил мне Алексей Николаевич, — где-то я уже сталкивался с чем-то очень похожим. И наконец вспомнил — у Льва Толстого в дневниках! Толстой прочел Вундта и сделал запись: странные люди эти ученые, спорят — лошадь ли везет всадника, или всадник лошадь, тогда как следует спросить — куда он едет и кто послал?

Вряд ли папа читал столь редко издающиеся — не знаю даже, переведенные ли на иностранные языки, — дневники Л. Н. Толстого. Просто над этими вопросами едва ли не каждому хоть раз в жизни приходилось задумываться: куда едет странный всадник, к какой высшей цели стремится человечество, какой смысл заложен в его существовании?

Чем больше станет набирать мощи наш разум, тем сильнее будет стремление к истине, к «правде святой», стремление, исключающее желание спрятаться с головой в «сны золотые». Но искусство всегда будет пользоваться мотивом «снов золотых» и люди всегда будут в них окунаться. Но это вовсе не означает, что «сны золотые» становятся нормой жизни.

Окончание следует.

Публикация
Н. ТЕНДРЯКОВОЙ-АСМОЛОВОЙ.

Со всего света

СУД НАД «1001 НОЧЬЮ»

В 1985 году группа исламских фундаменталистов обратилась в каирский суд с требованием запретить «1001 ночь» [точнее, новое ливанское издание этих всемирно известных арабских сказок] за порнографию. Жалобщики просили суд уточнить, соответствует ли эта книга тексту оригинала.

Не так давно суд вынес на-

конец определение, в котором отметил: оригинала «1001 ночи» вообще нет, так как эти сказки веками передавались из уст в уста, обогащаясь за счет фольклора разных народов. Первое издание «1001 ночи» вышло в Каире в XV веке. Отдельные эротические пассажи этого бессмертного произведения, постановил суд, нельзя вырывать из контекста.

Исторические курьезы

В Римской империи, поздравляя друг друга с наступлением нового года (начинался он тогда 7 марта), люди говорили: «Перпетуам фелицитателем!» («Постоянного счастья вам!»). Эти слова попали в христианский календарь, но уже в другом

значении. 7 марта превратилось для католиков в праздник... святых Перпетуи и Фелицитаты! Появились святые — как водится, «возникли» и их мощи. В итоге рук, ног набралось столько, что их хватило бы на девять человек.

Рисунок Е. Федоровой.

Солнечная природа петуха особенно наглядно отразилась в христианских верованиях. На фреске в одной из римских катакомб по сторонам Христа, изображенного в виде античного Доброго пастыря, стоят два петуха. Деревья рядом с ними показывают, что действие происходит в раю. Вполне возможно, здесь отображена раннехристианская легенда, гласившая, что во время последней трапезы Христа с учениками ему подали жареного петуха. А когда Иуда ушел, чтобы предать своего учителя, Христос велел петуху следовать за ним. Тот повиновался и, вернувшись, рассказал о предательстве — и в награду попал в рай. В другой раннехристианской легенде утверждается, что Христос воскрес после первого пения петухов. Широко известно евангельское пре-

сисе Беатуса» (конец XII в.) изображен танцор, который держит за шею петуха. Занесенный над птицей кривой нож напоминает о сохранившемся вплоть до начала XX века обряде масленичных представлений с обязательным ритуалом обезглавливания петуха, что должно было обеспечить высокое плодородие. В Галисии и Кастилии во время карнавала несчастных птиц подвешивали на веревке и «петушиный король» рубил их саблём. Последнего петуха — «духа зерна» приносили в дар земле. В кастильских деревнях птицу убивали скачущие всадники или мальчики с завязанными глазами.

В Греции полагали, что при закладке нового дома, первый, кто пройдет мимо углового камня, умрет в течение года. Предупреждая возможность подобного несчастного случая, строители — для замены — убивали петуха. В Германии через новый мост прогоняли петуха: считалось, что первое прошедшее по нему живое существо должно принадлежать дьяволу.

Во многих местностях петуха закапывали под основанием дома или церкви. Когда в 1876 году разбирали монастырский храм в Сербии, то нашли под фундаментом порога, в специальной нише, скелет петуха и яйцо, пролежавшие там около шестисот лет.

Нередко петуха приносили в жертву духам болезни. В старинном обряде отпугивания «коровьей смерти» сельские женщины в полночь, а часто и на утренней заре закапывали или сжигали петуха. После этого они пропахивали ритуальную борозду вокруг деревни и поднимали сильный шум. Все это должно было отвести эпидемию. У одного из грузинских племен — имеретинцев, если болел мужчина, петуха прокручивали три раза над его головой. Потом голову, ноги и крылья птицы красили в красный цвет и в таком виде отпускали ее на свободу. Когда больнойправлялся, петуха убивали и прятали в ближайшем лесу.

В наше время большинство предсудков, связанных с петухом, исчезли безвозвратно. И даже сохранившиеся в некоторых пословицах (если на сретение напьется петух воды, — наберется пахарь беды, или: петухи не в пору поют — новые указы будут) воспринимаются теперь только как любопытный факт далекого прошлого. Ленинград

М. КАСПЕРАВИЧЮС

Когда американские дьяволопоклонники умерщвляют петуха перед алтарем, на котором разложены предметы, напоминающие о смерти и преисподней, — они вряд ли задумываются над истоками своего мрачного обряда. Между тем еще в античной мифологии, а затем в средневековых христианских легендах и народных суевериях, петух занимал видное место. Его то сопоставляли со светом и солнцем, то считали вестником ада, птицей, имеющей контакт с подземным миром.

Верили, что черный безголовый петух воплощает в себе нечистую силу. В болгарских деревнях бытовали ужасные истории о навьях — душах умерших, которые в бурные и дождливые ночи будто бы летают над крышами домов в облике больных женщин и детей, пьют их кровь.

И все же чаще в петухе видели олицетворение света и жизни. Еще в глубокой древности эту птицу посвящали солнечным богам. Верили, что она по примеру солнца отсчитывает время и своим пением отпугивает демонов ночи. Возможно, именно такое значение имело изображение воина с петушиной головой, щитом и хлыстом на амuletах гностиков — последователей одного из религиозно-философ-

ских течений Римской империи в первые века нашей эры. Даже само солнце иногда представляли в виде петуха в круге.

Петуху как вестнику дня и солнечному божеству поклонялись и в Древнем Иране. В мадаизме его почитали священной птицей бога света Ахурамазды, который создал ее для борьбы с враждебными людям силами. И в мифах африканских племен ленду и хима (обитавших у озера Альберта) бог Интжуа сотворил солнце, луну и петуха одновременно и приказал им заботиться о благополучии человека. В японских храмах, посвященных «светящейся на небе» солнечной богине Аматэрасу, содержали петухов: своим криком они призывали ее утром на землю.

Изображения петуха, который, как и солнце, все видит и знает, древние славяне помещали на крышах домов. В Латвии еще в XVIII веке в праздник благовещения рубили дерево и, поставив его в центре деревни, прикрепляли крест с посаженным на нем железным петухом. Фигурами петухов декорировали сундуки, другие вещи домашнего обихода. Такие изображения служили оберегами от злых духов и пожара. И в Китае нарисованный на стене красный петух должен был предохранять строение от огня.

дание, согласно которому петух своим криком обличил отрекшегося от Христа апостола Петра

С петухом связаны разнообразные суеверия и магические обряды. В некоторых легендах он человеческим голосом сообщает людям будущее. Так, доминиканский приор Рудольф из Шлеттштадта (XIII—XIV вв.) в своем сочинении «Достопримечательные истории» описал историю некоей служанки, подслушавшей разговор между петухами.

В некоторых провинциях Китая жители в канун Нового года отправлялись на лодках на середину реки и там умерщвляли петуха, пытаясь по его костям предугадать будущее. В дореволюционной России девушки на святки ставили перед петухом стакан с водой, зеркало, другие предметы. Если он пил воду, считали, что будущий муж будет пьяницей, если клюнул в зеркало — щеголем.

Широко распространено было мнение, что крик петуха ночью предвещает смерть близкого человека, а внезапное его мотание головой указывает на опасность. Считая, что крик петуха прогоняет злых духов, его на русских свадьбах поуждали кричать, для чего предварительно поили водкой.

В испанском «Апокалип-

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС...

В конце сентября прошлого года в Вильнюсе закончился судебный процесс по обвинению А. Борубаева, М. Кымбатбаева, В. Пестрецова, Г. Бушмакина, И. Седова в убийстве киноартиста Т. Нигматулина. Процесс широко освещался в центральной и местной печати, центральное телевидение посвятило ему часовую передачу в цикле «Человек и закон». Однако, как нам кажется, в стороне от общественного внимания осталась важная тема, интересующая наших читателей: как, благодаря чему люди, увлеченные какой-то идеей (пусть даже несколько фантастической), превратились в некую секту, а затем и в группу уголовников. В названии автор вынес один из основных принципов компании Абая, заимствованный у Раджниша.

женщину, проходит высокий худой мужчина. Это супруги Вилия Калинаускаене и Андриус Калинаускас, хозяева квартиры, где убили Талгата Нигматулина.

Вилия идет к скамье потерпевших, а ее мужа пропускают на другую скамью — подсудимых. Сидеть бы им по справедливости рядом, но Вилии повезло — выручила амнистия.

Подсудимые сгорбились, и потому все, кроме Калинаускаса, кажутся щуплыми и малорослыми. Глядя на их понурые фигуры, трудно поверить, что перед тобой убийцы, что эти пятеро несколько часов подряд били одного, который даже не пытался защититься...

Станным назвал этот процесс один из его участников, беседуя со мной между судебными заседаниями. Странностей действительно хватало. На скамье подсудимых сидели не рецидивисты и не изгои общества, не опустившиеся или озлобившиеся на весь мир люди. Правда, в одном из них — Мирзе Кымбатбаеве — черты асоциальности, что называется, бросались в глаза. Но и он до поры до времени вел себя тихо.

Абай Борубаев, как и Мирза, давно уже не работал, хотя в отличие от Мирзы, не осилившего даже десятилетки, окончил экономический факультет Киргизского университета.

В. ХАРАЗОВ
наш специальный корреспондент

Третий подсудимый, Владимир Ильич Пестрецов, на десять лет моложе Мирзы, но на семь лет старше Абая, на двадцать — Седова и Бушмакина. Младший научный сотрудник института экономики мировой социалистической системы. Кандидат исторических наук. Член партии. Пропагандист Люберецкого РК КПСС города Москвы. Впрочем, все это уже в прошлом. Рядом с Пестрецовым — Игорь Седов, студент МВТУ. И, наконец, Андриус Калинаускас, художник.

Григорий Бушмакин, студент МАИ, признан психически больным и пока находится на лечении.

Не правда ли, странная компания? И по возрасту (между Мирзой и Седовым разница в тридцать лет), и по роду занятий, социальному положению (профессиональный нищий, великовозрастный шалопай, научный работник, студент, художник).

Но это не единственная и даже не самая большая странность.

Талгат Нигматулин был убит по приказу и при участии Абая Борубаева. Убит Пестрецовым, Седовым, Бушмакиным, Кымбатбаевым.

С Борубаевым Нигматулина связывала десятилетняя дружба. Мирзу Талгат знал около четырех лет, считал его необыкновенным человеком. Мирза, в свою очередь, относился к Талгату с почтением как к человеку известному и заслуженному.

Уважали Нигматулина и остальные обвиняемые. Пестрецов, Седов и Бушмакин показали, что не будь приказа Абая, им и в голову не пришло бы не то что ударить, а хотя бы словом обидеть Талгата. И тем не менее стоило Абаю приказать — не просто ударили — убили! Медэксперты насчитали 119 телесных повреждений. Чем объяснить такое зверство со стороны людей, казалось бы, вполне интеллигентных, к тому же не питавших к своей жертве никакой вражды?

Во время следствия все трое твердили, что не хотели убивать, но не могли не подчиниться приказу Абая. Однако такое объяснение ничего не объясняет. Больше того, вызывает резонный вопрос: почему же эти трое столь бездумно, подобно роботам, подчинялись приказам Абая? Может, они просто больные люди?

Нет, ответила экспертиза, проведенная специалистами, все, за исключением Бушмакина, практически здоровы и способны отдавать полный отчет в своих действиях.

Тогда в чем же причина? Ведь любое, самое «немотивированное» преступление, всегда тем не менее

ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

В Вильнюсе хмурое утро. Набухшие тучи плывут над городом, цепляясь за шпили и крыши домов. Лениво моросит холодный дождь.

Вместительный зал Верховного суда Литовской ССР переполнен. Не хватает мест даже в первом ряду, отведенном для представителей прессы. Спит глаза свет «юпитеров». Мягко стрекочут кинокамеры. Далеко вперед на шестах вытянулись чуткие микрофоны. Распределившись вдоль деревянного барьера, застыла вооруженная охрана.

Занимают свои места прокурор, эксперты, адвокаты, пострадавшие. Бережно поддерживая под локоть рослую, пышноволосяную молодую

имеет мотив: корысть, месть, ревность, сведение счетов, извращенный способ самоутверждения, тупое озлобление на всех и вся... К Абая и Мирзе мы еще вернемся, но что касается Пестрецова, Седова и Бушмакина, то в их действиях ни один из перечисленных мотивов не просматривается. Тоже странно, не правда ли?

Еще одна странность, отмеченная уже во время следствия: Т. Нигматулин был человеком физически крепким и сильным, к тому же чемпионом Узбекистана, призером всесоюзных первенств по каратэ. И, по свидетельству специалистов, мог дать достойный отпор нападавшим. Однако, как явствует из дела, он даже не пытался защищаться. Лишь когда был избит настолько, что уже потерял возможность обороняться, когда понял, что его не просто избивают, а убивают, только тогда стал звать на помощь.

И, наконец, в любом деле есть преступники и пострадавшие. Это как бы два полюса, два лагеря, две противостоящие стороны. Здесь же подавляющее большинство пострадавших таковыми себя не считали, а многие даже отказывались подписать документ, фиксирующий этот их юридический статус. И весьма характерная деталь: в перерывах между судебными заседаниями, как обычно, формировалось несколько групп. Так вот, одна из них состояла из матери Т. Нигматулина, жены и кого-нибудь из его коллег. Вторая — из матери А. Борубаева и... остальных пострадавших! То есть подавляющее большинство пострадавших солидаризировалось не с жертвой преступления, а с преступниками!

Но, может быть, у этих людей был повод ненавидеть Нигматулина? Нет, все они уважали его, сожалели об убийстве, но... сочувствовали все же преступникам.

Звучит традиционная фраза: «Встать! Суд идет!» Встает публика, журналисты, свидетели, подсудимые, встают пострадавшие, эксперты, прокурор, защитники. Судья делает легкий жест рукой, и все вновь садятся. Начинается судебное заседание, в ходе которого и должно проясниться то, что еще неясно.

Однако общее объяснение можно уже сформулировать: все участники вильнюсской трагедии — и преступники, и жертва, и пострадавшие — прибыли к месту катастрофы на одном корабле, имя которому — неомистика.

Понимаю, такое объяснение одним может показаться слишком уж общим, другим не очень-то понятным, третьим малоубедительным, а кое-кому и необоснованной атакой на неординарные явления и на посвятивших свою жизнь их изучению неординарных людей.

Любые объяснения «вообще» мало кого и мало в чем убеждают, независимо от того, утверждают они что-либо или же, наоборот, отвергают. Силой доказательности обладает только его величество факт. Так давайте же обратимся к фактам.

В ПОИСКАХ ЧУДА

Абай Борубаев рос в не совсем обычной семье и в не совсем обычных условиях. Вернее, не совсем обычными они кажутся сейчас, а в то время и в той среде и запрет жениться на русской девушке, которой увлекся Абай, и вмешательство Борубаева-старшего, редактора ошской областной газеты, когда на финише университетского курса сына не хотели допускать к госэкзаменам, — все это казалось вполне естественным, само собой разумеющимся.

Впрочем, тут вплетается еще одно обстоятельство. Дело в том, что в свое время Абай переболел арахноидитом¹ и, по его словам, у него часто болела голова. Он неоднократно обращался к врачам, но они не смогли окончательно избавить его от недомогания. Возможно, именно этим и объясняется его плохая успеваемость в университете и частые, продолжительные пропуски занятий.

Люди, среди которых вырос Абай, своеобразно относились к религии. Попадались среди них и убежденные атеисты, но они, как правило, держали эти убеждения при себе, словно бы несколько стеснялись их. Другие же, особенно те, кто занимал руководящие должности, официально религию не признавали, более того, критиковали ее в силу служебных или общественных обязанностей. Но в личной жизни относились к ней с почтением как к традициям и обычаям предков, которые, конечно не напоказ, следует соблюдать и поддерживать. И случалось, что тот, кто еще вчера официально выступал с критикой религии, завтра, выйдя на пенсию, отправлялся в мечеть, а то и сам становился муллой. Были и руководители с партийным билетом в кармане, похвалившиеся среди близких и доверенных людей тем, что под видом туристической зарубежной поездки совершали хаджж.

Сейчас трудно сказать, надежда ли «исцелиться» от головных болей у знахарей, если уж врачи не помогли или же интерес к «тайнам» ислама подтолкнули его к знакомству со «святыми» местами. Одно из них («святая» гора со «святой» пещерой) находилось на окраине города Ош. Именно здесь от шейхов² Абай впервые услышал, что помимо ортодоксального ислама есть еще и таинственное направление его — суфизм.

В труднодоступных горных местах, рассказали ему, живут в уединении, окруженные лишь немногими пре-

данными учениками, старцы-суфии, которые отказались от всего мирского, суетного и многолетней праведной жизнью и особыми тренировками постигли истинную суть и смысл бытия. Им милостиво Аллаха открыто прошлое и будущее, они излечивают любые болезни, могут оживить мертвого...

И Абай уверовал! Нет, не в бога, а в реальность чуда и сверхъестественных способностей. Это, как казалось ему, был верный путь к известности, славе, почету, здоровью и долголетию, словом, ко всему, что только может пожелать человек самому себе.

Заинтересовавшись тайнами суфизма и не отыскав ничего, кроме все новых и новых легенд, пересказываемых верующими, он стал собирать любые сведения и слухи обо всем необычном.

Между тем университет, хотя и с папиной помощью, но был окончен. Молодого специалиста ждала экономическая служба на каком-нибудь предприятии или в учреждении. Однако вместо этого Абай оказался... вторым секретарем комитета комсомола одного из крупнейших комбинатов г. Ош. Положение отца и связи матери сделали свое дело.

Однако самого Абая работа комсомольского вожака привлекала не больше, чем стезя экономиста. Совсем другие мысли владели им. Он решил сказать новое, весьма громкое слово не только в науке, но и во всей человеческой культуре. Он мечтал овладеть тайнами суфизма, буддизма, йоги и произвести переворот в мировой науке. И хотя обо всем этом знал он лишь понаслышке, ни о чем другом и думать уже не хотел. Отец снова помог. Абай сменил стол комсомольского секретаря на стул редактора издательства.

Но усилия отца снова пошли прахом. То ли головные боли замучили Абая, то ли допекли непривычные служебные обязанности и родилась идея обрести свободу от них, этого мы не знаем, но так или иначе он слег в областную больницу с жалобами на плохое самочувствие. Там покрутили так и этак, последствий давнего арахноидита в головных болях не разглядели, а приписали их вкуче со странными рассуждениями пациента о «тайных откровениях» и о прочей мистике шизофрении, с чем и отправили его на вторую группу инвалидности. Так Абай обрел желанную свободу для поисков «тайных» знаний.

Во время одного из судебных заседаний мать Абая, старший препода-

¹ Воспаление паутинной оболочки головного мозга.

² Так обычно именуют себя самозванные хранители «святого» места, как правило, сторонники различных исламских сект, так как ортодоксальный ислам скептически относится и к культу «святых» и к «святым» местам.

даватель кафедры научного коммунизма Ошского пединститута, на вопрос председательствующего о том, кем хотел стать Абай, без тени смущения ответила: «Работником обкома!»

Может, действительно, несостоявшийся экономист мечтал о партийной работе? Мечтал, но не о работе, а о должности. И даже не столько о должности, сколько о власти, положении в обществе, известности и материальном благополучии. И еще один интересный ответ, на этот раз о том, замечала ли она какие-либо необыкновенные способности у своего сына.

Мать помялась немного и рассказала, что пришла как-то незнакомая женщина, принесла подарки: рубашку, мясо, другие продукты, пояснив, что не могла родить, обратилась к Абаю, тот сказал: не волнуйся, родишь. И она действительно родила. И вообще, мол, Абай способен предвидеть будущее. Недавно сказал, что скоро отца не станет — и отец действительно умер.

Что это? Наивная материнская попытка как-то оправдать сына? Или же странная, мягко говоря, для старшего преподавателя научного коммунизма, воспитателя и наставника будущих учителей вера в мистическое предвидение?

Но вернемся к Абаю. Сейчас трудно установить, как именно, благодаря чьей протекции оказался он в Подмосковье, в кардиологическом санатории близ Звездного городка. Вроде бы никаких оснований у него для этого не было. Однако факт остается фактом.

Отлечившись положенный срок, Абай пожаловался одной из сотрудниц санатория, что здоровье, мол, поправить не успел, а путевка кончилась, и его отец, крупный партийный работник в Ошской области, будет сильно этим огорчен. В ту пору Абай выглядел милым, интеллигентным мальчиком, домашним, чуть капризным. Сердобольная женщина предложила ему пожить в ее семье, пока он повторит курс санаторного лечения.

И ей, и ее мужу, ответственному работнику Центра подготовки космонавтов, Абай понравился. На прощание супруги пригласили его приезжать в гости, а муж подарил книгу со своей дарственной надписью, даже не подозревая, что она откроет Абаю двери некоторых московских квартир.

Попав в Москву, Абай увидел, что и в некоторых интеллигентных домах тема чудес тоже пользуется большой популярностью. И если «дружба с космонавтами», в подтверждение которой он показывал дарственную надпись работника Центра подготовки, стала для него как бы верительной грамотой, то рассуждения о «тайных знаниях Востока» сделали его желанным гостем, более того, челове-

ком, «на которого» можно пригласить знакомых и друзей, которого можно повести в компанию как своеобразный подарок, как экзотическую диковинку.

Однако завсегдатаи этих компаний были такими же дилетантами, как и сам Абай. Но вскоре он услышал о «профессионалах», что собирались в Фурманном переулке. Абай бросился туда, в лабораторию биоэлектроники и биоэнергетики при научно-техническом обществе имени Попова.

Надо отдать ему должное — он умел производить впечатление на нужных людей, и кто-то из «профессионалов» даже нашел, что и Абай обладает сильным биополем.

Что это такое, Абай толком не знал. «Профессионалы» как умели объяснили. Абай возликовал, но не возгордился, а стал частенько заглядывать на Фурманский.

Вскоре, однако, выяснилось, что лаборатория биоэлектроники интересна ему только как источник информации. Заниматься долгими и нудными статистическими опытами Абай не желал.

Кроме того, оказалось, что среди «профессионалов» существует своя иерархия, симпатии и антипатии, враждующие группы и целые лагеря. Первоначальные восторженные представления Абая быстро развеялись.

Став завсегдатаем на Фурманном, Абай еще больше вырос в глазах своих московских знакомых. Теперь он знал все обо всех знаменитых экстрасенсах. Ему уже не надо было стараться к кому-то попасть или с кем-то познакомиться. Наоборот, теперь у него не было отбоя от приглашений и от желающих познакомиться с ним. Но Абай стал уже расчетлив и разборчив. У «профессионалов» он перенял не только их терминологию, но и приемы, которые потом пробовал на знакомых. Иногда вроде бы что-то получалось, чаще опыты кончались неудачно, и тогда Абай умело превращал все в шутку.

Если раньше он бывал в Москве наездами, от случая к случаю, то теперь задерживался здесь подолгу. Деньги давали родители. Впрочем, московская жизнь Абая денег почти не требовала. Ночевал он у знакомых, которые его и кормили. Днем доставал и читал ходившую по рукам революционную или привезенную из-за рубежа мистическую литературу. А вечером давал очередное «представление», вознаграждая себя вкусной едой и питьем.

В ту пору экстрасенсы были модны не только в квартирах московской интеллигенции. С лучшими намерениями — разобраться, что в этом явлении действительность, а что миф, — обращались к ним редакции газет и журналов. Печатались статьи, проводились «круглые столы», устраи-

вались встречи наиболее известных экстрасенсов с журналистами.

На одну из таких встреч с знаменитой Джуной попал в 1978 году и Абай. После долгого говорения и кое-какой демонстрации приемов дружба и поклонники Джуны на нескольких такси отправились к ней в гости в гостиницу «Москва». В общую кутерьму затесался и Абай. В номере было шумно, весело, и Абай как бы само собой стал знакомым Джуны, старательно завоевывавшая ее дружбу и расположение. И завоевал настолько, что даже улетел с ней в Тбилиси.

Учеником он был весьма старательным. И когда целительница, заболев, попала в больницу, Абай сумел оттереть куда более авторитетных экстрасенсов, прилетевших из Москвы. Джуна подарила ему свою фотографию с дружеским автографом.

Через несколько лет в рассказах Абая их взаимоотношения поменяются на прямо противоположные. Абай будет говорить своим последователям, что Джуна его ученица, что хотя она теперь и зазналась, но именно от него, Абая, получила свои «тайные» знания и экстрасенсорные способности. И станет показывать ту же самую фотографию, только надпись на ней окажется уже новой: «Учителю от ученицы». Впрочем, через несколько лет изменится многое, а пока с книгой, «подарком космонавтов», и фотографией Джуны он будет стремительно шествовать к пику своей популярности.

Между тем Борубаева-старшего стало беспокоить поведение сына. Поиски себя, своего места в жизни — это он мог понять, более того, считал необходимым одобрять и поддерживать. Но уж больно странными были эти поиски. Абай и слышать не хотел о каком-либо постоянном занятии. В редкие минуты откровенности он заявлял, что собирает материал для докторской диссертации о скрытых возможностях человека, что эта диссертация совершит переворот в медицине, философии, во всех других областях знания.

Отец был человеком трезвым и деловым. Он понимал, что докторские диссертации, не говоря уж об открытиях и переворотах, просто так не делаются. Но может быть, у сына действительно есть какая-то самобытная идея, которая при соответствующей разработке может привести к открытию и к защите докторской диссертации, минуя кандидатскую? Он пытался выудить что-то рациональное в рассуждениях сына, но общего языка с ним найти не мог. Отчуждение росло. Абай старался появляться дома как можно реже, тем более что в Москве он свел знакомство с крупными учеными, такими, как члены-корреспонденты АН СССР А. Спиркин, Г. Ким, Г. Бонгард-

Левин, с известными литераторами. Абая как бы вели по цепочке — одни новые знакомые рекомендовали его другим, те, в свою очередь, третьим и так далее.

Надо отметить, что ученые отнеслись к Абая несколько скептически, что, впрочем, не мешало им принимать его у себя дома, разрешать ему жить на своих дачах, дарить книги с автографами, рекомендовать знакомым.

Совсем по-иному приняли Абая московские литераторы. Высокий, смуглый, с черными усами и черными же горящими глазами, экспрессивный и уверенно рассуждающий о материях весьма загадочных, коротко знакомый со всеми известными экстрасенсами, он производил неотразимое впечатление не только на жен и подруг литераторов, но и на самих инженеров и техников человеческих душ. Кто же не интересовался в то время поисками снежного человека, летающими тарелками, телепатией и телекинезом, ясновидением и биополем, тибетской медициной и различными системами йоги, филиппинскими хилерами, Шамбалой и таинственными махатмами, гороскопами, астрологией и тому подобным! И если для многих это было неизбежной данью моде, над которой они сами же и посмеивались, некоей игрой воображения, своего рода тренировкой ума, то кое-кто воспринимал это все всерьез, более того, постепенно увлекался поисками сокровенного смысла экзотических учений и сверхъестественных явлений, слухи о которых бродили, как хмель в бочке, порождая спрос на чудо, на различные мистические учения и, следовательно, на Учителей.

Абай сидит на скамье подсудимых крайним слева, сидит задумавшись, и припухлое лицо его хранит выражение детской обиды. Он уже знает, что высшая мера ему не грозит, и теперь главное для него снова войти в свою роль, из которой он выбился за время процесса.

Потом, уже после вынесения приговора, когда мы будем беседовать с ним в тюрьме, в одной из комнат, отведенных для свиданий с заключенными, он станет уходить от прямых ответов на мои вопросы. Единственное, о чем он, по его словам, сожалеет, это убийство Нигматулина. От всего остального он отгородится, как щитом, одним тезисом: если, мол, существуют экстрасенсорные явления, значит, он во всем остальном был прав. Об этом «остальном» разговор еще предстоит, а в ту пору, когда Абай только шел к зениту своей известности, он, судя по всему, был искренне увлеченным человеком, действительно верил в необыкновенные возможности «просветления», «очищения» сознания, владения био-

полем и так далее. Верил и старательно искал доказательств истинности своей веры, искал людей, обладавших необыкновенными способностями. В поисках их он ездил по аулам и кишлакам, бросался в христианство, ислам, буддизм...

Нет, он не верил ни в Христа, ни в Аллаха, ни в Будду, хотя настойчиво искал встреч с духовенством, пытался выпытать «тайны» учения и даже был посвящен в буддийские монахи. Он спешил, он торопился, ему казалось, что «тайная мудрость» у него уже почти в руках, следует только сделать еще одно, последнее, решающее усилие. Он лихорадочно пролистывал сочинения Раджниша, Прабхупады, Елены Блаватской, Гурджиева, Николая и Елены Рерихов...

Он искренне верил, что «тайную мудрость» этих учений ему удастся вписать в рамки современной науки, и даже при помощи своих новых знакомых, известных ученых, пытался устроиться в аспирантуру Института востоковедения. Кто-то что-то обещал ему, и он жил этими обещаниями и надеждами. С одной стороны, он был еще почтительным, интеллигентным юношей — в общении с людьми известными, заслуженными и нужными. Но, с другой стороны, уже начал обрывать собственными поклонниками, увлеченными поисками мистических «откровений», секретов «психорегуляции» и «космического самопрограммирования».

Однажды, в поисках таинственных старцев-суфиев, Абай столкнулся в Каракалпакии на «святом» месте Султан-баба под Бируни с Мирзой Кымбатбаевым.

Нет, не экзотический вид Мирзы привлек Абая, а умение держаться с достоинством, принимать подношения не как милостыню, а чуть ли не как дань, воздействовать всем своим видом на людей так, что те терялись под его взглядом.

Конечно, проще всего объявить все то, что предшествовало вильнюсской трагедии, сознательным обманом — сговором двух мошенников. Куда

сложнее понять и объяснить ее реальные истоки, побудительные мотивы и психологию «действующих лиц», обстоятельства, способствовавшие тому, что события развивались именно так, а не иначе. Ибо если это было мошенничество, тогда и толковать, собственно, не о чем. Слов нет, жалко Нигматулина, по-человечески жалко и многих других, но все они в этом случае стали жертвами собственной неосмотрительности.

Мне же эта история представляется лишь всплывшей на поверхность и наделавшей бед вершиной некоего айсберга, скрытого в толще нашего бытия от непосвященных глаз, ибо, прежде чем превратиться в преступников, Абай и Мирза сами стали жертвами моды и самообмана. И «сотрудничество» их возникло вполне естественным путем. Просто и тот и другой приняли друг друга совсем не за тех людей, какими они были на самом деле.

Абай, увлеченный своими поисками, буквально жаждал найти человека, владеющего «тайной мудростью». Столкнувшись с Мирзой, понаблюдав за тем, как умело обращается он с паломниками, услышав обрывки заученных на арабском языке молитв и побеседовав с ним, Абай, по существу, сам себя убедил, что Мирза именно тот человек, которого он так долго ищет.

К тому времени его надежды на аспирантуру потихоньку увяли. Однако он был еще на подъеме. И везде, где бы Абай теперь ни появлялся, возникала молва не только о нем самом, но и о его учителе, великом суфийском дервише, обладателе множества «тайных знаний» и необычных способностей. Легенды ширились и росли. И каждый вкладывал в них свой смысл и содержание. Для кого-то Мирза был одним из махатм, Учителей человечества из таинственной Шамбалы, для других — чрезвычайно «продвинутый» йог, для третьих — необычно сильный экстрасенс. В Каракалпакию потянулись паломники...

Продолжение следует.

**ПО СВЕДЕНИЯМ БРИТАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
религиозный состав населения мира выглядит следующим образом (в млн. человек):**

Христиане	— 997,5
в том числе:	
католики	— 579,6
протестанты	— 341,5
православные	— 76,4
Мусульмане	— 589,1
Индусты	— 471,9
Буддисты	— 254,0
Конфуциане	— 156,1
Синтоисты	— 57,2
Даосисты	— 31,3
Иудеи	— 14,3

Что определяет облик современного верующего? Каковы типичные черты его социального портрета?

Доктор философских наук, профессор М. Г. ПИСМАНИК (г. Пермь) попытался создать эту сложную картину. Он «смонтировал», составил разбросанные по разным социологическим исследованиям детали, которые, по его выражению, обретают жизненность, когда сопрягаются одна с другой, соотносятся со структурой мышления, чувствующей и действующей личности. Разумеется, это не завершенная и полная картина — скорее некий эскиз, который, как мы надеемся, помогут дорисовать и другие социологи.

Трудовая и общественная активность

Описание личностных черт верующего начнем с социальной активности — важнейшего показателя духовного богатства и гражданской зрелости человека. Главные ее проявления — в труде.

Исследования свидетельствуют, что, разделяя господствующее в нашем обществе уважение к нему, производственный — верующий ныне далек от ветхозаветного понимания труда как наказания за грехопадение. Правда, еще лет 15 назад более пятой части религиозных граждан видели в труде служение богу или «искупление греха» [1, с. 40]. Теперь такие взгляды стали исключением среди православных. В общинах протестантского типа (судя по исследованиям в Львовской области) этих взглядов придерживается четвертая часть верующих.

Надо сказать, что за последние годы изменилось не только отношение верующих к труду, но и те теологические доктрины, которые ныне ставят трудолюбие в ряд важнейших религиозных ценностей, однако остается на первом плане по-прежнему «труд молитвы». Это обстоятельство не может не сказаться на сознании и поведении верующих.

Исследования последних лет отчетливо фиксируют укрепление у верующих интереса к производственным проблемам. По данным исследования, проведенного Институтом научного атеизма в Ставропольском крае, у нерелигиозных и религиозных рабочих практически совпадает понимание производственных проблем и путей повышения эффективности и качества работы. Наши исследования 1985—1986 годов в трудовых коллективах Кунгурского района Пермской области показали, что верующие рабочие с одобрением встречают осуществляемую на производстве перестройку. Правда, и здесь сказывается сдерживающее влияние религиозности. По данным исследования в Молдавии, более четырех пятых верующих не вносят предложения по совершенствованию производства, три четверти не выступают на рабочих собраниях и часто не посещают их [2, с. 115].

Сегодня отчетливо заметно, что у верующего рабочего улучшились отношения внутри трудового коллектива. Возросла и удовлетворенность содержанием труда. Верующий, как правило, добросовестно выполняет производственные задания, нередко имеет поощрения и награды. С меньшим — а то и с большим! — неодобрением, чем его нерелигиозные коллеги, он отзывался о прогульщиках и других нарушителях трудовой дисциплины. Один из молодых верующих-баптистов г. Николаева заявил, что прогульщиков, пьяниц, «несунов» «надо гнать с предприятий, как Наполеона гнали из России». Большая часть верующих в последние годы включилась в социалистическое соревнование.

Отметим, что религиозность труженика противостоит его трудовой активности не напрямую, а опосредованно, через его установки, ценностные ориентации. Но в ряде случаев это проявляется непосредственно. К примеру, недавнее исследование в Узбекистане показало, что часть верующих рабочих связывают конечные результаты труда не с собственной активностью, а с благоволением бога. Приведем характерное высказывание: «В данное время производственные планы выполняются. Если Аллах захочет, то наши планы всегда будут выполняться» [3, с. 16].

Уровень социальной активности верующего проявляется и в его отношении к общественной работе. Часть религиозных людей иногда и сегодня видят в поручениях (например, участие в народной дружине) нечто «греховное». Да и общественные организации пока мало или вовсе не привлекают к своей деятельности верующих.

В Тернопольской и Львовской областях верующие в два с половиной раза реже неверующих участвуют в общественной работе [4, с. 24]. В Николаевской области, по данным А. Д. Ковалю, молодые баптисты вдвое реже, а баптисты в возрасте старше 30 лет — в пять раз реже неверующих ведут общественную работу. В Молдавии, Карелии, Латвии лишь 22—28 процентов верующих-производственников принимают участие в общественной работе [2, с. 114; 2, с. 22]. Но в отдельных регионах страны вовлеченность верующих в общественную работу выше: в Ставрополье, например, она составляет 45 процентов, что лишь на 18 процентов ниже, чем у неверующих.

Продолжение следует

ИСТОЧНИКИ

1. А. С. КОЖЕВНИКОВ. Атеистическое воспитание сельского населения. М., 1974.
2. А. И. ВАВИЙ, М. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ, Д. Н. ТАБАКАРУ. Преодоление религии и утверждение атеизма в Молдавской ССР. Кишинев, 1983.
3. А. А. КУЗИЕВ. Урбанизация и процесс преодоления религии (на материалах Узбекистана). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1979.
4. М. С. ВОЙКО, И. С. СТАРОВОЙ. Атеизм и религия в условиях НТР. Киев, 1985.

ТАК НАЗЫВАЛАСЬ опубликованная в номере 10 за 1986 год корреспонденция из Иссык-Атинского района Киргизии, в которой шла речь об атеистическом воспитании в одноименном селе, о методах деятельности местной общины евангельских христиан-баптистов.

Отмечалось, в частности, что проблему обвещения собственным жильем молодоженов из многодетных семей в сельской местности активно используют в своих интересах религиозные общины, что проблема эта требует решения и с точки зрения принципов социальной справедливости, и как стимул повышения рождаемости, и, наконец, как надежный способ закрепления молодежи на селе.

Ставился и такой вопрос: как случилось, что некоторые клубы и дома культуры хуже оснащены современной аппаратурой и музыкальными инструментами, чем молитвенные дома?.. Видимо, существующий порядок их приобретения дает религиозным общинам и молитвенным домам известное преимущество перед учреждениями культуры.

На поставленные вопросы получены ответы ряда организаций и ведомств.

«Статья «На Красной Речке», — сообщает секретарь Иссык-Атинского райкома партии Я. Яровой, — обсуждена в трудовых коллективах и школах района. Вопрос о состоянии и дальнейшем улучшении атеистического воспитания трудящихся рассмотрен также и на заседании бюро райкома партии, на которое были приглашены секретари парторганизаций, руководители хозяйств и предприятий района, где работает наибольшее количество верующих, директора школ, председатели сельсоветов, члены комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах.

Утверждены мероприятия по усилению атеистического воспитания трудящихся. Особый упор сделан на организацию индивидуальной работы с верующими, вовлечение их в активную общественную жизнь. Серьезной критике подверглись клубные учреждения...

Далее в ответе перечисляются конкретные меры. Так, например, «в доме культуры села Красная Речка отопительная система работает нормально, приобретены музыкальные инструменты и новая мебель. Пересмотрен план работы, налажена связь со школой...»

Редакция благодарит Исык-Атинский райком партии за четкий, деловой отклик на выступление журнала.

«Ваша просьба (высказать свое мнение. — Ред.), — говорится в ответе заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ В. Фролина, — была внимательно изучена.

Несомненно, что обеспечение жильем сельской молодежи способствовало бы в целом социальному переустройству села и закреплению в сельском хозяйстве молодежи. Очевидно также, что решение поднятого в корреспонденции «На Красной Речке» вопроса об оказании помощи в строительстве жилья молодоженам из многодетных семей сняло бы острую проблему воспроизводства религиозного мировоззрения, особенно там, где инициативу социального обеспечения молодежи перехватывают религиозные общины.

ЦК ВЛКСМ знает и видит эти проблемы и предлагает пути их решения: строительство жилья собственными силами, развивая подрядный способ, прибегая к помощи колхозов и совхозов, студенческих строительных отрядов или временных ударных комсомольских отрядов из городов и рабочих поселков, а также методом народной стройки и мо-

лодежных жилищных кооперативов.

Мы понимаем, что эта проблема не может быть решена сразу энтузиазмом только комсомола, поэтому были бы очень благодарны за поддержку этой темы на страницах вашего журнала».

«Министерство финансов СССР, — информирует заместитель министра В. Е. Орлов, — рассмотрело вопросы, поставленные в корреспонденции «На Красной Речке»...

В настоящее время, снабжение предприятий и организаций необходимыми им товарами производится через снабженческо-сбытовые органы за счет внебюджетных фондов, а не из розничной торговой сети, которая призвана обслуживать население.

В необходимых случаях в соответствии с действующими Правилами продажи товаров рыночного фонда им разрешается приобретать требующееся оборудование и материалы, за исключением промышленных товаров и материалов, являющихся дефицитными и пользующихся повышенным спросом у населения.

В настоящее время Госбанк СССР, Госплан СССР, Минфин СССР, ЦСУ СССР, Минторг СССР, Минюст СССР и Госнаб СССР разрабатывают предложения по изменению порядка продажи товаров учреждениям, организациям и предприятиям по мелкому опту, предусматривающие передачу прав по использованию лимита мелкооптовой продажи исполкомам местных Советов народных депутатов».

Начальник Управления культурно-просветительных учреждений Министерства культуры СССР Л. Н. Тютиков сообщил, что «музыкальные инструменты, аппаратура и электроорганы производства фирм капиталистических стран Министерством торговли СССР не закупаются и

соответственно в торговую сеть страны не поступают.

Министерство культуры СССР закупает инструменты, светозвукотехническую аппаратуру производства социалистических стран.

По существующему положению импортные (производства соцстран) и отечественные изделия для учреждений культуры выделяются из союзных фондов только централизованно через министерства культуры союзных республик.

Все товары приобретаются в магазинах только по безналичному расчету.

Министерство торговли СССР и Госбанк СССР письмом от 23.09.85 № 0148—75/27098 разрешили до конца 1986 года продажу из розничной торговой сети учреждениям, организациям, предприятиям и колхозам для нужд самостоятельного художественного творчества электромузыкальных инструментов, усилительно-акустических устройств к ним и ударных инструментов отечественного производства по безналичному расчету без зачета в лимит мелкого опта с включением объемов продажи в розничный товароборот. С 01.01.87 продажей указанных изделий будет заниматься Госнаб СССР и его органы на местах».

В ответе заместителя заведующего жилищно-бытовым отделом ВЦСПС С. Г. Зевакина говорится о тех условиях, на которых выдается кредит, осуществляются льготы и выделяется жилье в сельской местности. Далее он сообщает:

«В целях улучшения снабжения клубных учреждений электромузыкальными инструментами, усилительно-акустическими устройствами и ударными установками письмом Министерства торговли СССР № 0148—75 и Госбанка СССР № 27098 от 23.09.1985 г. предприятия и организации получили возможность приобретать из розничной торговли эти

виды товаров по безналичному расчету без зачета в лимит мелкого опта с включением объемов продажи в розничный товароборот. Согласно постановлению Госнаба СССР от 04.02.1986 № 18 с 1987 г. вводится снабжение клубных учреждений товарами данной номенклатуры через территориальные органы Госнаба СССР. ВЦСПС внесены предложения в соответствующие государственные органы о создании единой системы материально-технического снабжения клубов в стране».

Редакция благодарит всех товарищей, подготовивших и приславших ответы. Однако вынуждены заметить, что если в отклике ЦК ВЛКСМ чувствуется заинтересованность в решении поднятых проблем, хотя и нет ясного ответа на поставленные вопросы, то ответы ВЦСПС, Министерств культуры и финансов СССР — по существу, формальные отписки.

И автор корреспонденции и редакция отнюдь не надеялись, что поднятые ими проблемы тут же будут решены. Мы просили соответствующие органы и ведомства высказать свое отношение к этим проблемам: считают ли они правомерной и своевременной постановку их, если нет, то почему, а если да, то какими могут быть подходы к их решению? К сожалению, именно на эти вопросы мы ответа ни от кого, кроме Исык-Атинского РК КП Киргизии, не получили.

Напомним, что на встрече с партийным, советским и хозяйственным активом Латвийской ССР М. С. Горбачев говорил: «...Вопросы, которые созрели, должны обсуждаться и решаться. Решение может быть и положительным, и отрицательным. Но должно быть сказано публично: эти вопросы принимаются, а эти правильно поставлены, но пока нет возможности их решить».

Т. УСПЕНСКАЯ

ШАМАН

Повесть

То, в чем он не хотел себе признаваться, было: черты заострились, блеклой, еле угадываемой желтизной подожгло кожу, истончились и подтаяли губы.

— Дура ты безмозглая, почему не пила лекарство? — в отчаянии спросил он.

Она не закрывалась простыней, так и лежала вытянувшись под солнцем. Светлый, непонятно какого цвета взгляд ему не давался.

— Зачем?

— Я никогда не спрашивал себя, зачем живу. — Чтобы Нина не отвлекала его, он закрыл глаза. — Пока был жив дед, пока его не убили, я жил и жил, не задумываясь.

— Разве его убили?

Кеша часто вдыхал дым, дым суетливо вился вокруг него.

— Лечил больных, ходил в тайгу, — заговорил Кеша поспешно, боясь, что сам для себя не поймет то, что ему нужно понять, то, что он сможет понять только здесь, рядом с Нинкой. — Как бывает, все наваливается сразу: деда убили, фельетон про меня прописали. Воробьев вошел в силу, девочка умерла...

Нина закрыла ему губы ладонью. Кеша осторожно с губ переложил ее руку себе на грудь.

— Все сразу, понимаешь, сошлось... Раньше я не задумывался, а тут словно раздвоился. Наверное, дело в том, что мне захотелось власти над воробьевыми. А власти нет.

— Зачем?

— Что зачем?

— Власть тебе зачем?

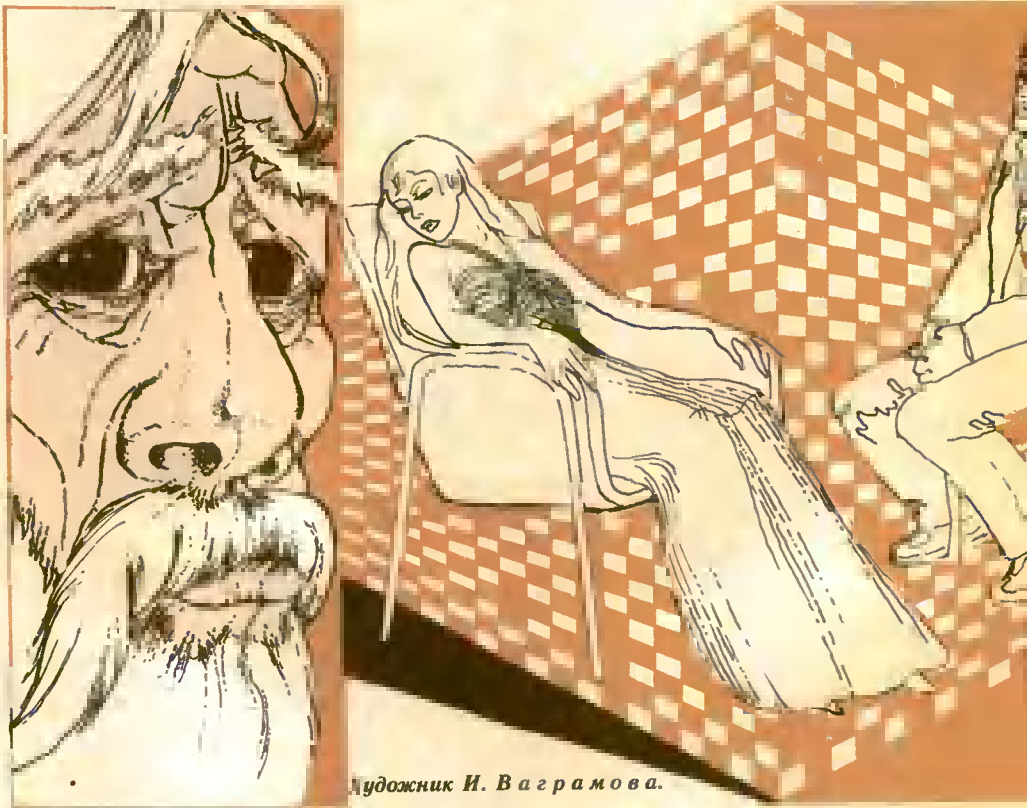
Долго молчал Кеша. Впервые он пытался проникнуть не в больного — в себя, и это оказалось невозможным. Он был спеленут непроницаемыми пленками, сквозь которые невиднo и неслышно для него жил его организм.

— Я и сам не знаю зачем, — признался растерянно.

— Я думаю, можно только одно: или людей лечить, или стирать их в порошок, — тихо сказала Нина.

Долго стояло молчание, но вот точно жалоба выплеснулась из Кешы:

— Смотри-ка, деду ничего не было нужно: рубаха, порты, зимой тулуп с валенками, а я... — он вспомнил материно слово, — куражился. Ты точно сказала, я ведь потерял силу, Нинка. Был я у Вити, тогда же был, когда ты уехала. Не поднял я его. Это ты меня подрубила, Нинка.

Художник И. Вагрова.

— Нет, Кеша!

Кеша осторожно посмотрел на нее. Натянув до горла простыню, она сидела белым сугробом.

— Ты все про себя наврал. Я видела твою квартиру. Вещи ты не любишь... Ну разве только рубашки. Ты по-настоящему любишь только травы и книги. Ты отдать готов все, что у тебя есть. Ты зажег во мне... — она замялась, смущенно сказала, — если можно так выразиться, идею. Не твоя вина, моя, что я с собой не справилась, я захотела тебе помогать, твоей жизнью жить! Вот ты и осадил меня... Я хочу служить тебе, а значит, я помогу тем, кому помогаешь ты. Я очень хочу жить... Но Оля ошиблась, взяла не то лекарство, — Нина по-детски вздохнула.

— Не тот запах у него, не тот вкус, чужое лекарство, в такой же, как у меня, бутылке. Оля этого не знает. Не вадумай сказать ей. Так что тут ничьей вины нет. Мы с Олей... Погоди, что ты? Ты не мучайся, я понимаю, я сама была виновата.

Ее слова мешают ему сейчас, он хочет, чтоб подольше горели ладони, горела грудь. С ним впервые творится такое!

Впервые хочет он говорить ей слова, которых он в себе до сих пор не знал. Он хочет целовать ее, хочет взять ее тонкое запястье в свою ладонь и не разрешает себе говорить Нинке то, что в нем наболело. Это впервые с ним такое. Он всегда шел только за своим желанием, еще с детства, ни в чем никогда себе не отказывал. Теперь же в нем все перевернулось: ему нравится мучить себя. Только протяни руку, и он наконец поймет то, что один, без Нинки, понять не может. Только протяни руку,

и она откроется ему, и она подарит ему новое рождение. Через Нинку — ему остаться живым вечно! А он не может, язык его мелет равнодушную чушь.

— Мама прислала пирожки, нужно разогреть.

— С капустой? — спросила Нинка и вдруг, обхватив его тонкими руками, как Надька, припала к нему, закрыв свет солнца, обожгла губами щеку, грудь, живот, мела по нему волосами и возвращалась к лицу. — Шаман, — смеялся ее голос, пропадал. — Ну же, какой ты холодный! — В сорок лет стронулась его душа. А Нинка мешала ему голосом: — Ничего не боюсь, когда ты рядом. Я знаю, ты меня от всех болезней спасешь.

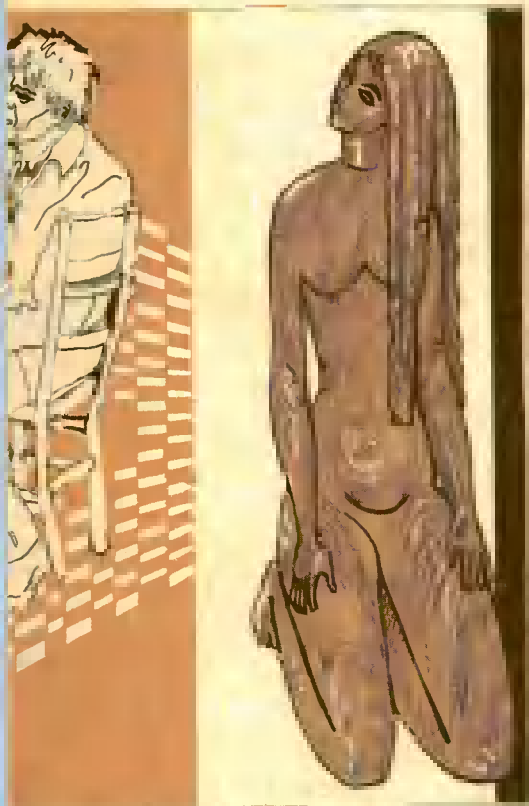
Он снял ее руку со своего лица, аккуратно положил на тахту. Она замолчала. Он ступил на горячий солнечный пол, и дерзость, прежняя, молодая, та, которая спасала самых безнадежных, самых тяжелых больных, вернулась к нему.

— Вставай, Нинка, сейчас начнем лечиться.

Ночью он проснулся от странного движения в себе. Кто-то живой крался по

его сосудам, соскребая наросты, наслоения, освобождая ток крови. Невидимый, этот «кто-то» хозяйничал шумно, но там, где он прошел, становилось широко и светло. Омываясь изнутри светом, Кеша удивлялся, как он мог жить все последнее время, не ощущая себя в себе. Он сдерживал радость, боясь, что возвращающиеся зрение, слух исчезнут, что он перестанет себя видеть.

Внезапно он оказался в деревенской избе. Ему пять лет, он стоит на желтом, словно желтком вымытом полу, от пола,

со всего широкого его пространства, к потолку восходит желтый свет. Дед поднял руки вверх, смотрит в потолок, от которого, в свою очередь, идет вниз, к полу, белый свет. Кеше кажется, это дед посылает свет с потолка к полу и с пола к потолку. Дед стоит лицом к трем окнам, в каждом окне — солнце.

— Светом умойся, светом очистишься, светом надышишься, светом наешься. Светом сплеться с людьми.

Свет, который посылает дед с потолка на пол и с пола на потолок, переливается в Кешу, Кеша тоже поднимает руки вверх. Задирается рубашка, свежестью оmyвает голый живот. Кеша чувствует, как свет пронизывает его сверху донизу.

— Забудь о себе. Не хоти суетного. — звучит голос деда.

Кеша не понимает слова «суетного», не может выговорить, повторяет за дедом: — Не хочу суетного. Забуду о себе.

Едва Кеша проснулся, еще не открыв глаз, крикнул:

— Нинка! Ты будешь жить!

Нина не ответила. Кеша привстал на кровати — она сидела за письменным столом. Узкая спина в рябоватой кофте,

голубых брюках. Нина что-то быстро писала. Кеша встал, подошел к ней, остановился за спиной.

Не глядя на него, незнакомым голосом Нина попросила:

— Займись сам чем-нибудь. Мне очень нужно дописать. Это нужно всем. Не обижайся, дай я dokonчу. Пока есть силы. В два будем обедать.

Кеша мог бы взять ее на руки, заставить смотреть на себя, но возникла незнакомая робость. Он оделся, вышел на кухню.

— Дядя Кеша! — встретила его Оля. Вчера он уже спал, когда Оля вернулась, он проспал много часов, выздоравливая.

Олю он не узнал бы на улице. За месяц, что не видел ее, девочка сильно вытянулась, обозначился взрослый взгляд, varоcлая полуулыбка — за ними прячется страх.

— Ну, как ты жила?.. — начал было он. Она перебила его:

— Вы спасете маму? Правда?

Кеша кивнул.

Точно жизнь вплеснули в нее этим скупым кивком: она сморщилась, не заплакала, улыбнулась, обозначив скобки морщин, и вдруг кинулась к нему на шею.

— Дядя Кеша! — стала целовать его. — Спасибо.

— Давай завтракать, — Кеша пошел к плите.

— Я хочу, — робко, доверчиво заговорила Оля, — я хочу... стать вашей ученицей. Ведь вам нужны ученики, правда? Я буду делать все, что вы прикажете, я траву чувствую, я вижу, как в глазах отражается болезнь. У меня начинает колотиться сердце, когда я вижу больного. Я угадываю его. Я научусь. Я всю жизнь отдам.

Закинув голову, Кеша медленно пил воду. Напившись, небрежно сказал, зажимая под чайником газ:

— Ученик должен быть парнем.

Когда он повернулся, Оля в кухне не было.

Не зная, чем заняться, куда приткнуться, Кеша бродил по квартире. Всеми силами он пытался сохранить в себе то, что с ним произошло ночью, но в неведомый легкий свет тяжестью оседало раздражение: Нинка не откликнулась на его зов, Нинка не хочет лечиться.

Он не понимал, чего там она пишет, отрешенная, но он не смел ей мешать. Он не привык брать в расчет то, что нужно другим, а сейчас брал, и это нравилось ему и раздражало одновременно. Он вышел на балкон, курил.

Ровно в два часа зазвонил телефон. Кеша поспешил в комнату и, сложив руки на груди, не мигая уставился на Нинку.

— Здравствуй! — бессознательно потянула Нинка, видимо еще не оторвавшись от своих листков, но тут же ее взгляд прояснился. — Подожди, не нервничай, сейчас разберемся. Ты объясни по порядку. Какие пластинки? Давай я с ним поговорю. Ну хорошо, хорошо. Знаешь, давай только в конце недельки? У меня тут... в общем, я сейчас не очень

могу. Ну, целую! — Нинка положила трубку.

Кеша схватил ее за руку:

— Эт-то еще кто? Какие пластинки? — зверея, спросил он.

Она отодвинулась со стулом от стола, ткнулась головой ему в живот, засмеялась.

— Ты чего это, уж не ревновать ли задумал? — Она не спешила объяснить ему, что к чему. А его обдало как штормовой волной, ее теплом. Он положил обе руки на ее узкую цветную спину.

— Да это сослуживица моя. У нее мальчишка пятнадцати лет, понимаешь? Учиться не хочет, с утра до ночи крутит пластинки, да еще связался с какими-то взрослыми ребятами, она боится, не спекулянты ли...

Кеша поднял ее на руки, понес. Нинка, обхватив его голову, продолжала весело что-то рассказывать ему, он пытался вслушаться, но его волновал ее голос, и смысл того, что она говорила, не доходил.

Снова зазвонил телефон. Нинка попыталась вырваться, а он не пускал.

— Почему до двух часов никто не звонил, а как наступило мое время, загоношились?

Телефон звенел пронзительно.

— Потому что все знают, что до двух я работаю. Пустите!

Кеша еще крепче сжал ее. Телефон звонил настойчиво, долго, а потом перестал. Минуту постоянно молчание, снова резко зазвонил.

Нинка жалобно сморщилась:

— Пустите а? — Он освободил ее. — Алло! — И уже не ему, весело:

— Здравствуй! Давай поправки. Читай помедленнее. — Нинка слушает, склонив голову на плечо, пишет что-то на отдельном листке. — Как себя чувствую? Превосходно. Скоро приду. А тебе что, надоело вкалывать за меня? Потерпи. Соскучилась? — Нинка звонко засмеялась. — Я тоже соскучилась.

— Эт-то по кому ты соскучилась? — вырос рядом с ней Кеша, и Нинка поспешила положить трубку. В нем вспыхнула злость, от которой красным застлало глаза. — Мне ты таких слов не говоришь. Обо мне ты не соскучилась. Да? — Он схватил ее за плечо. Он не понимал, как это так получается, но чувствовал, что Нинка ему не дается. С незнакомыми ему людьми, с целым миром она точно повязана телефонными проводами.

— Что с тобой, Кеша? — спросила удивленно, участливо, ничуть не испугавшись его свирепости. — Это мой сослуживец Алеша. Он сейчас за меня делает мою работу. Он мне как брат. У него трое детей, жена не работает, мать больная.

Ее светлый взгляд проник в него ночным светом, и безвольно опустились руки. Но он еще попытался огрызнуться:

— Работа, работа. Вольная — значит, болей. К тебе приехал личный врач, лечись. А я даже приблизиться к тебе не могу. Сеанс должен быть утром, а ты — работать!

Но под ее взглядом Кеша прикусил язык. Все было в ее доме не так, как он привык видеть и понимать. И она совсем не такая, какой явилась ему в Улан-Удэ. Звонит телефон.

— Не-ет, — Кеша загораживает его. — Хватит.

Телефон звонит.

— А если это Оля? Или отец? А если это Варя с Ильей?

Кеша отступает, но телефон уже замолчал.

— Ладно, черт с тобой. Живи как хочешь.

Он ложится, но сон к нему не идет. И вообще он ничего не хочет, ничего не помнит, ничего не знает о себе. Он не хочет никуда идти, ничего делать, не хочет говорить с Нинкой.

Что сейчас чувствует Нинка? Верить ее дурацкой улыбке или не верить?

И снова зазвонил телефон.

— Оля? Почему не вернешься? — Нина долго молчит, слушает. — Я очень виновата перед тобой, — шепчет она в трубку. — Я думала только о себе. Ты... — Нинка загнулась. — Этого нельзя простить, я понимаю, но я прошу тебя, будь всегда рядом...

Дома стояла тишина.

Кеша хотел было встать, идти к Нинке, выяснить, что там с Олей произошло, но тут снова зазвонил телефон.

— На! — Нинка внесла в комнату телефон, протянула ему трубку. — Ну что же ты? Илья ждет, говори с ним.

Со всего маху Кеша бухнул трубку на рычаг.

— Не о чем мне с ним разговаривать! — заорал. — Мне хватает и твоей учуености.

Нинка стояла в балконной двери, подставив солнцу лицо. Он не видел ее лица, он видел только ее узкое тело и больше всего хотел, чтобы она оказалась немедленно рядом. И она подошла к нему.

— Ну хорошо, работать не буду, к телефону подходить не буду.

Она улыбнулась ему, но радости в ее улыбке не было. Лицо у нее было такое, какое встретило его в день приезда, — блеклое, равнодушное.

Остаток дня, хотя Нинка в самом деле была все время рядом и улыбалась ему, он ощущал сильную жажду: вроде она здесь, а ее нет, вроде она с ним, он может дотронуться до нее рукой, а ее нет.

Нинка уже спала, его ж, впервые в жизни, не брал сон. Он устал от работы, которая, помимо его воли, творилась в нем. Он силен был что-то понять и не мог. Он приехал спасти ее, а она в нем не нуждается.

Кеша не выдержал. зажег лампу, позвал:

— Нина, проснись!

Точно и не спала, Нина тут же открыла глаза:

— Что ты? Что случилось?

— Ко мне пришел дед.

Нина привсталла, чуть кося, смотрела на него.

— Он, наверное, просто соскучился по тебе, просит тебя его вспомнить.

Ухватив ее за горячую руку, сам не заметив как, Кеша начал рассказывать:

— У деда был близкий друг, они вместе росли, дядя Аким. Когда деда сослали, дядя Аким перебрался вслед за дедом, к нам в деревню. У деда уже дети большие, а дядя Аким все холостой. Любил он смолоду сильно, любимая его умерла, вот и ждал неизвестно чего. Чуть не силком заставил его дед жениться. Взял Аким девушку сильную, красивую. Прижил с ней трех сыновей. Все трое — мои корешки. Росли мы вчетвером. Сама знаешь, как растут деревенские парни: в Байкале-море, в чужих садах и огородах, в тайге. Обчищали морды с рыбой, лазили по деревьям. «В нас с тобой, Аким, пошли мужики. До гробовой доски вместе, рядом», — повторял часто дед. Деревенька у нас так себе, небольшая, а все живая: в сельпо продавались липкие леденцы, в сельсовете решали, когда сеять хлеб, когда сдавать пушнину, в школе учились до четвертого класса.

Теперь Нинка сидела. Он отвернулся от нее, чтобы не отвлекаться от своего детства, из которого так давно ушел. Дед ходил по этому детству с непокрытой лохматой головой, вытаскивал из гряды четыре морковки, соскабливал грязь, протягивал им. Дед поил их студеной водой натошак, заставлял ходить босиком по проталинам. Снег не холодил, он, касаясь ступней, становился теплым, посылал свое солнечное тепло вверх, по телу, поджигал огнем лицо, освежал голову. Дед учил их на рассвете по росе брать траву. Учил пить росу, умываться росой.

— После четвертого класса мы стали ходить за пятнадцать километров в школу. Сперва ходили вчетвером, потом втроем и, наконец, вдвоем, с Сережкой, моим ровесником. Я никогда не был таким сильным, как братья. У братьев все получалось легко. Я же лез из кожи, чтобы не отстать от них. Вольше всех любил я Сережку. Так любил, что даже передавал ему под большим секретом дедовские тайны: как заговорить кровь, как освободиться от дурного глаза, как излечить грыжу. Сережка зыркнет на меня черным глазом, ухмыльнется, скажет важно: «Мы и без этих делов проживем», — но уважать меня уважал. Потом родители забрали меня и деда с бабушкой в Улан-Удэ, где они к тому времени укрепились уже основательно. Понятное дело, тяжело мне показалось расставаться с ребятами. Впервые тогда мы выпили всерьез. Пили несколько дней подряд. Помню, я все старался переманить ребят в город, чтобы они шли к моей мамке на завод, а я хотел тогда, закончив школу, попасть в медицинский. Снова были бы мы все вместе, уже в городе. Я — свое пел, Сережка — свое. Стал он по пьянке жаловаться мне на отца: что скряжист отец, не отделяет их, хотя они все вошли уже в возраст, что богатства у него скоплено на четыре машины, потому что дядя Аким первейший на соболя охотник, а им жалеет малого, —

в общем, впервые честил отца. Пообещал Сережка: как отец отделит его, так они и подадутся в город, ко мне.

Кеша передохнул. Отсюда начиналась другая жизнь, не похожая на травяную, молочную, жизнь без Сережки, без жатвы, без сладкого сна на сеновале. Кеше виделись блестящие рельсы на стигах дороги, мамкин завод с громыхающими вагонетками, городская школа с худющими учителями, городская теснота комнаты, в которой они ютились с матерью-отцом да с бабушкой-дедом, долго ютились, пока мать не получила от завода списанный домишко — туда переехали бабушка с дедом, подправили его, стали жить.

Уже давно не он держал Нинкину руку, а Нинка гладила его, не гладила, касалась легкими пальцами его руки, отпускала.

— Наши пути с Сережкой не разошлись. Каждое лето мы с дедом приезжали в свою деревню, к тетке — материной сестре. Братья ждали меня. Старший уже плотничал, средний стал конюхом, а Сережка, как и я, учился в школе. Пожалела меня мать, разрешила повременить с заводом. Помню последнее лето перед десятым классом. Здорово я раззадорил Сережку: хватил ждаты отцовых милостей, строй свою судьбу сам, айда в город учиться! И Сережка пообещал. Как же жили мы в то лето: купались в Байкале, бродили по тайге. Крепко верил я в братьев, гордился: вот же, старшие и переженились, а все равно не бросают меня. Честно тебе скажу, я не понимал, почему не отделял их дядя Аким. В медицинский я не поступил — провалился. Присоветовали мне сунуться в облздрав, при факультетном институте организовали специальные курсы. Три года — и пожалуйста, готовый массажист. Я и поступил на эти курсы. Серега тоже провалился в свой институт. Звал я его с собой, он наотрез отказался: «Что я, дурак — своих рук не жалко?» И пошел прямым ходом в армию. В городе у деда скоро появились больные, — перескочил Кеша на другое. — Дед по-прежнему таскал меня с собой. Но теперь у меня были и свои, собственные больные. Попервоначалу я здорово возился с ними! Тренировки да больные — больше ничего я тогда и не видел.

Кеша замолчал надолго, вспоминая...

Они сидят за столом, едят рассыпчатую картошку. Дед говорит тихо, а голос разносится: «Курсы дадут тебе бумагу, не верь в нее, никакой ты к черту не массажист, ты призван богом. Я тебя, можно сказать, ждал всю жизнь, не осрами, нету для тебя другого пути, как лечить людей». Взгляд деда сверлит Кешу. Конечно, дед ему хуже не сделает, а все страшно, знает Кеша силу дедовских глаз — однажды намертво пригвоздил одного ловкача. Дело прошлое, темное, за него деда посадили в тюрьму, только дед из той тюрьмы ушел.

Нина опустила голову, волосы укутали ей плечи, грудь. Он дотрагивается до ее волос, они теплые, мягкие.

— Был дед, нету деда, — неожиданно тонким голосом говорит Кеша. — Мог прожить триста, а не прожил и девяноста годов.

Нинка сжимает его руку.

— Не хочешь, не рассказывай больше.

— Хочу. — Кеша помолчал немного, заговорил холодно, равнодушно: — То лето выдалось дождливое. Мы тренировались с утра до ночи, перед поездкой за границу. Я не собирался ехать в деревню. А дед настоял. Захотелось деду отпить Свиристелку парным молоком, промывать таежным воздухом. Свиристелке как раз сравнялось три года. Черт нас принес в то лето в деревню, — вырвалось у Кешы, но он снова заговорил холодно. — Сначала, правда, все было хорошо: никто в то лето болеть не хотел, наоборот, собиралось к осени много свадеб. Девки с парнями словно забесились, нарабатываются вроде до бесчувствия, а к ночи, глядишь, уже поют песни, сидя на бревнах, или пляшут на опушке. Я не выдерживал, шел к ним. Такого года другого не вспомню. Плясал до упаду, хотя сроду до того не плясал, до упаду хохотал, никогда больше так не хохотал. Погода тоже была за наши гулянки. Весь день с неба сеет, каплет, а к ночи — сухо. Ну ладно, не об этом речь. Дед как никогда проводил много времени с дядей Акимом. Молодость они, что ли, вспоминали, ходили на Байкал — брали рыбу, в тайге несколько раз ночевали. Старшие сыны ушли в тайгу, потому дядя Аким не мог надолго отлучиться от дома: скот некому накормить, а на ночь, на несколько часов — пожалуйста! — Кеша помолчал, стараясь все точно проверить, так ли он говорит.

— Не хочешь, не рассказывай, — снова тревожно встряла Нинка.

— Нежданно-негаданно вернулся Сережка. Я его сперва не узнал. Он вытянулся выше отца с братьями — громадина! Лицом тоже изменился, точно маком присыпано лицо, в мелких темных точках. Угрюмый, в глаза не смотрит, слова из него не вытаскишь клещами. А всей деревне поставил еды и питья. «Гуляйте, сколько сможете», — приказал. Ну мы и гуляли. Здравияли его, Сережку, поздравляли с возвращением, здравияли его братьев, желали им поскорее вернуться из тайги с богатой добычей, здравияли его отца. На третий день мы с дедом не выдержали, захотели спать. Не знаю, сколько спали, а проснулся я от Сережкиного голоса: «Вставай, друг, иди пиши бумагу, мой отец помер». Почему он меня, а не деда тряс, не знаю, может, потому что я уже кончал свои курсы и мое слово что-нибудь могло значить в правлении. Видно, не хотел Сережка путать сюда деда, а дед тут как тут, выходит из дома вместе с нами, по нужде. Я и брякни ему без подготовки: «Дядя Аким помер, пойдём».

Снова Кеша долго молчал, вспоминая, как бежал дед к дому друга, как едва поспевали за ним они с Сережкой. Дядя

Аким лежал на спине. В ярком электричестве точно спит человек и спит. Кеша пожегся: снова попал в ту ночь. «Что ты с ним сделал? — обернулся дед к Сережке. — Призывайся немедленно, чем ухайдакал?» Сережка невозмутимо пожал плечами. «На черта он мне сдался. Думаешь, в тюрьму я хочу? Меня голыми руками не возьмешь». Сережка привалился к стене, смотрел на деда открыто, впервые за три дня Кеша видел прежнего Сережку. А дед ощерился: «Врешь, сучье отродье, насквозь вижу, что врешь. То-то сон меня не взял. — Тут же приказал: — Катитесь все из избы, я буду прощаться со своим единственным другом. Чтоб три дня ничего духа здесь не было!»

— Не надо дальше рассказывать! — вдруг испугалась Нинка. — Я знаю, что будет дальше. Он оживил дядю Акима, да? Я не хочу. Не надо больше меня испытывать, я прошу тебя. — Нинины глаза лихорадочно блестели, губы дрожали, лицо было больным. — Я поняла, я теперь знаю, время чудес прошло, верить можно только в собственные, человеческие силы. Нету никакой сверхъестественной силы, есть силы мои. Нету возможности вернуться с того света, я теперь знаю, есть только этот свет. Видишь, электричество? Это наука. Видишь, жилье, оно построено людьми.

Нина захлебывалась словами. Кеша понял, она боится и спешит освободиться от страха. Она хочет, чтобы он досказал, ей нужна надежда на спасение: еще, может быть, она не умрет, а она знает, что умрет. Он обнял ее, попытался на себя перевести ее страх, ее дрожь. Но она заразила его страхом: как ему жить, если она умрет? Она высветила его жизнь по-другому, она вернула его к деду, она спасла его, а теперь хочет исчезнуть, она таит на его глазах. Он хотел стать сильнее ее, хотел заставить ее слушать, хотел, чтобы она поверила в жизнь, но, ощущая ее смертельную худобу, чувствовал себя беспомощным.

— Нинка, — только повторял он, — Нинка, Нинка.

Сегодня он не должен поддаться ей. Если сегодня он не заставит ее признать его могущество, он не вернет ее в жизнь никогда. Он искал слова или поступки, способные утвердить его могущество. Неожиданно откинул Нинку, она мягко упала на подушку.

— Дура Нинка, наболтала глупостей. Говоришь, нет сверхъестественной силы? Тогда объясни, ты очень умная, как случилось, что дядя Аким ожил? Он и сейчас живет, вот тебе, вот! Живет, потому что мой дед его оживил. Не веришь? Так слушай. — Кеша встал на колени. — Туда смотри, там ищи ответ, ну? — крикнул весело, показывая вверх. Она не отвечала. Ее остановившиеся глаза пугали его. — Слушай, Нинка, мой дед запер двери, окна, зажег везде яркий свет, лег на дядю Акима, соединил свой рот с его ртом, дыхание в дыхание, соединил сердца, свое и дяди Акима, пульс в пульс, сплел нервы, сосуды. Трое суток он возвращал и терял, снова

возвращал жизнь дяди Акима, трое суток боролся.

— Откуда ты знаешь, что он делал?

— Дед рассказывал... А может, мне приснилось, что именно так рассказывал... Он сам испугался. Он не велел никому говорить, я никому и не говорил, столько лет прошло! Конечно, я не могу тебе всего сказать, а то деду станет плохо, никогда ему больше не знать покоя. Он сейчас нас слушает.

Нина вжалась в постель, еще больше побледнела.

— Бойся! — торжествовал Кеша. — Ты не верила, так знай, есть силы, до которых простой смертный еще не дорос. — Руки, протянутые вверх, были сейчас легки, они ощущали небо, срезанное потолком, ему в глаза шел свет, посланный дедом. — Не только мы с Сережкой, у дома дяди Акима собралась вся деревня. Отходили по нужде, недалеко в сторону, возвращались, жевали нехотя хлеб. Сережка за эти три дня не вымолвил ни слова. Я думал, дед тоже умер, но он не велел беспокоить его три дня, и мы ждали исхода этого срока, ждали конца третьего дня. — Кеша не сделал паузы, выпалил залпом: — Они вышли из дома на закате, вдвоем, дед и дядя Аким. В тот день впервые за два месяца было солнце. Освещенные красными лучами, стояли перед всей деревней молча, пока моя мать не поднесла дяде Акиму хлеб с солью и кувшин с молоком. Она, оказывается, догадалась, что задумал ее отец! Дядя Аким оглядел всех нас, только на сына Сережку не посмотрел, словно того не было в природе, сказал своим собственным голосом: «Они думают, у меня много денег. Ни копейки у меня нет. Я отдаю деньги в детский дом. А еще вот ему, — он кивнул на деда. — Чтоб он мог вас лечить. Не все травы ему достаются даром. Так что можно считать, дорогие односельчане, что и я вас все эти годы лечу». Только тут все посмотрели на деда. Я чуть не закричал. Что с ним стало! Волосы белые, борода белая, глаза красные, рубаха болтается, точно от деда остался один костяк. Старик, и только.

— Дай пить.

Кеша очнулся. Опустил наконец руки, склонился над Ниной. У нее потрескались губы, ввалились глаза, но в глазах жила надежда.

— Дай пить! — повторила она. — И давай спать. Сделай что-нибудь, чтобы я уснула.

— Нет. Пить дам, а спать не будешь. Ты со мной переплеться судьбой, ты поймешь, зачем тебе дана жизнь.

Кеша пошел босиком на кухню, ему приятно было идти по холодному полу. Он шел и везде зажигал свет: в коридоре, в ванной, в туалете, на кухне. Пусть будет свет, в свете он сильный. Он вернулся. Нинка сидела, поджав ноги под себя, строгая, готовая подчиниться ему.

— Стояла лютая зима. До пятидесяти градусов доходили морозы. В краях замерзла вода, отопление не работало. Люди не раздевались, так и сидели дома

в пальто и валенках. Казалось, и кровь в жилах остыла. Прекратилась, вымерала всякая жизнь. Тренировались мы в тот месяц редко, только вернулись из загранки, отдыхали. Прибежала бабка на рассвете. Вошла, включила свет, стала шарить глазами по комнате. Говорить ничего не говорит, только смотрит то на меня, то на мать, то на маленькую Надьку. Глаза остекленевшие, кончик носа побелел. Так всю жизнь, кстати, он и был у нее потом отмороженный, до смерти. Пришлось мне ее отпаивать. Только обрела дар речи, спрашивает: «Где Филипп?» Мы молчим, что мы ответим, ждем, сама расскажет, а она — голосить! «Чую, неживой, нету его больше. Порешили его гады». С трудом добились мы с матерью дела. С вечера, еще только отстучало шесть, ввалились в дом брата, все трое. Веселые, добрые, она, говорит, такими не видела их сызмалства. Бутылки повтыскавали, целых пять штук, да всякой деревенской снеди. «Пить будем за воскрешение нашего любимого батюшки. Отблагодарить нужно, верно?» — такие слова они говорили. Дед, бабка рассказывала, приказал собирать на стол. Дед у меня вообще был сильно доверчивый, вот как ты, что ни скажешь, верит. Бабка говорит, уж больно вились они вокруг него. И самый умный он у них, и самый всемогущий, несли околесицу. Сначала дед пил с ними, а потом отставил рюмку, стал звать их ко мне. «Пойдем, говорит, пить к Кешке, что же мы без него?»

Бабка рассказывала — тряслась, зубы стучали, платок с головы сполз, под яркой лампой сверкали проплешины. До сих пор я вижу эти голые лужайки на ее голове. Братья — хитрые, почуяли, что дед не доверяет им, стали вспоминать свое детство, да как дед с ними возился, да сколько им передал всякого умного, вспоминают, а сами подсовывают рюмку за рюмкой, нахваливают: «Как лечить можешь, так и пьешь хорошо. Молодец старик». Бабка заметила в глазах деда тоску, вроде он чего боится. А дед одно твердит: «Кешу хочу сюда, и все». Твердить-то твердит, языком же еле ворочает. Что греха таить, Нинка, всем силен был мой дед, а пить не любил и не умел. С юности воротило его от одного запаха. Есть натуры, не принимают, ты что хошь с ними делай. Окосел дед совсем. Его бы уложить, а братья тут и поднялись. «Гулять так гулять. Время детское, одиннадцать всего-навсего. Идем к Кешке». Особенно Сережка егозил, хотя весь вечер сильно бледный был Сережка и пил меньше всех. Подталкивают они деда к дверям, а бабка возмись да кинься поперек. «Не пушу». Они же ласково так, под белы ручки подняли ее и положили на кровать. Тут-то до нее и дошло, какое дело они задумали. Дверь они завалили чем-то тяжелым. Пока бабка отдирала окно, об гвозди царапаясь, пока вылезала, их и след простыл.

Нинка неожиданно прервала его:

— Вот видишь, и против высшей силы есть сила, обыкновенная, человеческая.

Я знаю, замерз твой дед, да? Человек был твой дед, и только.

— Врешь, Нинка — рассердился Кеша. — Не человек он был, он Сережку уложил с собой в сугроб, обоих их нашли, а братья, оба, живут сейчас покалеченные его желанием. — Кеша хлопнул рука об руку. — Врешь, Нинка, не человек он был. Ты меня нарекла шаманом, а шаман-то он, мой дед. Когда нашли его в сугробе закопанного, был он еще теплый, еще дышал. Сережка — тот трое суток не мог оттаять, а дед дышал, слышишь, Нинка? В больнице скоро пришел в себя. И знаешь, почему он помер? Все не из-за мороза, все не из-за перепития. Он сказал мне: «Не жить мне, Кеша, потому что я совершил божеское дело, бог карает меня. Не смел я оживлять Акима. Не смел я богу перечить. Знай свое место, Кешка».

— Зачем же меня хочешь спасти? Я, может, твоему богу понадобилась, вот он меня и зовет.

— Опять врешь, Нинка, — засмеялся Кеша, а самому стало страшно. — Ты просто больная, из тебя нужно изгнать болезнь. Дела-то на копейку. Коли бы ты богу была нужна, давно бы сидела у него за пазухой. А ты мне больше, чем богу, нужна. Нет, Нинка, тебе — жить. Мы еще поборемся с тобой. А ну, спускай ноги с кровати, давай мне руки.

Наверное, дед послал ему силу, Кеша увидел Нинку! Стуктами шла по Нинке кровь, гнилая, ядом омывала Нинкины органы. Чем жива Нинка, Кеша понять не мог, но всем своим здоровьем, всей своей властью над Нинкой шибко погнался он по Нинке эту гнилую кровь, слова дедовские повторил молением — ничего на свете, кроме Нинкиной болезни, не существовало.

— Не хочу! — вдруг порвала их общий бег крови Нинка, вырвала руки, отшатнулась от Кешы. — Мне больно, у меня кружится голова, меня тошнит, шею перетянуло. Ты стронул во мне болезнь, я чувствую, она сейчас задушит меня.

Нинка жадно пила, а он дрожал, остановленный в действии своем, не зная, как снова обрести власть над ней. Он увидел бесцветное Нинкино лицо. Поднялся, шатаясь, пошел на кухню. Долго пил под струей, а струя была теплая, невкусная. Нехорошая в Москве вода, одна хлорка. Через ступни тоже не шла прохлада, которой хотелось, как избавления от ожога. Потом курил, боялся вернуться к Нинке. Она порушила то, что шло к ней спасением. Как заставить ее лечиться?

— Ты где? — позвала она.

Затушил окурок, послушно пошел на ее голос. Она как сидела, так и сидела, бледная, светлоглазая.

— Мне Витя мешает... — сказала. — Я не могу лечиться, когда он... Ты не слушай меня, Кеша. Я поняла то, чего не понимала раньше: бессмысленно оживать больного, все равно останется в нем болезнь. Нельзя не верить врачу, когда он тебя лечит. Ты не сердись, Кеша, мне

просто очень страшно. — Она протянула ему руки. — На, колдуй! Я буду тебя слушаться. Олю нельзя оставлять одну. Вылечи меня. Не обижайся, просто мне стало очень страшно, — повторила она.

Утром, когда Кеша проснулся, Нины рядом не было. Освобождение от боли, которую вызвала дедова смерть, обозначилось в Кеше расслаблением. Лежать, смотреть в белый потолок, слушать приглушенный шум города доставляло странное удовольствие.

Нина не работала. Нина ходила по квартире. Он стал слушать ее шаги. У нее не было походки, она летела. На нее нельзя сердиться. Все в ней — для других. Сегодня — для него и Оли. Вот сейчас она ставит на плиту чайник — звякает крышка и начинает чистить картошку — глухо стукнула кастрюля о стол. На кухне тихо говорит радио. Оля еще, наверное, спит. Вчера исчезла на весь день, уехала к деду. Обиделась на него, когда он сказал, что нужен ученик — пацан. Что ж делать, передать то, что передал ему дед, он имеет право только парню. Нинка винилась в чем-то перед Олей. В чем?

Она там, на кухне, живет своей жизнью. О чем она думает?

Кеша засмеялся, потянулся, хрустнув суставами. Когда Нинка шевелится рядом, еще можно жить.

Он встает, медленно одевается. Кухня в одном конце квартиры, входная дверь — в другом. Нина не услышит, как он уйдет.

На лестнице он вызывает лифт, а пока лифт поднимается, снова радостно потягивается.

Рынок в десяти минутах. Чего Нинке хочется? Вроде она любит чернику. Нет, клубнику. А где ее взять? Прошла клубника.

Кеша обходит все ряды — нет, не видно клубники.

С грузовика торгуют огромными арбузами. Кеша пристроился в длинную очередь, взял сразу три арбуза.

Едва доволоч Кеша свои покупки домой. Ключа у него не было, и он лбом позвонил.

— Кто там? — звонко крикнула Нина. Не стала дожидаться ответа, открыла дверь, всплеснула руками. — Ты?

Нина за эту ночь сильно изменилась: на щеках устоялся румянец, губы стали ярче, а главное — в глазах родилась жизнь. Увидев его раздутые сетки, она просияла и помчалась на кухню.

Оля доедала кашу, спешила, на Кешу не взглянула. Уже два дня она с ним не говорила ни слова.

— Не дуйся, — сказала ей Кеша.

— Я не дуюсь, я опаздываю в бассейн.

— Не я придумал, ты послушай, из поколения в поколение можно передать только по мужской линии.

— Я не верю в это, — вспыхнула Оля, дерзко уставившись на него. — Женщина тоньше чувствует, я знаю, я давно это знаю. — Она встала, пошла к выходу. — Я к вам вовсе не набиваюсь, не думайте.

Я сама добьюсь. И учителя себе найду.

— Что, получил, шаман? — рассмеялась Нина, когда хлопнула дверь. — А я тебе драчену приготовила, уже собиралась тебя будить. — Нина все еще улыбалась, на него не смотрела. Вот о чем сейчас она думает? Только вчера ей было страшно. Поверила, что будет жить? Быстрыми легкими движениями Нина вынула из духовки сковороду, переложила высоко поднявшуюся драчену на тарелку и, только поставив перед ним тарелку, посмотрела на него. — Ты приехал, и я поправилась. Ведь я теперь поправлюсь, да?

Первый раз со дня его приезда она заговорила об этом, и Кеша забыл об Оле. Он мыл фрукты, старался не встретиться с ее упорным взглядом, который ощущал разгоревшейся щекой.

— Конечно, выздоровеешь, — ответил нарочито небрежно.

— Знаешь, что я придумала? — она все пыталась перехватить его взгляд, а он еще не освободился от ее вопроса и отворачивался. — Зачем ты будешь здесь простаивать? Варя говорит, у тебя тут вагон больных. Есть тяжелые. Начинать их принимать. Телефон в твоём распоряжении, квартира — тоже Оля придет, тебе разогреет поесть.

— А ты?

— Что я? Я ревновать тебя больше не буду. Теперь-то чего мне тебя ревновать? Так ведь? Уединяться с кем хочешь. Ты же меня теперь не бросишь? — Все-таки он не выдержал, посмотрел на нее. И зажмурился. Сразу сел за стол, стал резать громадный таджикский помидор. — Я знаю, не бросишь.

— Ерунду болтаешь, — сказал он с полным ртом. — Ты мне голову не морочь. Ты что будешь делать, пока я хорошоюсь тут с больными? — Кроме Нинкиного, звучал в нем не замолкая еще один голос — все говорила та женщина из Дворца, уговаривала: крепко любить друг друга, уважать интересы друг друга, верить друг другу. А как же любить, если он будет занят целый день? — Дура ты, Нинка, — перебил он ту женщину, попытался улыбнуться, а вместо этого осклабился, — болтаешь всякие глупости. Я тут торчу по делу. Больные подождут. Дело у меня тут главное, — крикнул он сердито. — Нет, ты мне скажи, где ты собираешься находиться, когда я тут с больными?

— Я же теперь выздоровела, — тихо сказала Нина. — Правда? Я пойду на работу.

Он и теперь не посмотрел на нее, хотя ему очень нужно было понять: верит ли она сама в то, что болтает?

— Другие бегут с работы, а ты бежишь на работу.

— Я вернусь с работы, а ты дома, ждешь меня, — вдруг тихо засмеялась Нина. — Завтра ждешь, послезавтра, всегда.

Он посмотрел на нее. Одной рукой Нина держала грушу, другой подперла подбородок и, оказываясь, разглядывает его лицо: отдельно губы, отдельно щеки,

отдельно лоб. Есть Кеше расхотелось. Нинка смотрела на него. как никто никогда не смотрел.

— Ну чего, чего уставилась? — срываясь, крикнул он, вскочил, снова сел. Затушил сигарету. Закурил новую. Что с ним делается, он не понимал. Больше всего ему хотелось, чтобы она продолжала так смотреть, всегда, вечно.

Нинка бесстыдно разглядывала его. В ее глазах стоял немой вопрос. Она справилась с ним, усмехнулась.

— Ну что ж, значит, так тому и быть. Слушай, Кеша, давай сегодня устроим пир. Я тут с тобой одним заперлась, а у меня имеется батя, он тоскует по мне, я по нему. Он хочет с тобой познакомиться, я ему сказала, что я тебя люблю.

Кеша поперхнулся. Так легко выскользнувшее у Нины слово обожгло.

— А еще я хочу позвать Варю с Ильей, — как ни в чем не бывало продолжала Нина. — Всех друзей. Поднимем пыль до небес. Не знаю, как ты, а я сто лет не плясала, сто лет, — повторила она весело.

Нет, ни в чем он не может противиться ей. Что она захочет, то и будет. Бал так бал.

Первым пришел Нинкин отец. Вот в кого она — рыжая и длинноногая.

Генерал медленно снимал плащ, медленно доставал расческу, медленно причёсывался. И Кеше захотелось выпить с ним, благодарить за Нинку, просить спасти ее, быть может, увести ее за границу — вдруг там нашли средство от ее болезни? Но в ту минуту, когда Кеша уже совсем решился заговорить, генерал протянул ему руку.

— Степан Федорович, — сказал он низким голосом и тут же беспомощно сморщился. — Я хочу поговорить с вами!

Оглянувшись на Нику, которая пристраивала его фуражку на вешалке. В его лице стоял такой страх, что у Кешы по спине побежали мурашки, и этот жалкий страх в большом сильном мужчине передался Кеше. Общие их дни с Нинкой прошли словно во сне. Сколько их прошло, он не помнит, Нинка казалась ему здоровой, и кожа у нее посветлела. Значит, лекарство действует? Значит, сеансы его действуют? Но он-то знает, как непросто уничтожить то, что натворила в Нинке болезнь. От страха намокли ладони. Кеша поспешил вырвать свою руку из руки Степана Федоровича.

— Я никаких денег не пожалею, — склонился к его уху Степан Федорович. — Все, что хотите, к вашим услугам! Я много слышал о вас! Спасите. Пожалуйста Олю. Вы посмотрите на Олю, какая она стала.

Что он говорит? Чего он просит? Кеша задом двинулся из передней. Нинкин отец шел за ним.

А Нинка бегала из комнаты в кухню, носила из серванта сервиз. Кухня была большая, двенадцать метров, решили сажать гостей там, а в комнате — плясать!

— Я помогу! — крикнул он Нинке,

чтобы избавиться от ее отца, схватил гору тарелок, с ними поспешил на кухню.

Снова звонок. Зачем Нинка придумала все эту кутерьму? Пусть бы уж лучше сидела работала. Кеша вытер ладонь о штаны, стал прислушиваться к голосам в передней. Он не знал, как ему вести себя. Кто он здесь? Нет, он не пойдет туда, на черта ему все это надо. А сам уже шел, потому что голоса были знакомы. Илья.

— Я принес тебе то, что обещал! — Илья протягивал Нинке две книги и сначала не заметил Кешу. — То, о чем мы с тобой говорили. — Илья смотрел на Нинку ласково.

Нинка стояла к Кеше спиной. Она подождала, пока Илья снимет плащ, и вдруг обняла Илью и поцеловала.

— Ты знаешь, нет никакой оккультной философии, ничего нет, совсем ничего, кроме жизни, солнца, неба. В них, а не в словах вся мудрость. Я уверена, я много думала в эти дни, а поняла сегодня ночью.

Не слыша ее бормотания, он взорвался: сама лезет к мужику! О чем болтают без него? Он не допустит... Он уже шагнул к Нинке, чтобы оторвать ее от Ильи, но на нем повисла Варя.

— Ну покажись, хитрый таяжик. Спрятался в теплой берлоге.

Она вертела его, разглядывала. Варька была нарядная, в узком длинном платье. Коротко стриженные ее волосы стояли дыбом, она не спешила их причесать. Улыбалась во все лицо, как всегда, но сегодня в ее улыбке был жалкий неуверенный вопрос к нему, и Кеша поспешил вырваться из ее объятий.

Илья наконец заметил его.

— Здоров, Иннокентий.

У смертного ложа Ильи встретились впервые Илья с Кешей. Серенький день сеял промозглым светом в окно — казалось, мелкая морось проникла в комнату, присыпала вещи, Илью и маленького старичка, отца Ильи. Старичок цеплялся за Кешины руки, повторял растерянно: «Умер, смотри-ка, умер». В бессознательные слова и движения старичка раздражали Кешу, он выгнал старичка, склонился над Ильей. Горбоносое, узкое, с глубокими темными впадинами под глазами, лицо Ильи было значительно — толь-в-толь лицо мученика, принявшего бесчисленные страдания, в них познавшего наслаждение. В первый момент Кеша, как и все, поверил неподвижности и бездыханности Ильи — мертв и мертв, решил, что зря согласился прийти сюда. Но, приглядевшись попристальнее, понял, что кожа у Ильи жива. Кеша дотронулся до щеки — ледяная. Пусть ледяная. Кожа жива, он точно это знает. Намучился он тогда с Ильей...

Уже бился бодрее пульс, с ним вместе и жилка у виска, уже порозовели губы, а сознание никак не возвращалось.

«Силен мужик! Что хочет может себе внушить! — злился и восхищался Кеша. — Так поверить в свой рак, в свою смерть. А рака нету, и смерти нету. Страх есть, перед жизнью и болезнью, есть сильное больное воображение...»

— Здорово, Иннокентий! Ну как прошла свадьба? — Не дождавшись ответа, спросил: — Ты чего такой тихий? Ты согласен с Брегом? Слушай, я тут занялся сыродением. Ты читал Шелтона? Уокер и Шелтон учат правильным сочетаниям пищи.

Они уже сидели на диване. Кеша слышал, что говорил Илья, понимал, но вся эта болтовня была ему сейчас ни к чему. Чего это Нинка там ржет с Варькой на кухне?

Раздался звонок. Кеша вытянулся к передней.

Не прошло и минуты, как в комнату вошла старуха. Худая, высокая, с прозрачными глазами. Это, наверное, мать, облегченно вздохнул Кеша. Она не была седой, и морщин на ее лице было немного, а вот, смотри ж ты, совсем старая.

— Лучше всего соки, а из соков лучше всего морковный...

Нина снова исчезла. Кеша беспокойно прислушался: где она может быть? Варька с Нининой матерью шептались в уголке. Появилась Оля с дедом.

— Идем, покажу новую пластинку. Последний крик моды, — тянула Оля деда к проигрывателю.

Раздался щелчок, и тягучая музыка наполнила дом.

Страх, что Нинкин отец сейчас подойдет к нему, снова будет смотреть жалкими глазами, заставил Кешу повернуться к Илье.

— А что там болтают о бессмертии души? — спросил с издевкой. Это Илья заморочил Нинке голову встречей с мертвым мужем.

Илья, казалось, не заметил издевки, как ни в чем не бывало стал рассказывать, что прочитал интересную книжку, которой можно верить, а можно и не верить, она утверждает, что с естественнонаучной точки зрения бессмертие возможно. Кеше стало скучно. Но куда ему деваться? Он всегда и везде был в своей тарелке, если же кто-нибудь осмеливался посягнуть на его спокойствие, легко, как полковника когда-то, ставил на место. А вот что ему делать сейчас, кому дать в зубы?.. Идалека, с другого конца комнаты, смотрел на Кешу Степан Федорович. Будет Нинка жить или не будет? — спрашивал он Кешу. И неожиданно в Кеше проснулось привычное ощущение игры: любой ценой не сказать ни да, ни нет. Но только... эта игра была немного иной, чем всегда. Генерал в золотых погонах, с Олей на коленях — Нинкин отец.

— Ты не слушаешь, что я говорю? Тебе неинтересно? — Илья коснулся его руки.

— Прощу к столу!

Кеша поспешно повернулся на голос Нины. Вот кого он ждал! Повернулся и даже привстал от изумления. Зеленое, до полу платье, с золотыми по подолу цветами, голые руки и плечи, тощая шея — это Нинка выглядывает из распущенных волос и платья?

Кеша перехватил восхищенный взгляд Илья, разозлился: оголилась, вырядилась. Зачем? Как она смеет улыбаться

всем, тратить на всех свой голос, свою радость!

— Сегодня праздник, шаман, — зашептала ему в самое ухо. — Я тебе приготовила сюрприз, да он задерживается.

В эту минуту раздался звонок. Нина исчезла в передней.

— Слушай, пойдем по маленькой за встречу, — торопливо заговорил Илья. Это было новостью — Илья не пил. — Ты мне скажи, очень плохо? — Илья, как клещами, ухватил его за руку.

Так соболя ловят в сеть. И вроде свобода близко, воздух, теплое дупло дерева, кора и там все прочее разное, а выбраться нельзя. Кеша попытался вырвать у Илья руку, но тот еще крепче сжал ее.

— Идите вы все к черту! — сказал Кеша Илье. Почему Нина так долго торчит в передней, с кем она там шепчется? — Я не господь бог и не премьер-министр, чтобы все знать.

— Пойдем, Кеша, выпьем, — молил его Илья.

Снова рядом оказалась Нинка. Наконец-то. Илья отпустил его руку.

— Закрой глаза, — зашептала Нинка.

Он послушно закрыл глаза и почувствовал облегчение: вот так, когда он никого не видит, еще можно было жить. Он слышит, Нинка здесь, рядом, шуршит бумагой, тихо смеется. Волны ее смеха захватывают его, успокаивают.

— Вот зачем я вас собрала, — начала она очень тихо. — Не открывай глаз, очень прошу. Олюшка, убери музыку. — В тишине сказала: — Здесь мои любимые люди. Я связана с каждым из вас в отдельности: с мамой, вырастившей меня, с папой, которому я обязана всем лучшим, что есть во мне... — Голос ее зазвенел, оборвался. Кеше стало неловко в тишине, с закрытыми глазами, но Нинкина рука легла ему на плечо, и он не открыл глаз. — С Варькой мы исходили тысячу троп, а что хочешь отдам за ее доброту. С Кнутом, или с Васенькой в просторечии, ему я ничего хорошего не сделала, только он мне, и так вот бывает.

«Что это еще за Васенька? — насторожился Кеша. — Уж не этот ли сюрприз она мне приготовила?» Он чуть не открыл глаза, но Нинка погладила его по щеке: потерпи, и он сдержался. Чем-то ему нравилась ее игра.

— Теперь Илья. Илья не живет, думает... — Нина загнулась, но тут же и продолжила, медленно, словно вглядываясь в каждое слово. — Илья мне очень родной. Оля... — Она замолчала. Он почувствовал, ее рука дрогнула, ее кровь забила жилочкой ему в лицо. — Это мое главное. Я виновата... — Снова замолчала, сказала тихо: — Она — это я, мой дух, мой друг, она меня чувствует, я чувствую ее, без нее меня не было бы давно.

Кеша сидел, откинувшись на спинку дивана. До этой минуты ему казалось, что Нинка просто рассказывает именно ему про своих близких. Нет, тут что-то не то, здесь другое, чего он не понимает.

— А теперь, — сказала Нинка звон-

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Я полностью согласен с пропагандистом из г. Гродно Б. Поповым («Наука и религия», 1987, № 1). Журнал должен помогать нам, особенно начинающим лекторам, в беседе с верующими. Желательно, чтобы журнал имел справочный раздел по истории религии, хронике религиозных событий.

В. ПИНКАСЕВИЧ, политинформатор
г. Горький № 3 г. Винницы

Как и других читателей, меня привлекла фантастика, которая появилась на страницах журнала. И так же неожиданно через нее я открыл для себя издание, которое на современном уровне рассматривает многие традиционные проблемы истории религии разных народов.

Очень важно с позиций сегодняшнего дня взглянуть в прошлое, в котором религия, культура, быт, обычаи связаны между собой сложными связями. Распутать их помогает ваш журнал.

С. ПЕТРОВ
Ленинград

Случаино «открыл» журнал «Наука и религия» только в этом году. И был приятно удивлен. Вместо шаблонной подборки привычно традиционных атеистических материалов, характерных для ряда брошюр этой проблематики, увидел совсем другие статьи — познавательные и интересные.

Благодарю за новаторские методы атеистической пропаганды.

Согласен с пропагандистом Б. Поповым («Что меня беспокоит», 1987, № 1), что лекторы частенько плохо владеют литературой, и не только религиозной.

Сейчас иной тип верующих, они образованные, эрудированные. Одна из моих родственниц, верующая, окончила заочно вуз, работает экономистом. Как с ней разговаривать!

В. ТОЛСТОВ
г. Кропоткин
Краснодарского края

Душевное спасибо за обновление журнала! Мне, активному в прошлом атеисту, всегда казалось, что широкое ознакомление с бытом, нравами, обычаями разных стран, «чуждесами» у разных народов — интересно не только неверующим, но и верующим тоже.

Э. КРЕЧ, кандидат химических наук
г. Харьков

Приятно, что журнал изменился, стал содержательнее и интереснее. Было бы неплохо, чтобы он снова обратился к личности известного богослова-модерниста П. А. Флоренского и рассказал о нем с той же обстоятельностью, что и о архиепископе Войно-Ясенецком.

И еще вопрос: какова история Русской духовной миссии в Иерусалиме? Среди памятников мировой культуры известен русский Пантелеймонов монастырь. Простяба к журналу написать и о нем.

М. ХРУСТАЛЕВ, учитель истории
пос. Ягеново
Вологодской обл.
Череповецкого р-на

ко, — я встретила с шаманом. — Она засмеялась. — Он самый счастливый из всех, он, один из всех, живет: пьет водку, любит баб, лечит людей, ходит по тайге, собирает траву, смотрит прямо на солнце в полдень. Я его пытала дурацкими вопросами о вечности. На свои вопросы я с его помощью ответила. Если есть вечность, если я, часть ее, не сумею заметить боли близкого, не замечу, не смогу помочь, зачем мне вечность? Кеша прав, есть снег, есть трава — жизнь, ею нужно жить, — повторила она. — Кеша умный не от ума — от земли, от рождения. Я своими глазами видела людей, которым он вернул жизнь. И не убогую жизнь калек! Надо жить, пока живется.

Кеша раздваивался. Еще раньше, в Улан-Удэ, своими речами она изводила его, начнет петь, какой он хороший, ему кажется, кожу с него сдирают. Сейчас те слова говорила при всех. Разве их можно говорить? Но он лишь чувствовал, что она говорит о нем хорошо, а что говорит — не понимал. Его качало на волнах ее голоса. И вдруг то, что родилось в нем раньше, что настораживало, сейчас, когда он совсем уже было расслабился, встряхнуло: да это она прощается с ними со всеми! Она вчера еще поняла, и утром, когда он не ответил ей... она поняла: он не верит в ее спасение. Ее голос поднимал его все выше и выше, а он уже летел в пропасть. Чего это он расселся? Она говорит: он все может. Он опоздал приехать! Из-за него она гибнет, он не прислал ей лекарство. Он завяз в тряпках, мебели, холодильнике! Ненависть к самому себе, презрение оказались такими сильными, что он хотел встать, бежать отсюда. Нинка удержала, шепнула: «Потерпи!» — и он сжался, как от удара, от ее голоса.

— Он — шаман, — продолжала пытаться его Нинка. — Я не боюсь этого слова. Его шаманство чуждо невежеству и колдовству. Я думаю, можно так сказать: он лечит не магией и чудесами, он глубоко знает травы, знает человеческое тело, человеческий дух. Мы недооцениваем психику, а это главное наше... Он понимает... Не его вина, если он не вылечит меня. Я сама виновата, я бросила пить его лекарство, я сбежала из Улан-Удэ. Но я благодарна ему за тех, кого он спас, за них я готова служить ему! Я устроила этот вечер, чтобы сказать: вы видите, я жива! Это благодаря ему. — Кеше стало холодно. — Вот ему от меня подарок. Эту женщину вырезал Кнут, по моей просьбе, она — вечная жизнь. Пусть она всегда будет с тобой, Кеша. Пока ты будешь ее хранить, ты будешь помнить... — Она оборвала себя. — Открой глаза.

Ему было страшно сделать это. Еще мгновение он помедлил, боясь потерять здоровой живой Нинкин голос, боясь увидеть людей, которые, как и он, поняли, что присутствуют на похоронах, но по-прежнему открыл глаза.

Нинка держала в руках женщину из дерева полутораметровой величины. Женщина сидела, как любит сидеть Нинка — поджав под себя ноги. Ее во-

лосы струились до пояса, и взгляд, обращенный к Кеше, был ее — Нинкин.

— Я тебя просила просто женщины... — прошептала Нина кому-то.

Кеша заметил парня, прижавшегося к косяку двери. Непомерно длинный, тощий, с непропорционально большими руками, со светлым наивным взглядом исподлобья, парень сквозь очки смотрел на него, Кешу, как на бога. Кеша понял его взгляд полнее: парень любит Нину. Любит, видно, всю свою жизнь, потому и сумел так точно передать Нинкино лицо — тонкий, беззащитно приподнятый нос, доверчивый взгляд, струящиеся волосы. Только тела ее парень не знал — тело деревянной женщины было не Нинкино.

В Кеше не было ревности к Васеньке, не было сейчас и желания увести Нинку от всех. Нинка оказалась неотделимой от своих родных и друзей. И его, Кешу, она как то ловко связала со всеми, так связала, что ему сейчас хотелось каждому из присутствующих немедленно сделать что-нибудь хорошее!

— Прошу за стол! — сказала Нина. — Оля, иди ко мне, Оля!

На другой день она ушла на работу. А к нему потянулись больные. Совсем как в Улан-Удэ. Но, усадив очередного больного перед собой, Кеша за своей спиной все время чувствовал Нинку.

Между двумя больными решил передохнуть, пошел на кухню, налил чаю, стал медленно пить. А пока пил, вспомнил Витю.

Кеша пошел к телефону, заказал Улан-Удэ.

...Он слышал голос Жорки, далекий и злой:

— Ты что, гусь лапчатый? Это кто же так делает, а? Ты хоть бы предупредил! Я тут сбился с ног. Тут такое делается без тебя, если бы ты знал! Тебя ищет милиция, хотят упечь в тюрьму. Это хорошо, что тебя нет, только мог бы предупредить. Воробьев какой-то бушует. Говорят, считанные дни ему осталось жить, он и свирепствует.

— Жора, — перебил Кеша взволнованный далекий Жоркин голос. — Это все, Жора, сейчас неважно. Записывай адрес, сходи, пожалуйста, Витя зовут. Скажи, чтоб ждал, чтоб терпел. Слышишь, Жора? Чтоб ждал. И еще у меня есть одна тяжелая, с инсультом. Жора, запиши мой телефон, я прошу тебя, устрой, чтобы мне срочно позвонила мать, от тебя пусть позвонит. Слышишь? У меня как? Не знаю, ничего не знаю. Мне срочно нужны лекарства, слышишь? Пусть позвонит мать.

Жорка что-то говорил, успокаивая, записывал долго адрес Вити, московский телефон. Как хорошо, что сегодня снова солнце. В городе всегда должно быть солнце — кусок живой жизни, иначе дома задавят человека.

Он очень устал, прилег на тахту. Не успел коснуться головой подушки, как в замке повернулся ключ.

Его подкинуло, через секунду он был

в коридоре. Руки потянулись к Нине, но тут же беспомощно повисли.

— Что с тобой? — спросил он едва слышно, уже понимая, лучше нее понимая, что с ней.

Она не ответила, тут же у двери осела на пол. Лицо ее было мертвенно-бело, в испарине, глаза ввалились.

Он подхватил ее, легкую, понес к тахте, уложил, снял туфли и поразился, какие худые у нее ноги.

Вместо того чтобы дать ей поскорее лекарство, как сделал бы с любым другим человеком, стоял перед ней обессиленный.

Сумерки, окрашенные солнечным светом, лились в комнату, делали Нинкино лицо еще бледнее.

Опоздал — лишь одно слово прошелестело в нем и погасло.

— Иди ко мне, положи мне на лицо ладони, — сказала она звонко, очнувшись, потянулась к нему.

Он не мог выполнить ее желание: черная пелена, как тогда в самолете, когда он летел к ней, без звезд и без света, затянула перед ним и комнату и Нинку.

— Где Оля? Позови Олю. Мне нужна Оля, — бодро говорила она. — Ты знаешь, меня так хорошо встретили, словно у меня день рождения. Даже мой начальник. У него тут были неприятности. Моего любимого автора передали другому редактору. А теперь мне возвращают его. Только я отказалась, я сказала, что не люблю предательства и не смогу работать с автором по-прежнему искренне. Я стала такая болтливая! А ведь язык совсем не ворочался. Ну иди же ко мне! Или ты за один день отвык от меня? Я так спешила к тебе! Поэтому все, наверное, и случилось. На работе я чувствовала себя прекрасно. Я тебе звонила, а мне никто не ответил, и я испугалась, вдруг ты взял и уехал? Очень спешила. Ты был такой странный у себя дома. А здесь такой хороший. Ты вообще очень хороший. Где Оля? Оля!

Из него рвались рыдания, которых он не знал прежде никогда и которых не мог удерживать. Он заперся в туалете, все время спускал воду, чтобы Нина их не услышала.

Голова его была пуста. Только одно слово жило: опоздал. И еще, рядом с этим словом жило нечто, пока не ухваченное, но некое подобие ощущения: что прошлой жизни не было. От прошлой жизни остался только дед — громадный, седой. Остался мокрый луг, с травой, одного роста с ним, полукруг восходящего солнца, дедово бормотанье. Дед будет жить вечно, а вот он не знает, что значит жить.

— Шаман! — услышал он сквозь падающую воду. Он головой уткнулся в дверь. — Иди ко мне, шаман, мне уже лучше. Я хочу есть. Шаман, где ты, я тебя потеряла. Тебе плохо?

Она пришла к двери с той стороны, и голос ее — близкий, чуть-чуть разделенный деревом:

— Я просто ничего не ела целый день. Я все бежала там. Сегодня пришла моя верстка. Нужно было срочно сдать, я же

столько проболела. Это я сама виновата. Когда человек целый день не ест... Правда же? Ты не думай. Я теперь заговоренная. Вот увидишь. Мне с тобой ничего не страшно. Слышишь, шаман? Да иди же, я очень хочу есть. Я очень соскучилась по тебе. Где Оля?

Кеша старался не слушать ее. Великим

усилием возвращал себя в ту, позапрошлую ночь, когда он, пятилетний, стоял в солнечной избе перед дедом. Дед, воздев руки к небу, посылал свет от пола к потолку, от потолка к полу. Дед был сильнее всех на свете. В кого же он, Кеша, такой слабый? Дед прислал ему силу, влил в него солнечный свет. Нужно

забыть, что Нинка косит, когда на него смотрит, нужно забыть, что для всех окружающих она самая необходимая, нужно забыть, что без нее не вернулся бы к нему дед и что он без нее не сумеет жить, она — обыкновенная больная. Он — шаман. Он сильнее ее. Если он победит ее в их единоборстве, ей — жить!

А. ЛИЧКО,
заслуженный деятель науки РСФСР,
профессор, доктор медицинских наук

КОММЕНТАРИЙ ПСИХИАТРА

Когда речь заходит о целителях, лечащих чудотворными средствами — заговорами, поглаживанием, магическим, проникновенным взором и т. д., прежде всего задаются вопросами: кто они такие? в чем их сверхъестественная сила? каким необычным даром они наделены?

Но с психиатрической точки зрения не меньший, а больший интерес представляют не они, а те, кого они чудесно излечивают. Те, от кого «отказались все врачи», кого «вытащили из могилы», избавили от невыносимых страданий. Кто эти люди и от каких болезней их вылечили?

Еще с XIX столетия в медицине распространилось представление, что болезни, поддающиеся подобным способам лечения, относятся к различным проявлениям истерии. Например, истерический паралич как по мановению волшебной палочки мог быть устранен гипнозом, таинственными пассами, заговорами и другими средствами народной психотерапии. Паралич после кровоизлияния в мозг подобным воздействиям не поддавался. Нельзя забывать, что со средних веков до XIX столетия истерия была весьма распространенным явлением. Ее эпидемии охватывали целые селения и округа, а истерический тип личности в прошедшие времена был, видимо, одним из самых распространенных.

Есть эпизоды, напоминающие проявления истерии, и в данной повести. Первоначальная реакция Нины на внезапную трагическую гибель мужа обнаруживает сходство с картиной истерического психоза. Сначала она просто «отключается» — многие часы выпадают из памяти. Эту Нинину способность отключаться в тягостные моменты впоследствии подмечает Кеша. Очнувшись, Нина обнаруживает другую свойственную истерии форму психологической защиты от непереносимо тяжелых событий: нежелание верить в то, что случилось, ожидание чуда. Современная образованная женщина требует от своего друга, увлекающегося йогой, чтобы тот оживил изуродованный в автомобильной катастрофе труп ее мужа, как когда-то якобы оживили его самого. Кстати, «летаргический сон» самого Ильи скорее всего был глубоким ступором. Неискушенному такой человек действительно может показаться умершим. Кеша же, подойдя к нему, констатирует, что щеки — холодные, а кожа — живая, то есть трупного охлаждения не наступило. Другие признаки смерти не упоминаются вовсе.

В наш цивилизованный век стали большой редкостью проявления истерии в виде параличей, глухоты, немоты, истерических припадков, напоминающих эпилепсию, или

истерического ступора, принимаемого за таинственный летаргический сон. Каждой эпохи присущи свои болезни, в том числе свои нервные расстройства. Со всеобщим просвещением, небывалым расширением межлюдских коммуникаций, постоянной массовой и быстрой миграцией населения и, главное, ускорением темпа всей жизни широкое распространение получили иные заболевания — телесные болезни, в развитии которых нервный фактор имеет решающее значение. Эти болезни провоцируют, поддерживают, доводят до опасной для жизни крайности психические травмы, непереносимые утраты и неразрешенные конфликты, кризисные ситуации или обстановка постоянного нервного напряжения.

С середины нашего века такие болезни стали называть психосоматическими, подразумевая, что первоисточник заболевания — в психике, а реализация его действия — в «семе», то есть в теле. К этим заболеваниям сразу отнесли язвенную болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, спастический колит, бронхиальную астму, стенокардию («грудную жабу»), гипертоническую болезнь, некоторые

Вокруг света

РАЗМОРОЗИЛИ...

Анабиоз — состояние организма, при котором жизненные процессы резко замедляются. Проблемами анабиоза давно занимаются врачи и биологи. Еще не так давно казалось, что достаточно подобрать правильный режим охлаждения и можно замораживать кого угодно на какой угодно срок. Эти представления послужили благодатным материалом для писателей-фантастов. Они погружали своих героев в анабиоз и «пробуждали» через сотни, тысячи или миллионы лет.

Но, увы, пока это так и осталось фантастикой. Превращаясь в лед, вода разрывает ткани и необратимо повреждает мозг. Условия, при которых ткани не повреждаются: предварительное насыщение их веществом, предохраняющим от образования льда (например, глицерином), и сверхбыстрое охлаждение существенно не меняли положения. Так что проблема анабиоза пока не решена. Но...

Недавно газеты сообщили о рекордном «анабиозе» молодого австрийца Гельмута Райхерта. Вечером он заблудился и замерз в сугробе. Обнаружили его только через 19 часов. Замерзшего привезли в одну из клиник Зальцбурга, и врачи приступили к «размораживанию». Медленно разогревали кровь, вводили препараты для ее разжижения и, наконец, с помощью электрошока «включили» сердце... Очевидно, переохлаждение наступило так быстро, что мозг не получил необратимых повреждений.

Гельмут Райхерт чувствует себя нормально.

формы полиартрита, а затем и сахарный диабет, инфаркт миокарда и ряд других. Круг психосоматических болезней все расширяется. Уже обсуждается роль психического фактора в развитии туберкулеза легких и даже раковых опухолей.

Значение психического фактора при разных болезнях неодинаково. Но даже если этот фактор не играет главной роли, от него могут зависеть улучшения и ухудшения, желание и способность собрать все силы на преодоление болезни или, отчаявшись, опустить руки, а то и лелеять свою болезнь, используя ее как орудие, тиранищее близких, или как способ получить незаслуженные блага. Тогда врачи говорят о невротических или психогенных наслоениях.

Но не всякий человек, страдающий какой-либо психосоматической болезнью, податлив к «сверхъестественным» способам и средствам лечения, воспримчив к воздействию чудотворцев-целителей, о необычных способностях которых идет молва. Большинство больных язвой желудка, например, справляются со своей болезнью диетой и лекарствами, кого-то спасает нож хирурга, но встречаются такие, кому «ничего не помогает», и, сами отказавшись от врачей, они тянутся к знахарю. В зависимости от уровня культуры, суждений, господствующих в его окружении, человек отправляется или к тому, кто лечит заговорами и травами, или к модному экстрасенсу, телепату.

Есть типы людей, характеру которых присущи черты, предрасполагающие к такому шагу. У них сильно потребность в психотерапии — к сожалению, именно ее не могут удовлетворить большинство современных дипломированных врачей: курс психотерапии отсутствует в программе медицинских институтов.

Наиболее распространен среди подобных пациентов тип, который в американской медицинской литературе последних лет получил название «dependent personality» — «зависимая личность». Вся жизнь они должны стоять за чьей-либо спиной, иметь защитника и покровителя, перекладывая на него ответственность за все в своей жизни, особенно, если ситуация требует активности и инициативы. Они спокойнее действуют в привычных условиях, но теряются в новой обстановке. («Гостиницы... курсы... — всем этим занимался Олег», Нина даже «не знала, как это делается», — вспоминает она о прежних совместных с мужем ежегодных путешествиях. «Олег делал ее всезнающей». «Олег ушел, и она перестала что-либо понимать».) Таким людям не хватает уверенности в себе. Они способны лишь пассивно следовать за своим покровителем по жизненному пути. Готовы терпеть его выходки, лишь бы только его не лишиться. Независимость их страшит. Свои способности и возможности они склонны преуменьшать. Чуть что, у них легко появляется тревога или развивается депрессия. Тип этот чаще встречается среди женщин.

Все сказанное в какой-то степени подобным людям действительно бывает присуще, но описание американских психиатров страдает однобокостью — это не главные их черты. Возможно, что заострению именно этих особенностей у людей подобного типа способствует американский образ жизни с его постоянной крикуренцией между всеми и во всем, неуверенностью в завтрашнем дне, страхом безработицы, постоянной опасностью стать объектом неожиданной агрессии в связи с небывалым ростом преступности и наркомании.

В советской психиатрии и психологии этот тип характера обычно принято называть эмоционально-лабильным или реактивно-лабильным. Его главная черта — крайняя изменчивость настроения. Оно способно круто меняться от незначительного повода и даже без видимых причин. А от настроения у таких людей зависит все — и самочувствие, и сон, и аппетит, и работоспособность, и общительность, и желание примкнуть к шумной компании или замкнуться в угрюмом одиночестве. Соответственно настроению меняется и отношение к себе, к своему будущему и даже прошлому. Представление о будущем то расцветается самыми радужными надеждами, то становится серым и унылым. И прошлое предстает то как цепь приятных воспоминаний, то как сплошные неудачи, ошибки, тяготы и несправедливости. Одни и те же люди могут восприниматься то как милые, интересные и привлекательные, то как скучные, надоедливые, наделенные всяческими недостатками.

Их вторая не менее важная черта — потребность быть любимым, жажда эмоционального тепла, участия и сопереживания, душевного света, верности, преданности, уверенности в поддержке и опоре со стороны близкого человека. Маломотивированные смены настроения создают иногда впечатление поверхностности и легкомыслия. Но это впечатление ошибочно. Такие люди способны на глубокие чувства, на большую и искреннюю привязанность к тем, от кого сами чувствуют любовь, заботу и участие. Эта привязанность сохраняется, несмотря на мимолетные ссоры. Им хорошо там, где царят любовь, тепло и уют.

Не менее свойственна им и преданная дружба. В друге или подруге они инстинктивно ищут домашнего психотерапевта. Они охотно дружат с тем, кто в минуты грусти способен отвлечь, утешить, рассказать что-то интересное, ободрить, убедить, что «все не так страшно». Но, с другой стороны, в минуты эмоционального подъема друг должен уметь откликнуться на радость и веселье, пусть даже беспричинные, не обдавать «холодным душем», а уметь удовлетворить потребность сопереживания.

Подобных людей отличает также искренность. Они знают особенности своего характера, знают, что настроение всегда у них на лице и они не умеют его скрыть. Они не пытаются затушевать слабые стороны своей натуры, а как бы предлагают принимать их такими, какие они есть. У них своеобразное чутье на людей. При первом контакте сразу улавливают, кто к ним расположен, кто безразличен, а кто таит в себе хоть каплю недоброжелательности или неприязни. Ответное отношение возникает незамедлительно и без попытки его утаить. Лесть и показное радушие поначалу ими легко

принимается за чистую монету, но, убедившись в ошибке, они круто меняют свое отношение.

Они весьма чутки ко всякого рода знакам внимания, благодарности, к похвалам и поощрениям — все это доставляет им истинное удовольствие, но не побуждает к заносчивости или самолюбию. Порицания, осуждения, выговоры или нотации, как и собственные промахи, глубоко переживаются и способны погрузить, хотя и временно, в беспросветное уныние. Действительные неприятности переносятся очень тяжело и легко могут вызвать невротические срывы.

Их слабое место, их ахиллесова пята — отвержение со стороны эмоционально значимых лиц, вынужденная долгая разлука с ними. Нет более страшного удара, чем утрата близкого человека, который их любил. Все черты характера заостряются, если с детства они воспитываются в ситуации эмоционального напряжения и отвержения со стороны близких. Тем сильнее они привязываются к тому, кто их полюбит. Нина росла в семье, где мать выгнала любимого ею отца, а ее саму корила за то, что в ней не чувствуется ее материнская дворянская кровь. «Никакой породы в тебе, сука дворянка!» — эти слова матери обожгли сильнее, чем ругань, и запомнились навсегда. «Мама, вспоминает Оля, — помнишь, ты говорила... что была когда-то бездомной собакой». Зато Олег «напоил ее светом и теплом».

Реакция на внезапную тяжкую психическую травму может достичь степени психического шока, вызвать состояние, граничащее с психозом, за ним нередко следует глубокая и долгая депрессия, которая либо постепенно проходит со временем, либо почти внезапно обрывается от крутого поворота жизни.

После смерти Олега Нина живет как автомат, ходит на работу, а дом ведут мать, отец, подруга. Дочь забыта и отринута. Оля лишь внешне похожа на отца, характер у нее материнский. Лишившись любимого отца, она оказывается заброшенной не менее любимой матерью. Подобное эмоциональное отвержение становится для нее непереносимым ударом. Отсюда и ее «таинственная» болезнь — нервные неукротимые рвоты и (об этом, естественно, деликатно умалчивает автор) спастический запор — не случайно после первого Кешинского массажа Оля бежит в уборную. Когда перед Кешей появляются мать и дочь, опытным оком он видит депрессию у матери и понимает, что болезнь дочери — следствие этой депрессии.

Только ли представителей эмоционального типа можно видеть среди пациентов упомянутых целителей? Конечно нет. Но именно они — преобладающий и наиболее благодарный контингент. А другие? Под влиянием сильных эмоций, среди которых страх близкой смерти и неразделенная любовь играют первую роль, люди с невысокой внутренней культурой (на образованность ориентироваться здесь не приходится — прямой зависимости между ними нет) обнаруживают нередко скрытые до этого некоторые черты эмоционально-лабильного типа. Воробьев оказывается во власти страха действительно приближающейся смерти. Для полковника достаточно смутной угрозы (понял, что «лепят диагнозы») да боязни, что бросит его «девочка».

Если же обратиться к личности тех, о ком идет молва как о чудотворцах-целителях,

то среди них также чаще всего встречается один и тот же тип, по характеру в значительной мере как бы антипод своим наиболее частым пациентам.

По природе это — аластелины: все, с кем они желают иметь дело, должны быть в зависимости от них или исчезнуть из поля зрения. И чем ближе человек, тем больше раболепия от него требуется. Они хотят диктовать окружающим правила жизни и взаимоотношений. Эти правила всегда выгодны прежде всего для них самих. Тех же, кто пытается проявить самостоятельность и независимость, они стремятся грубо подавить, сломать, а не удадутся — вышвыривают вон. С начальством и теми, от кого фактически зависят, угодливы до подобострастия, куда рассчитывают получить от них выгоду и побрякушки, но в глубине души — ненавидят, и ненависть эта рано или поздно прорывается наружу.

Настроение они не склонны легко и круто менять. Но бывает, что на них «находит», и тогда то злора и тоска, то апатия и безделье безраздельно овладевает ими на многие часы и даже дни. В проявлениях эмоций они напоминают паровой котел — медленно и постепенно закипают, порою незаметно для тех, кто их не знает, и затем внезапно взрываются и потом еще долго дышат жаром ярости и гнева. Поведение Кеша в ресторане с полковником — яркий тому пример. Эта исподволь нарастающая злоба при как будто бесстрастном лице может показаться проявлением сильной выдержки. Но ее нет. Он просто медлителен во всем и везде. Не терпит спешки, торопливости, скоропалительных суждений и действий («Кеша не любил суеты и суматохи»). Взорвавшись, легко теряет контроль над собой, способен на циничную брань и жестокие побои. Гнев и ярость требуют незамедлительной разрядки: после разговора по телефону с Воробьевым Кеша «стал бить стекла в окнах, в шкафах, все побил, совсем потерял голову».

Обычно «чудотворцы-целители» чувствуют, можно ли человека подчинить себе, сделать рабски зависимым, или есть риск натолкнуться на сопротивление, способное умалить их властный авторитет. Больных они сразу оценивают острым, наметанным взглядом: сказывается и многолетняя выучка (дед учил этому Кешу с малолетства), и природный талант. Здесь можно провести аналогию с акробатикой — и большая тренировка нужна, но и природные данные тоже. Оценивая они умеют не только податливость, но и значение психического фактора в возникновении страдания. Почти каждый подобный целитель берется лечить не всех, а с разбором — на кого «положит глаз». «Я не всегда и не всех лечу. Когда хочу — лечу, когда не хочу — не лечу... Мое право, моя власть», — говорит Кеша. Не хотят они лечить тех, кого не могут, но, естественно, скрывают это. Безнадежных они отсеивают под благовидным предлогом или со временем те отсеиваются сами. А если представляется случай, то свой отказ превращают в рекламный спектакль (проклятие, якобы наложенное на Воробьева).

Они, как правило, весьма корыстолюбивы. Кеша собирает ценные картины и драгоценности, с «черного рынка» книги, даже с беднейшего пациента берет более сотни в месяц. Больные должны либо платить, либо оказывать важные услуги, либо служить рекламой, распространять легенды, привлекать новичков. Такой врач не станет назначать час приема каждому больному.

ЕЩЕ РАЗ О «ПРОЗРЕНИЯХ ДРЕВНИХ» И СЛЕПОТЕ СОВРЕМЕННОИКОВ

Размышления на полях одной книги

П. ГУРЕВИЧ,
доктор
филологических
наук

Ему нужно многолюдье в приемной, много часовая очередь — это тоже реклама.

Кеша, как и все люди этого типа, расчетлив. Прижимист в повседневной жизни, но способен швырять деньгами, когда из этого можно устроить представление, подкрепляющее ореол его необычности (сжигание сотенных в ресторане), или просто вызвать зависть окружающих (роскошная свадьба сестры).

И еще такие люди злопамятны и мстительны. Способны на изощренную и жестокую месть. Старуху мать Воробьева Кеша терзает наложенным на того «проклятием», хотя об этом «проклятии» она узнает, когда сын безнадежно больной лежит в больнице.

А любовь их всегда окрашена мрачными красками ревности. К сексуальным партнерам они либо совершенно безразличны, смотря на них как на дешевую вещь (хорошие вещи они очень берегут), либо ревнуют без всякой причины. Невинный флирт воспринимается как тяжкая измена. Когда на них «находит», любят терзать ревностью объект своей влюбленности. Сами же весьма склонны к измене, ничего особенного в этом не видят. Отношение к своим детям также своеобразно. Если их несколько — всегда есть «любимчик»: у отца — дочь, у матери — сын. Любимца и страшно балуют и тиранят одновременно. Свиристелка для Кеша как дочь. Ей ни в чем нет отказа, но замуж идти без позволения брата она страшится.

Их отношение к алкоголю также отличается крайностями. То не пьют вообще, больше всего заботятся о своем драгоценном здоровье или фанатично проповедуют трезвенность, а если напиваются, то до бесчувствия, чтобы «отрубиться».

Практикуемые ими способы и приемы лечения всегда основаны на сильных сторонах их натуры. Властность усиливает действие внушений. Сильные и умелые руки (а это почти всегда именно так) делают их превосходными массажистами. Они любят занятия, требующие неторопливой аккуратности и скрупулезности. Поэтому им по душе собирание лекарственных растений и тщательная их обработка. Их травы, настои и отвары действительно могут быть гораздо действеннее, чем приготовленные из тех же растений аптечные. В зависимости от того, как и когда их собирают, как сушат и хранят и как готовят из них лекарства, активность содержащихся в травах веществ может различаться в десятки раз. На них ведь нет, как на современных патентованных средствах, глазированных оболочек, обеспечивающих долгое постоянство их действия.

Кульминационные сцены повести обладают сильным эмоциональным воздействием. Оба главных героя представлены как яркие типы. Один — как личность, чаще других встречающаяся среди гипнотизеров-массажистов-знахарей, другая — как представитель тех, кто ищет у них исцеления. Но если в Нине все гармонично: и действия, и чувства, и мысли — все питается ее эмоциями, то Кеша таким единым целым выглядит только снаружи — в поведении и высказываниях. Во второй части, где повествование ведется как бы с Кешиней стороны, его поступки и слова остаются прежними, но мотивация этих поступков, рассуждения про себя как-то не всегда вяжутся с Кешиней личностью. Будто Нина с ее волнениями и помыслами вселилась в Кешу и он стал думать, как она.

«ЕГО ТЕЛО было столь пронизано светом, что казалось — в его членах струится огонь солнца, а не кровь. Потоки света пронизывали его насквозь. Он плыл надо мной по ветру, держа арфу, и золотые пряди волос ниспадали на струны...»

О ком речь? О силфе, эфирном создании, населяющем космос. И это не продукт поэтического воображения или дань возрожденному романтизму, а свидетельство «очевидца» — Джорджа Рассела, автора книги «Светильник видения». В этом сочинении (оно издано одновременно в Мадриде и Лондоне в 1974 году) один из крупнейших представителей ирландского литературного возрождения предстал перед читателями в совершенно новом, неожиданном качестве. Рассел, оказывается, теософ, поборник мистического направления, утверждающего, что посредством интуиции можно постичь божество. Впрочем, теософия явление не новое, и об этом можно было бы и не вспоминать, если бы не новый виток моды на нее.

Словно поветрие нашло на некоторых западных литераторов: выискивать корни родства литературы и мистики. Обнаружили, к примеру, влияние тибетской «Книги мертвых» и древнеиндийских Упанишад на драматургию Эжена Ионеско. Выявили в романе Торнтона Уайлдера доктрину «космического оптимизма», основанную на учении о переселении душ. Увидели поразительные структурные аналогии знаменитого романа Джеймса Джойса «Улисс» с мифами австралийских аборигенов...

Вообще говоря, в таких зыбких материях, как художественные образы, при желании можно обнаружить воистину что угодно. Интереснее разобраться с желанием: откуда оно? А для этого надо выйти за пределы литературы и обратиться к некоторым особенностям современного буржуазного сознания в целом.

О тяге к иррационализму в современной интеллектуальной жизни Запада написано много, но одна сторона этого явления освещена еще скудно. Дело в том, что иррационализм далеко не всегда выступает открыто, порой даже складывается парадоксальное сосуществование научного знания и слегка замаскированного суеверия, отчетливо проявляется тенденция к мистификации науки. Все чаще раздаются голоса о том, что ее развитие подтверждает лишь ранее «открытое» мистиками.

Наша статья не претендует на исчерпывающее освещение проблемы. Скорее это приглашение к дискуссии, тем более что она уже неявно ведется — часто на уровне невысоком, обывательском, а то и вздорно-сенсационном.

Начнем разговор с недавно вышедшей книги американского литератора Майкла Толбота, физика по образованию, вызвавшей изрядные споры.

Называется она программно: «Мистицизм и новая физика»¹. Для начала автор излагает известную тибетскую легенду о короле, который умел превращаться в слуг, лошадей, купцов, в самые фантастические предметы. Вы спросите: при чем здесь физика? Ни при чем. Легенда помогает обосновать и проиллюстрировать идеологию мистицизма. А что же в таком случае остается физике? По

¹ Talbot M. Mysticism and the New Physics. London, 1981. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

мнению автора — открывать тайны божественной мысли, которые, оказывается, были ведомы еще индийским мистикам.

Если принять версию Толбота о союзе мистики и физики, науки и оккультизма, а заодно согласиться, будто мир — это лишь порождение мысли, то суть физики сведется к описаниям, которые ничем не отличаются от мистических озарений Рассела, от его поэтических постижений космоса. Ведь и ирландский поэт сообщает о неких «элементалах» — духах огня, воздуха, земли, воды, из которых творится мир, и о многом другом, с чем фактически солидаризуется бывший физик.

Обратимся к поэтическому описанию Расселом процесса, подводящего мистика к вхождению в «духовный сверхмир». Первая «весть запредельного», настигающая в глубоком уединении на лоне природы, — необычное ощущение «пустотности» окружающего. Мир вокруг утрачивает привычную достоверность, внезапно застывает, превращаясь в «фотографию». Возникает сильное сердцебиение и одновременно резко обостряются все органы чувств: появляется стремление слышать неслышимое и видеть невидимое. Неожиданный ветер (не колышущий листьев, не шевелящий травы) доносит слабую мелодию. Все окружающее наполняется каким-то особым значением. Предметы как бы укрупняются. Вибрации музыки, исходящей от всех предметов, усиливаясь, становятся видимыми как рябь. «Серебряное звучание» колокольчиков заполняет слух. Затем возникает сильное свечение, подобное снопу солнечных лучей, проходящих через кристалл. Человек вступает в невидимый мир, населенный сонмами разнообразных существ, постигает «энергетические центры» (халдейские оракулы называли их «источниками Гекаты»).

В своем сочинении Рассел «просмотрел» целую серию видений на тему «происхождение человека». Сначала из хаоса возникли туманные и чудовищные формы эволюции — зверолюди, птицелюди, и только затем появился «бог нашего мира» — человек... Невольно вспоминаешь ироническое замечание Анатоля Франса: между человеком и животным нет резкого разделения, поскольку существуют чудовища, совмещающие в себе эти два начала. И далее: «Таковы химеры — полунимфы и полужмеи; таковы три горгоны; таковы козлоногие; таковы сциллы и сирены, поющие на море. Ведь у последних грудь женская, а хвост рыбий. Таковы и кентавры: они до пояса — люди, а ниже — лошади»².

Франс иронизирует, Рассел, рисуя фактически те же картины, всерьез рассматривает их в качестве иллюстраций эволюции человека как существа Вселенной.

А теперь вернемся к «физикам». Упомянутую книгу Толбота открывает эпиграф — высказывание аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса: «Давайте признаем то, что признают все идеалисты, — иллюзорную природу мира. Давайте сделаем то, чего не сделал ни один идеалист, — будем искать нереальности, которые подтверждают эту его природу. Я полагаю, мы найдем их в антиномиях Канта и в диалектике Зенона... Мы (та божественность, которая заложена в нас) сотворили мир в своих грезах, своих мечтах. Мы представили его как прочный, таинственный, зримый, вездесущий в пространстве и постоянный во времени. Однако мы открыли в его архитектуре весьма утонченные и вечные нелогичности, свидетельствующие о его обманчивости»³.

Да, признание иллюзорности мира, того, что он всего лишь производное сознания, мышления, психики — неизменная черта идеализма при всех его претензиях на новизну, новые повороты в сознании. Это убедительно показал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

И современный идеализм прочно стоит на той же позиции. «Наш мир, — читаем мы у Толбота, — это мир грез и мечты. Наши понятия времени и пространства, самой структуры мира более связаны с проблемами и феноменами сознания, нежели мы предполагали» (с. 2).

Как и всякий идеалист, апеллирующий к науке, Толбот прежде всего пытается преодолеть «косность» основного вопроса философии. А для этого общепринятые понятия смело подменяет собственными. Так появляется термин «омниективность» (от латинского *omnis* — «всякий»). Оказывается, связь между сознанием и реальностью и не субъективна, и не объективна. Она «омниективна», то есть зависит от конкретной ситуации. Толбот замечает, что он не открывает ничего нового, а всего лишь реабилитирует незаслуженно забытое. Оказывается, более двух тысяч лет назад индийская школа тантризма уже открыла эту истину⁴. Ее философская концепция признавала, что реальность есть иллюзия (майя), что наблюдатель и реальность едины. Таким образом, вопрос о «первичности» как бы сам собой отпадает.

Толбот не скрывает, что и многие другие идеи его книги — всего лишь «творческие заимствования» из философского наследия прошлого. К их числу относится и так называемое исчезновение материи, о котором в начале века так много шумели махисты, выдавая за него выявленную прогрессом науки относительность конкретных физических знаний. Позже (первотолчком, очевидно, послужили высказывания одного из создателей квантовой теории Вернера Гейзенберга) пошло гулять по научному миру, смущая покой философов, утверждение о том, что понятие объективной реальности как бы «исчезает» в математическом аппарате квантовой физики (что этот аппарат представляет не столько поведение элементарных частиц, сколько наше знание их поведения)...

Здесь не место вспоминать всю дискуссию, те жаркие споры, которые вызвало это утверждение. Точка зрения философов-материалистов известна, известны и взгляды ученых-естественников. А что Толбот? По его мнению, «новая физика» требует коренного изменения нашего мировоззрения!

Радикальность ее выводов, по Толботу, состоит в признании определяющей роли разума во Вселенной. Так как квантовая физика имеет дело с очень малыми «количествами» материи и энергии, то опыты и наблюдения познания, применяемые одним исследователем, вовсе не обязаны в точности повторять опыты и наблюдения другого. Следовательно, результат эксперимента уже не зависит всецело от законов физического мира: «вмещается» разум наблюдателя. «Выявление роли сознания в процессах физического мира есть радикальное отступление от классической физики, — завершает свою мысль Толбот. — Но это как раз то, о чем давно говорили мистики. Слияние мистицизма и новой физики, представление перспективы мира с точки зрения этой новой структуры и выяснение радикальных, даже пугающих следствий такой перспективы — вот что является главной темой книги» (с. 4—5).

Тут необходимо остановиться. Читателю, который следит за дискуссиями по философским проблемам естествознания (и квантовой физики, в частности), все это давно и хорошо известно. Известны и аргументы противников Толбота — философов-материалистов. Конечно, никто не будет спорить с тем, что наши представления о реальности подвергаются радикальному, порой мучительному обновлению. Как бесспорно и то, что в процессе разрушения новой физикой устоявшихся положений науки должны, не могут не изменяться и теоретико-познавательные принципы философии. Но разве это отменяет основной вопрос философии, который так настойчиво пытается обойти Толбот?

Он, кстати, ссылается на известного современного

² Франс А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6. М., 1959, с. 39.

³ К серьезно, обстоятельно разговору о сложном, противоречивом мировоззрении крупнейшего прозаика XX века Хорхе Луиса Борхеса мы намерены вернуться в ближайшем будущем. (П р и м. р е д.)

⁴ Точнее было бы говорить о школе индуизма периода Упанишад — брахманизма. (П р и м. р е д.)

мексиканского мистика Карлоса Кастанеду, утверждавшего, что «мир не дан нам непосредственно, описание мира возникает в опосредованности». Комментируя эту мысль, Толбот отмечает: мы создаем для себя некий словесный мир и замыкаемся в нем до такой степени, что наши мыслительные процессы попадают в зависимость от семантики, однако не следует смешивать словесно построенную реальность с тем, что находится за пределами «здешности».

Автор книги вновь строит «мостик» от мистицизма к новой физике. Оба направления, по его мнению, должны преодолеть неопределенность языковых форм и интуиции, показать, что знание мира обуславливается образом мышления, который западная цивилизация только начинает предчувствовать. Открытие новой физикой неопределенностей (имеется в виду «соотношение неопределенностей» Гейзенберга) и способов их выражения — именно и есть такой «мостик», считает Толбот. Причем если физические идеалисты делали лишь робкие (на фоне нынешнего мистицизма) попытки подвергнуть сомнению объективную реальность, то позиция Толбота более радикальна. Он полагает, что мы творим физический мир в наших мечтах, а на самом деле его нет.

Итак, мир как огромный разум... Теперь человеческий разум уже не кажется случайным назойливым гостем в царстве материи. Нам остается лишь приветствовать его как подлинного творца и правителя в этом царстве.

В работах современных мистиков, обращающихся к древним авторитетам, обосновывается «голографическая» концепция сознания. Основанием для подобного сравнения оказывается специфическая особенность голограммы⁵: при попытке разделить ее на две части мы получаем два целых изображения при следующем делении — четыре и т. д. Кстати, и фундаментальные единицы материи — так называемые элементарные частицы тоже невозможно изолировать в качестве отдельных объектов, их поведение проявляет полевые, коллективные, системные свойства.

Разумеется, нет никакого криминала в предположении, что подобным же образом организована и структура процессов мышления. В «голографическом» подходе, по крайней мере, есть свои привлекательные стороны. Например, по сути он противостоит концепции бихевиористов, утверждающих, что любое психическое поведение может быть истолковано в терминах побуждения и ответной реакции, и только в них. Мыслительные процессы «голографичны» в том смысле, что все они бесконечно перекрещены, переплетены между собой.

Хранение информации в мозгу — удивительно сложное явление. Его нельзя представить некоей алфавитной картотекой. Каждая единичная мысль «укладывается» в любую другую, подобно тому как устроена китайская статуэтка: один Будда помещен внутри другого Будды, а тот в свою очередь — внутри третьего... То есть «голографичность» мышления можно рассматривать как определенную метафору.

Но если бы Толбот ограничился метафорой! Он-то без обиняков делает вывод о фантомности всего бытия вообще. По Толботу (а не по квантовой физике, на которую он ссылается), материя и пространство обязаны своим существованием человеческому сознанию. Реальность — это вроде некоей «суперголограммы», которую сознание творит для себя, оно, оказывается, способно проникать внутрь этой «голограммы» и изменять ее.

В качестве подтверждения сказанного автор ссылается на пример неожиданный — способность сельских жителей Шри-Ланки ходить босиком по раскаленным углям, не испытывая болезненных ощущений и не обжигаясь. Вот уж воистину — где имение, а где наводнение! Феномен известный, о нем спорят, обсуждают его с самых различных точек зрения — но при чем здесь квантовая физика, «голографическое сознание»?!

А вот Толбота «тривиальные» гипотезы специалистов не удовлетворяют. Он считает, что «разум тамильских

верховных жрецов как-то вмешивается в ускоренные колебания молекул и приостанавливает естественный процесс ожога. Эта способность структурировать реальность очень напоминает предположение... о том, что беспорядочное поведение частиц в броуновском движении может быть связано с волевой активностью экспериментатора...» (с. 68). Вот как все просто!

Итак, наш разум способен генерировать какую-то силу или поле, которое воздействует на свойства пространства-времени. Подобно тому, как электромагнитное излучение может искажать изображение в телевизионном приемнике, сознание деформирует хромосомоподобные кодовые ряды, известные нам как огонь, и влияет на «суперголограмму» реальности. И вывод: никакого бытия нет. Оно творится мыслью, сознанием.

Стоило ли апеллировать к новой физике, чтобы прийти к выводу, уже сформулированному задолго до Толбота (и, кстати, обстоятельнее и философски грамотнее, и тоже опирающемуся на «последние достижения естествознания»)? Ведь в принципе никакой новой оценки, кроме той, что дана в «Материализме и эмпириокритицизме», мы этим попыткам примирить естествознание с идеализмом, с мистицизмом дать не можем.

«Набрав ход», Толбот легко разделяется и с другими философскими категориями. Например, пространством и временем.

Новая физика утверждает, что во Вселенной имеются области, где буквально не существует ни пространства, ни времени. И Толбот бодро цитирует в этой связи тантриков, даосистов, дзэн-буддистов: они, мол, все это знали, предвидели! И хотя явно некорректно из факта ограниченности современных естественнонаучных знаний о мире (ведь, строго говоря, новая физика просто утверждает, что теоретически существуют так называемые сингулярности, где прекращается действие известных нам физических законов, потому что «дальше» мы еще не умеем описывать физическую реальность) выводить «факт» какого-то научного подтверждения мистических открытий, Толбота это несколько не смущает.

И вот уже развернута концепция, согласно которой сознание способно воздействовать на мир именно через эти «запретные» (запрещенные физиками) области. Ну, естественно, если законы не действуют, в обстановке «беззакония» может твориться черт знает что: сознание меняет направление времени, нарушает принцип причинности (за будущим следует прошлое) и т. д. и т. п. Но вот резонный вопрос: а почему бы в подобной обстановке «физической вседозволенности» не вернуться к старым добрым чертям, духам и прочей мистической «нечисти»? Только потому, что «голографически структурированная сознанием пространственно-временная матрица» звучит современнее?

Итак, опору для своих построений Толбот ищет у древних. У индийских мистиков можно встретить утверждения о неразрывности пространства и времени (гениальное прозрение, кстати!) и о том, что не существует строгой причинности. Излагая положения тантризма, индийский философ Вивекананда (1863—1902) утверждал, что вопрос о причине какого-либо явления подразумевает наличие причины. Толбот идет дальше: закон причинности для него — главное препятствие в понимании индетерминистической природы атомных и субатомных систем.

На самом деле, и сегодня в науке не так все просто. И чтобы понять суть передержек американского физика, вспомним некоторые ее азы.

В природе и обществе мы наблюдаем бесчисленное многообразие форм взаимодействия, взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Соответственно — и многообразие причинно-следственных зависимостей. В совре-

⁵ Подробнее о голографии см.: «Наука и религия», 1987, № 1. (П р и м. р е д.)

менной науке они классифицируются по различным признакам. Так, по признаку природы отношений причинно-следственные связи подразделяются на материальные и идеальные, информационные и энергетические, физические, химические, биологические, социальные. По характеру связей — на динамические и статические, по числу и связности воздействий — на простые, составные, однофакторные, системные, внесистемные. Есть еще подразделение на внешние и внутренние, главные и неглавные, объективные и субъективные, всеобщие, особенные, единичные...

Наука выявляет все новые и новые причинно-следственные связи, а Толбот глубокомысленно объявляет: «древние мистики предвидели нарушение принципа причинности». Вероятно, он полагает, что достаточно указать на внешнее совпадение взглядов индийских мистиков и новой физики, чтобы считать собственные выводы об их «глубинном родстве» доказанными.

А ведь при желании чего только не отыщешь в древних текстах индийских мистиков! Толбот, к примеру, нашел в них: неевклидову геометрию и начала теории относительности, дуализм волны-частицы, представления современной астрофизики и космологии (черные дыры, первичная сингулярность и Большой взрыв) и многое другое.

По Толботу, связь древнего мистицизма и новой космологии глубока и всеобъемлюща. «Известен индийский миф о верховной личности Вселенной, — пишет Толбот. — Это — Сам, воспринимающий все существующее в форме игры. Однако поскольку Сам есть все, что есть, он не должен выделять чего-то, с чем он мог бы играть. Следовательно, он играет в «космические прятки» с самим собой. Это подразумевает целый калейдоскоп лиц и внешностей — ослепительную бесконечность масок и форм вплоть до того, что игра принимает форму живой субстанции Вселенной. В этой игре могут принимать участие десять миллиардов жизней, смотрящих десятью миллиардами пар глаз, живущих и умирающих десять миллиардов раз. В конце концов, однако, Сам пробуждается от своих многочисленных снов и вспоминает свою истинную тождественность — то, что он единственный и вечный Сам во всем космосе. Игра начинается. Игра заканчивается» (с. 160).

Вот и претензия на описание полной панорамы Вселенной, на воссоздание истинного вселенского механизма, творящего реальность. Казалось бы, куда дальше? Здесь и конец философских построений бывшего физика? Однако не торопись, читатель, — впереди еще более радикальный и «трудно» постигаемый вывод: Толбот ожидает от союза мистицизма и новой физики еще более невероятного проникновения в суть вещей. Жизнь будет преобразована в нечто столь своеобразное, что возможностей нашего языка не хватит описать это «нечто»! Мы, провозглашает Толбот, на краю сверхъестественного, а наши старые и новые мистики и мудрецы — лишь «хранители преддверья», продвинувшиеся на самую малость дальше того, что позволяет нам наше «структурирование реальности». Все, что они предлагают, — это только какой-то бесформенный ключ от той бесконечности, которая лежит за пределами известной Вселенной.

Вот так поворот! До этого пункта Толбот вроде бы четко двигался к цели, которую предсказать было нетрудно (и к которой столь же настойчиво двигались многие авторы). Цель, казалось, состояла в том, чтобы «реабилитировать» точку зрения древних мистиков ссылками на современных ученых, которые будто бы лишь повторили древние прозрения. Однако наш автор пошел гораздо дальше!

Итак, по Толботу, современная физика — своего рода «научная база» для религии.

Толбот уточняет: религия, предлагаемая новой физикой, не является религией ценностей и абсолютных принципов — никаких «строгих чертежей» небес или преисподней! Новая «религия физики» основана на

психологии человеческого сознания, точнее, на психологии всей Вселенной — ведь, по Толботу, это сознание, воздействующее на само себя. Мы уже не найдем тех правил игры, которые столь долго и безуспешно искали философы и теологи. Все, что можно обнаружить в этой новой религии, — это видение внутри нас, отрывки, фрагменты великой космической игры в прятки, в которую мы играем и осознаем, что никаких таких правил и не может быть найдено...

Так по мере углубления в свою «игру» — поиск взаимосвязей мистики и естествознания — Толбот приходит к идее непознаваемости мира. И неизбежно останавливается перед проблемой: а что же тогда остается познавать (напомним, Толбот — «за науку»)? В поисках ответа на метафизические вопросы, переходит на язык эмоций Толбот, есть что-то безумное. Кто когда-либо ломал голову над текстами дзэн-буддизма, должен хорошо понимать это. «Ответ» все время ускользает, теряется в каких-то семантических фокусах, и искомая мудрость древних ловко прячется за космически-грандиозными неопределенностями. Словом, не стоит поддаваться искушению вскинуть руку: ответ — вот он!

Известный австрийский философ Людвиг Витгенштейн однажды заметил: «О том, что мы не можем высказать, мы должны хранить молчание». Споря с ним, наш автор утверждает: нельзя молчать. Мы терпим крушение при постижении дзэн-буддистских текстов потому, что они не сообщают никакой информации. Их подлинная ценность (как и ответов на «вечные» метафизические вопросы), по мнению Толбота, — не в информации, которую от них ждут, а в том эффекте, который они порождают в сознании читающего.

Не будем повторять того, что уже сказано марксистской философией по поводу аналогичных упреждений с наукой: выводы ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм» не устарели, и по сей день они служат надежной методологической базой для оценки подобных поисков союза между идеализмом и естествознанием. Другое дело, что и наука постоянно усложняется, и с расширением ее фронта он, естественно, как бы становится тоньше (аналогия с надуваемым воздушным шариком здесь вполне уместна). А где тонко...

Данные новой физики часто разрушают привычные представления. Однако новые тайны материи, ее удивительные превращения более увлекательны, чем копание в ворохе мистических «откровений». Что до возникновения потребности в таком копании, то и это объяснимо. Бурно развивающаяся наука зачастую требует решительной смены ее устоявшихся представлений (парадигм) — вот на это и на привыкание к новым нужно время, и немалое.

Прорыв к новым открытиям неизбежно разрушает ранее сложившуюся естественнонаучную концепцию, которая казалась такой безукоризненной. Как к этому относиться? Спокойно. Ибо в постоянном движении, развитии и заключена подлинная жизнь науки.

ВАШЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ

Наиболее интересны публикации на малоизвестные темы, такие как голография в очерке Л. Пекарь «Призрачных тел мастера».

М. ВОРОНОВ,
г. Тавда Свердловской обл.

Я много лет выписываю журнал «Наука и религия». Это мой друг. Если его долго не приносят, то переживаю. Я даю читать журнал друзьям и сотрудникам, рабочим нашего цеха. Мне нравится, что в нем доходчиво и просто объясняются сложные вопросы.

Е. ПЕТРОВА, п/о Родники
Раменский р-н
Московской обл.

Как ЭТО случилось

Айзек АЗИМОВ

Мой брат начал диктовать. Его ораторские способности не случайно собирали толпы людей.

— В начале, ровно пятнадцать и две десятых миллиарда лет назад, был большой взрыв и все-ленная...

Но я перестал писать. И недо-верчиво спросил:

— Пятнадцать миллиардов лет назад?

— Абсолютно точно, — ответил он. — Меня осенило.

— Никто с этим не спорит, — ответил я. (Во всяком случае, лучше этого не делать. Он на три года моложе меня, но я не пытаюсь поставить под сомнение его слова. И остальные следуют моему примеру, чтобы не навлечь на себя серьезные неприятности.) — Но ты собираешься рассказать историю сотворения мира за последние пятнадцать миллиардов лет?

— Это мой долг, — ответил брат. — Чтобы сотворить мир, потребовалось много времени. У меня все здесь, — он похлопал себя по лбу. — И это — высший авторитет.

Теперь я положил стилос на стол.

— Ты знаешь, сколько стоит папирус?

— Что? (Его может посетить озарение, но я заметил, что он частенько забывает о таких низменных мелочах, как цена папируса.)

— Допустим, на каждом свитке ты опишешь события миллиона лет. Значит, нам потребуются пятнадцать тысяч свитков папируса. Тебе придется говорить достаточно долго, чтобы заполнить их, и ты знаешь, что через некоторое время начинаешь заикаться. А мне придется все записать, и, боюсь, у меня отсохнут пальцы. Но даже если мы сможем купить папирус, ты не охрипнешь, а мне хватит сил, — кто сделает копии? Мы должны гарантировать наличие ста копий, прежде чем сможем продавать их, а без этого мы не получим авторского гонорара.

Мой брат задумался.

— Ты полагаешь, надо сократить? — наконец спросил он.

— И сократить значительно, если ты хочешь, чтобы твоё творение дошло до широкой публики.

— Как насчет ста лет? — спросил он.

— Как насчет шести дней? — ответил я.

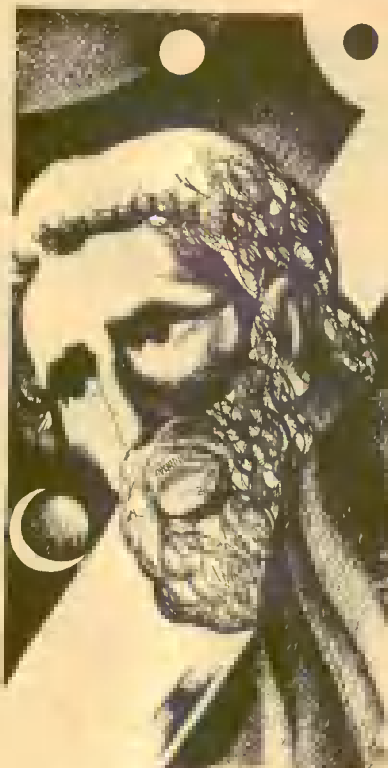
Он ужаснулся.

— Невозможно втиснуть сотворение мира в шесть дней.

— На большее у меня не хватит папируса, — твердо ответил я. — Так что ты предлагаешь?

— Ну ладно, — вздохнул он и снова начал диктовать. — В начале... Я действительно должен уложиться в шесть дней, Аарон?

— Ни минутой больше, Моисей, — подтвердил я.

Рисунки Б. Ионайтиса

ЧИТАТЕЛЬ
СООБЩАЕТ,
СОВЕТУЕТ,
СПРАШИВАЕТ

СЛОВО И ДЕЛО

Уважаемая редакция! Хочу поделиться с вами некоторыми мыслями о перестройке атеистической работы. Чувствуется, что она отстает от требований жизни, от задач, которые партия ставит перед нами — лекторами, пропагандистами. Не очень-то охотно идут люди на атеистические мероприятия, порой — по «указанию сверху». А если уж пришли на лекцию, то слушают ее вполуха, многие занимаются своими делами: кто вяжет, кто читает, кто делает вид, что не спит. В чем причина?

Я кандидат философских наук, знаю, что объясняя доходчиво и квалифицированно, — проверено на учебных лекциях в медицинском институте. А вот на беседах об атеизме слушатели у меня нередко зевают... Почему? Приведу пример, быть может, далекий от обстановки в лекционном зале.

Ехал я однажды утром в троллейбусе, час пик, народу — не протолкнешься. Стоял у окна и видел, как из молеального дома баптистов вышли и сели в троллейбус две пожилые женщины. Когда троллейбус тронулся и водитель неосторожно дернул на разгоне, людей качнуло, кто-то кому-то наступил на ногу. И один мужчина выругался — грязно, нецензурно. Все промолчали, в том числе — к моему стыду! — и я. А одна из старушек бросила: «Бога не боишься!» И так сурово, жестко это было сказано, словно она имела на то полное право и была под защи-

Перевел с английского В. Вебер.
© Isaac Asimov 1978

той. И опять никто не возразил! А мужчина поскорее вышел на следующей остановке.

Мы умеем доходчиво объяснять, что такое нейтроны и протоны, квазары и лазеры... А выступить в защиту справедливости, помочь человеку в трудную минуту, призвать к порядку распоясавшегося хулигана — на это нас зачастую не хватает. Если же человек не находит справедливости вокруг себя, он не перестает ее искать, но переносит свои поиски в запредельные миры. Мы ему про атомы и нейтроны, а ему десятый год квартиру не дают. И последний факт — живой, огорчительный — он воспринимает как несправедливость (что, кстати, нередко именно так!). Не это ли отвращает людей от лекций, которые обходят острые углы социальной действительности?

Сегодня многие знают, что значительная часть нашей аудитории верит знахарям, гадалкам, экстрасенсам, псевдодойгам, шарлатанам. Мы с трибуны разоблачаем эти суеверия. А они не желают исчезать. В чем дело? По-моему, в очень простом факте. Я рассказываю о чудесах настоящей медицины, о тех успехах, которые достигнуты медиками на фронте науки. Но мои слушатели хорошо знают порядки и дела в районной поликлинике, где кроме бюллетеня порой не получишь никакой помощи. Поэтому человек поневоле начинает обращаться к знахарям. И ничего своей лекцией мы не добиваемся.

Приведу еще один пример — совсем из другой сферы.

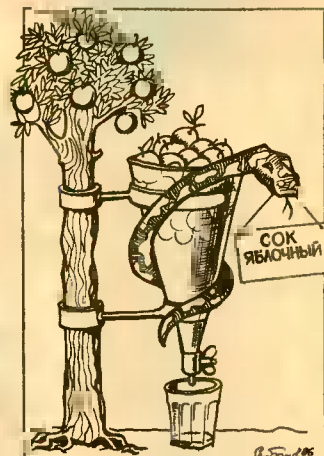
Я родился и вырос в селе, там живет моя мать. Ежегодно езжу к ней на время отпуска. И вот слышу такие разговоры: «Помнишь Ивана Ивановича? Пил десять лет, к врачам возили — ничего не помогало. И вот пошел к баптистам, сразу пить

бросил!..» Между прочим, каждый год, приезжая в отпуск, я чиню палисадник, угол которого регулярно сносят пьяные трактористы, проезжающие по нашей улице. В этом году приехал — все целехонько! Село на сходе приняло решение о введении «закона трезвости» — и обошлось без вмешательства «потусторонних сил».

Когда люди видят, что их активность — социальная, трудовая — достигает цели, они быстро прозревают... В данном случае поняли, что трезвости можно научиться не только в религиозной среде.

Конечно, в жизни все сложнее, запутаннее, и выбор между религиозностью и атеизмом не столь прям. Подчеркну, однако, главную мысль: лекционная и иная атеистическая работа должна сегодня опираться не только на пропаганду знаний, но — главным образом! — на сопряжение слова с делом, на факты, агитирующие за порядок в общественных и хозяйственных делах, за социальную справедливость. Важны ведь не число прочитанных лекций, количество «уголков атеиста» и прочие внешние атрибуты нашей деятельности, а реальные сдвиги в сознании людей. Чтобы добиться успеха в лекционной пропаганде, надо крепче связать наше слово с делами, с жизнью людей. В этом, на мой взгляд, ключ к перестройке атеистической работы сегодня.

Н. СТЕПАШОВ,
председатель методической секции по пропаганде атеистических и естественнонаучных знаний областной организации общества «Знание»
г. Курск

А. Ботвинков
г. Ростов-на-Дону

С. Михеев
г. Троицк

В. Семеренко
Ленинград

Со всего света
«НОВОСТИ» АСТРОЛОГИИ

Минувшей весной в Брюсселе состоялся первый съезд астрологов-«нонконформистов», сообщил французский еженедельник «Пуэн». Основатель этого течения — ирландец Сирил Фэган, ныне проживающий в США,

РИСУНКИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

утверждает, что традиционный астрологический «Атлас знаков Зодиака» составлен неверно и все ныне живущие люди родились «не под той звездой».

По «расчетам» Фэгана, ошибка в астрологический «атлас» вкралась еще в III веке, ныне же отклонение от истинного положения созвездий достигло-де 24—25 градусов. Поэтому все гороскопы надо пересчитать.

Легко понять, какие возможности открывает «новое учение» своим создателям на этом весьма прибыльном поприще. Поэтому между «нонконформистами» и традиционными астрологами идет жестокая борьба.

Вячеслав РЫБАКОВ

Фантастический рассказ

Кто видел фильм «Письма мертвого человека», посвященный теме предотвращения ядерной катастрофы, может быть, обратил внимание на фамилию сценариста. Вячеслав Рыбаков живет в Ленинграде и работает в Институте востоковедения АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию (средневековый Китай). И пишет научную фантастику. Читателям хорошо известны рассказы В. Рыбакова, а в конце прошлого года издающийся в Риге журнал «Даугава» опубликовал его повесть «Первый день спасения».

И вот теперь — «Зима». «Рассказ был написан, — говорит автор, — раньше, чем я начал работать с режиссером Лопушанским. А может быть, написал рассказ в то же время — сейчас уже и не вспомню: много раз переделывался рассказ и еще больше — сценарий. Но все это для меня взаимосвязано: рассказ, повесть, сценарий. Писал я, в сущности, об одном — о том, чего допустить никак нельзя. И когда вышел фильм, я чувствовал, что еще не все сказал, что не могу забыть об этой теме и переключиться на другие. В фильме мелькнул образ священника, но именно мелькнул — а ведь это еще один комплекс нравственных проблем, сомнений, поисков! Возможно, кому-то рассказ покажется жестоким, даже безысходным. Но я уверен, что правда, какой бы колючей, обжигающей она ни была, только одна и может предотвратить катастрофу. И наоборот, всякое упование на кого-то (на бога? на пришельцев из космоса? на чудесный случай?), кто поможет нам в последний момент, только приближает ее. Так возник замысел рассказа «Зима».

Здесь какая-то ошибка. Рубрика

М. Булгаков

Возможно, кто-то, как и он, еще отсиживался в подвалах, убежищах, бункерах. Возможно, кто-то еще не замерз в Антарктиде. Вполне возможно, в стынущих темных глубинах еще шевели-

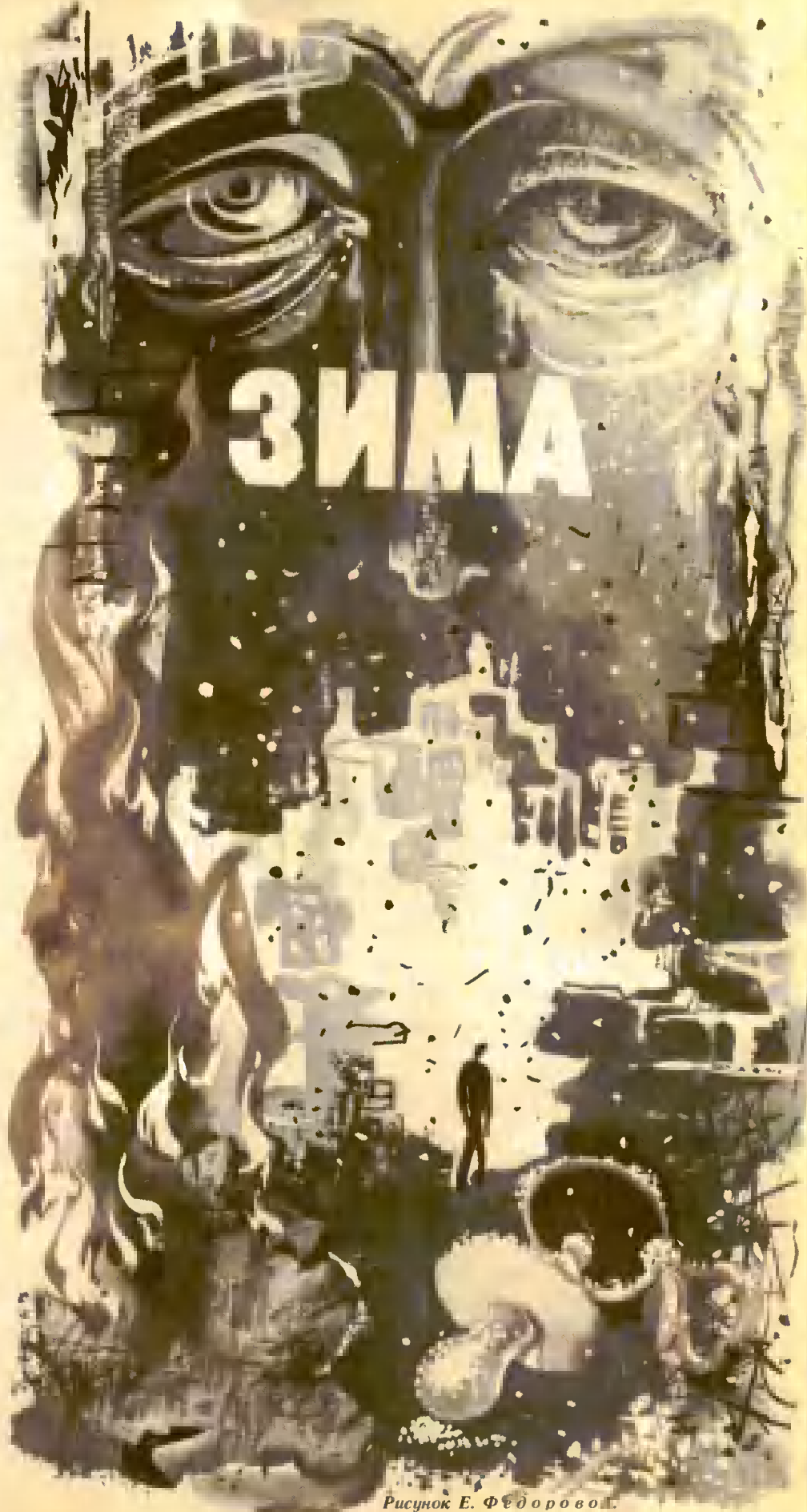

Рисунок Е. Федорова.

лись, дохаживая свое, подлодки. Все не имело значения. Этот человек ощущал себя последним и поэтому был последним.

После того как над коттеджем прогремели самолеты — бог знает чьи, бог знает куда и откуда, подвал затрясся, едва не лопааясь от переполнившего его адского звука, — сверху уже не доносилось никакого движения, только буря завывала. Человек едва не оглох тогда, и не скоро услышал, что малышка проснулась — испуганно кричит из темноты, заходится, давится плачем. Конечно, это были самолеты — один, другой, третий, совсем низко. Зажег фонарик. Пошатываясь — для себя он не успел схватить никакой еды, а прошло уже суток четверо, — побежал к дочери. Бу-бу-бу! Кто это тут не спит? Страшный сон приснился? Фу, какой противный сон, давай его прогоним, вот так ручкой, вот так, вот так. Прогна-а-али страшный сон! Спи, не бойся, папа тут. Все хорошо... Примерно через сутки ударил мороз.

Ледяные извилистые струйки медленно, словно крупные хлопья снега, падали с потолка, затерянного в темноте. Теплые вещи летом хранились здесь — повезло, — и человек все нагромоздил на малышку, только свое пальто надел на себя. Где-то он читал об этом или слышал: вся дрянь, гарь, миллионы тонн гари и пыли, которые взрывы стряхнули с Земли, плавали теперь в стратосфере, пожирая солнечный свет. Малышка стала плакать чаще, чаще звала маму, чаще просила есть — человек экономил молоко и все кутал ее, все боялся, что она простудится. Гу-гу-гу! Кто это тут не спит? Ночь на дворе, видишь, как темно, хоть глаз коли. Мама утром придет. «Мама» она уже две недели как выговаривала, а «папа» никак не хотела, это его очень огорчало, хоть он и не подавал виду, посмеивался.

Потом все как-то сразу подошло к концу. Когда малышка вновь захныкала, человек едва смог встать, едва нащупал коченеющими руками свой фонарик — пустил в потолок обессилевший красноватый луч. Высветился стол, кровать под ворохом одежды, тонущие в тени шкафы и стены. Человек слил остатки воды в кастрюлечку, из коробка достал последнюю спичку, из шкафчика — последний пакет молока, уже наполовину пустой, из аптечки — снотворное. Растолок все таблетки. Снял с полки очередную книгу, разодрал; чиркнул спичкой, зажег бумагу под кастрюлькой.

Стало светлее, подвал задышал в такт колыбаниям рыжего огня. Резало привыкшие к темноте глаза. Но человек смотрел, читал напоследок — раньше, в толчее дел, некогда было перечитывать любимые книги, теперь дела уже не мешали. «Нет! Не в твоей власти превратить почку

в цветок! Сорви почку и разверни ее — ты не в силах заставить ее распуститься. Твое прикосновение загрязнит ее, ты разорвешь лепестки на части и рассеешь их в пыли. Но не будет красок, не будет аромата. Ах! Не в твоей власти превратить почку в цветок. Тот, кто может раскрыть почку, делает это так просто...» Пламя медленно, словно лениво, ползло по странице, переваривало ее, и страница ежилась, теряя смысл. Оставались хрупкие, невесомые лохмотья.

Сюда нальешь воды, на две трети бутылочки примерно. Уразумел? И в воде разогревай. Мы всегда превыше всего ценили мир, говорил человек на экране энергично и уверенно. Если нам понадобится еще пятьдесят ракет, мы развернем все пятьдесят, и никто нам не помешает. Мы руковоствуем только своей безопасностью и своими интересами. Мы не устаем бороться за мир с оружием в руках везде, где этого требуют жизненные интересы нашей великой страны. На всех материках. На воде, в воздухе и в космосе! Перестань коситься в телевизор. Одно и то же бубнят каждый день... Попробуй обязательно, не перебрел ли. Да не рукой пробуй, а щекой! Она чмокнула его в щеку. Ой, у тебя и щеки-то ничего не поймут, я тебя до мозолей зацеловала. Или не только я? Не уезжай, попросил человек. Я к вечеру вернусь. Научишь ее «папа» говорить, пока меня не будет. Ой, как я буду назад спешить, мечтательно проговорила она и пошла к станции, а он остался за родителя.

Когда согрелось молоко в стеклянной бутылочке с мерными щербинками на боку, он высыпал туда порошок и тщательно разболтал.

— Соображаешь, чем пахнет? — спросил он хрипло и попробовал бутылочку щекой. — Сейчас папа тебя накормит.

Услышав слово «накормит», она завопилась, пытаясь выпростать руки из-под укрывавшей ее рыхлой горы.

— Папа, — отчетливо сказала она, когда человек перегнулся к ней над сеткой кровати. Поспешно зачмокала, скривилась — горьковато, но ни на миг не выпустила соску, только смешно морщилась.

— Вот умница, — приговаривал человек, свободной рукой поддерживая пушистый теплый орешек ее головы. — Вот молодец... Как славно кушает...

Она все-таки высвободила руку, он стал запихивать ее обратно, он и теперь боялся, что она простудится. Она шумно дохлела последние капли и, удовлетворенно смеясь, вцепилась крохотными пальцами в щетину на его подбородке. Он ткнулся в гладкую кнопку ее носа, потерся лбом, щеками — она хохотала, повизгивала.

— Гу-гу-гу. У кого это носик такой маленький? У кого это ручка такая

тепленькая? Гли-гли-гли. Ну, будет, будет, не балуйся, а то молочко обратно выскочит.

Он так и стоял, пока ее пальцы не разжались и рука не упала. Она уснула, как тонет камень. Он опустил-ся на стул рядом с кроватью, сжался, точно ожидал удара. Ее дыхание, отчетливо слышное в морозной тишине, стало затрудненным, легонечко булькнуло на выдохе и разорвалось. Скорчившись, он ждал, — но она не дышала. Он не мог поверить, что все случится так просто. Но она не дышала. Фонарик угасал час за часом, вот уже лишь нить красновато тле-ла — она по-прежнему не дышала. Он встал — оглушительно скрипнул стул, попятился, сбил на пол кастрюлечку со своей последней водой. От грохота, казалось, лопнут уши. Надсаживаясь, едва не падая от усилий, откинул, уже не боясь ничего снаружи, массивную крышку люка, и внешний воздух холодным комом рухнул вниз.

Шумные порывы морозного, сладковатого ветра привольно перекачивались в темноте. Под ногами — ковер и осколки. Сколько же здесь рентген? Вслепую сделал несколько шагов; ударившись о косяк, выбрался из гостиной в коридор. Ведя рукой по стене, добрался до наружной двери и изо всех сил толкнул ее.

Он едва устоял. Ледяной поток, наполненный хлесткой снежной крупной и пеплом, ударил в грудь, ободрал лицо. Человек вскинул руки, заслоняя глаза, и только теперь бутылочка выпала из окостеневших пальцев — со стеклянным стуком, едва слышным в реве ветра, она скатилась по невидимым ступеням. Где-то неподалеку протязно скрипели платаны. Слепота была нестерпима, до крика хотелось хоть на секунду разорвать ее — или выцарапать себе глаза.

Истертый, избитый ветром, он дополз до гаража. Скуля от бессилия, долго не мог попасть внутрь. Замерз замок, у двери намело. Протиснулся. Залез в машину. Хлопнул дверцей, отсекая влетающие в кабину вихри, и от блаженства на несколько минут потерял сознание.

Когда он уже отчаялся завести мотор, мучительное урчание стартера все же сменилось мягким рокотом, нелепо уютным в этом аду. Машина преданно дрожала, как всегда. Машина была жива. Человек включил фары и, захлопнув лицо обеими ладонями, закричал как от свирепой боли. Перед намертво зажмуренными глазами пульсировало ослепительное изображение — изломанные деревья с примерзшими к ветвям тряпочками листьев и черные, сникшие цветы в снегу и пепле.

Струи поземки летели навстречу, косо пересекая шоссе. Машина вспарывала их, колеса то и дело

скользили по ледяной крупе, отрываясь от покрытия, и тогда ревущая буря грозила смахнуть машину с дороги. Некоторое время человек бездумно соблюдал рядность; потом, когда фары высветили днище опрокинутой громады контейнера, ушел влево и со странным чувством мертвенного освобождения пустил разграничительный пунктир под кардан. Один раз где-то далеко — за городом, за мысом, в открытом море — полыхнуло. Что-то горело? Взорвалось? Или война еще шла? Он обогнал окаменевшую колонну армейских грузовиков и бронетранспортеров — многие перевернулись, свалились с шоссе, когда на них обрушилось... Что? Вокруг выступов на корпусах крутились снежные вихри. Он притормозил — машину слегка занесло и долго волочило боком. Прикрывая лицо, вышел. Ветер ошеломлял, душил, незастегнутое пальто рвало плечи. Влез в один из кузовов. Смерзшейся грудой лежали ледяные манекены в полевой форме. Некоторые успели достать противогазы, некоторые даже успели их надеть. Выдрал из груди один автомат, потом другой. Волоча в каждой руке по автомату, доковылял до машины. Снегопад усиливался — бешеная, сверкающая пляска в лучах фар.

Город не очень пострадал. Видимо, бомба взорвалась где-то южнее, в районе химического комбината — поговаривали, что там выполняются заказы военного ведомства. Наверное, оттуда и тянуло странным сладковатым угаром. Часто приходилось разворачиваться у завалов, у перевернутых автобусов и машин. Один раз автомобиль будто въехал на каток; всю улицу и бог знает сколько еще улиц залила лопнувшая канализация. Его опять сильно занесло, он едва не врезался в девятиэтажный дом, прокопченный долгим пожаром. Здесь он тоже предпочел вернуться и поискать обезд.

По знакомой лестнице поднялся на третий этаж. Поставил автомобильный фонарь на пол, долго возился с ключами — не слушались пальцы. Потом не открывался замок. Наконец вошел. Здесь, за столь надежно запертой дверью, здесь, где всегда еще с порога охватывало чувство тепла, уюта и покоя, выла и вихрилась та же пурга, опаляла щеки, стены обросли серыми от пепла сугробами и край пола — неровный, иззубренный — обрывался в пустоту. Там несся снежный вихрь, глубинно мерцающий от света фар. И она, присыпанная пеплом и снегом, лежала лицом вниз на полу кухни, и кастрюля из-под супа лежала на боку в полуметре от ее головы, и кусочки мяса, моркови, сельдерея вмерзли в твердую, заиндевелую копну волос.

Тесть был в кабинете. Здесь часть стены внесло внутрь, и она, раскрошив

книжный шкаф и письменный стол, распалась на несколько плоских обломков. Трещины были плотно забиты черным снегом. Из одной торчали пальцы, сжимавшие шариковую ручку. Человек едва не разорвал себе руки в тщетных попытках сдвинуть обломки, потом вернулся на кухню, осторожно оторвал от пола жену — на одежде и на обожженной щеке ее торчали тоненькие, неровные крылышки мутного льда. Он обломал их и, зацепив двумя пальцами фонарь, вышел на лестницу. Прислонив жену к стене, аккуратно запер дверь.

У машины, мурлыкавшей на холостом ходу, он оглянулся на дом. Была какая-то запредельная насмешка в гротескно решетчатой обнаженности сотен одинаковых клеток. Вон там жил кибернетик, в которого жена одно время была влюблена, кажется — вон там, где смятое пианино свесилось в пургу. Открыл дверцу и хотел, как всегда, усадить жену рядом с собой, но она не помещалась, она замерла, вытянувшись. Он уложил ее на заднее сиденье.

Возле магистрата новая мысль пришла человеку в голову. Крепкое старинное здание, фасадом обращенное к северу, удивительно уцелело. Уцелели почти все стекла. Уцелели рвущиеся, хлопающие на ветру флаги по обе стороны парадного подъезда. Тормозя, человек проехал мимо ушедшей в снег важной машины; внутри темнел, запрокинувшись, ледяной манекен шофера — он так и не дождался пассажира.

Обдирающая, как наждак, пурга ворвалась в кабину. Визгливый грохот распорол шипение и завывание, летящие клубы снега озарились пульсирующим оранжевым светом. Приклад колотился о плечо. Беззвучными призрачными водопадами стекла фасада срывались в пляшущую мглу, один из флагов вдруг отделился от стены и напряженный, как парус, косил полет вниз. Короткий огонь выплескивался из дула. Глаза слепли от леденеющих слез, руки свело судорогой, — но от ужасающей пошлости происходящего его тошнило.

Потом тошнота не прошла — усилилась, начались спазмы, а желудок давно был пуст, и лишь немного желчи выбросилось в рот. Задышавшись, человек хотел выплюнуть желчь на лежащие в снегу пустые автоматы, но тут из носа хлынула кровь — кровь в нем еще была. Сколько же здесь рентген? У него звенело в голове, все качалось.

С женой на руках он спустился в подвал, уложил ее на диван. Накрыв своим пальто, подоткнул в ногах, чтобы ей было теплее. Прилипший к пальто снег не таял.

Автомобильный фонарь наполнял подвал бесчеловечным белым светом.

Что-то пробормотав, человек по-

спешил обратно, наверх. Через несколько минут вернулся, неся полупустую бутылку коньяку. Закрыв люк — крышка лягнула, рухнув в пазы, и завывание ветра сразу стало далеким и неважным.

Налил в рюмку. С губ в спокойном морозном воздухе слетал пар. Пригубил, зашелся кашлем, расплескивая ледяной коньяк. Едва переведя дух, отчаянно выпил, налил снова, рюмка колотилась в руке, тускло отблескивающие капли слетали с крошки стекла. Снова выпил, спеша, но зубы все равно стучали. Оторвал рюмку от губ, и она заплескалась в пальцах и выпрыгнула из них, сверкнула в сторону, в тень. Сел на край дивана, сбросил пальто на пол — разлетелись рыхлые полоски снега, немеющими пальцами раздергал тесьму у ворота, стал сдирать блузку, надетую, как он любил, на голое тело. Тонкая отведенная ткань отделялась вместе с кожей, ошпаренной супом. Едва не падая от поспешности, бросился к аптечке, щедро смазал бурые проплешины мазью от ожогов. Потом выплеснул на ладонь немного коньяку и принялся растирать не захваченную ожогом кожу. Хрипло дыша, приставывая при каждом вдохе, человек работал истощенно, точно боялся опоздать. Через некоторое время вдруг, спохватившись, поднес горлышко к ее губам, попытался, невнятно и ласково бормоча, разжать ей челюсти и дать выпить глоток. Не сумел. Снова плеснул на ладонь. Вдруг замер, пораженный догадкой — задергалось иссеченное пургой лицо.

— Она не умерла! — закричал он и с удвоенной силой принялся растирать жесткое, как камень, тело — кожа лохмотьями ползла с его ладони, по животу и груди жены потянулись первые легкие полосы крови. — Глупенькая, а ты что подумала? Дуешься на меня — а сама не поняла! Я снотворного ей дал, снотворного! Она проснется утром и позовет тебя опять, и что я ей скажу?! Она тебя ждет, зовет все время, только «мама» и говорит! — Разогнулся на миг, поднял глаза и увидел сидящего на стуле мужчину в грязной, не по погоде легкой хламиде до пят. Окаменел. Гость — смуглый, бородатый — безмолвно смотрел на него, и свет фонаря яркой искрой отражался в его больших печальных глазах.

Человек медленно поднялся.

— Ну вот... — хрипло произнес он.

Гость молчал. Это длилось долго.

— Думаешь, я сошел с ума?

Гость молчал, его коричневые глаза не мигали.

— Хочешь коньяку?

Гость молчал. Выл ветер наверху. Бутылка с глухим стуком повалилась на пол и откатилась в сторону, разматывая за собой прерывистую тонкую струйку.

— Опять пришел полюбоваться, какие мы плохие?

Гость молчал.

— А сам-то! Мы оглянуться не успели, а у тебя уже кончилось молоко! И ничего лучше, чем я, ты не придумал! Прихлопнул!

Гость молчал.

— А я отогрею их, вот увидишь,— тихо сказал человек.

По щекам гостя потекли крупные слезы.

Несколько секунд человек смотрел недоуменно, потом понял.

— Э-э,— сказал он и, безнадежно шевельнув рукой, снова опустился на диван.

Гость упал перед ним на колени. Схватил за руку, прижался горячим, мокрым от слез лицом. Плечи его вздрагивали.

— Не плачь, малыш,— с трудом выговорил человек и вдруг чуть улыбнулся. — Все пустяки. — Положил другую руку на голову гостя и принялся гладить его мягкие благовонные волосы. На вьющихся черных прядях оставалась сукровица, тянулась отблескивающими жидкими паутинками. — Гли-гли-гли. Поверь, все пустяки... Не получилось раз, не получилось два — когда-нибудь получится. Ты только не отчаивайся.

— Я тоже думал, отогрею,— жалобно пролепетал гость прямо в притиснутую к его лицу ладонь. Худые плечи под хламидой затряслись сильнее.

Бок о бок хозяин и гость вышли из дома, и груда пурги обвалилась на них. Параллельно земле мчался неистовый, всеобъемлющий поток, волшебной подсвеченный фарами машины, затерянной в его глубинах.

— Спички-то хоть найдутся? — спросил человек. Горячая рука вложила в его пальцы коробок. Человек криво усмехнулся: — Этого добра у тебя всегда для нас хватало...

Идя на свет, он добрался до машины, вынул из багажника запасную канистру. Зубами отвернул пластмассовую крышку, вернулся к двери, затерявшейся было в пурге. Гость уже исчез — будто привиделся. Задышавшись, поднялся по ступеням, поставил канистру на пол коридора и пнул ногой. Канистра опрокинулась в темноту. Присев, человек подождал, пока бензин растечется. Потом, пробормотав глухо: «Кто замерз, того уж не отогреешь...», зажал несколько спичек в кулаке и неловко чиркнул.

Пламя с ревом встало едва не по всему дому сразу. С опаленным лицом человек скатился с крыльца в сугроб у самой границы гигантского гремящего костра. Стало светло как днем; оранжевая, мохнатая толща стремительного снега просматривалась далеко-далеко. Увидел, как затлела, задымилась одежда, и подумал: «Холодно».

А. МИГДАЛ,
академик

Меня взволновал рассказ Вячеслава Рыбакова. Я — физик, и, наверно, не вправе говорить о его литературных достоинствах или недостатках. Однако затронутая тема настолько значительна, что уже одно это оправдывает появление моих заметок.

Так как я впервые выступаю на страницах вашего журнала, то воспользуюсь случаем, чтобы сказать несколько слов о науке и религии.

Мне кажется, что само противопоставление этих понятий неправомерно, поскольку они относятся к непересекающимся областям человеческой активности. Если предположить, что бог — нравственное, духовное начало, не влияющее на законы природы, то проблема лежит вне точных наук и относится к психологии, этике, социологии...

Но если считать бога материальной силой, влияющей на законы природы, то именно ученые имеют право на суждение. Они должны ответить на вопрос: нет ли таких наблюдаемых явлений, которые нельзя было бы объяснить естественными причинами?

Не так давно казалось, что такое явление существует. Мы не могли в рамках известных законов природы объяснить зарождение живой материи из того хаоса, которым была двадцать миллиардов лет назад сверхгорячая Вселенная. Любые, как нам казалось, корректные расчеты давали ничтожную, исчезающе малую вероятность такого события. Нельзя было не только обосновать возможность существования жизни еще где-нибудь во Вселенной, но и сама жизнь на Земле представлялась чудом. Был даже придуман термин «целенаправленное развитие», означающий, что Вселенная, развиваясь, предугадывает свое возможное будущее состояние и движется в том редчайшем направлении, которое приводит к возникновению жизни. Понятие «целенаправленное развитие», по существу, эквивалентно утверждению о существовании бога, влияющего на законы природы.

Однако в последние годы ситуация прояснилась: были открыты так называемые самоорганизующиеся системы.

В чем была ошибка прежних оценок? Они не учитывали, что Вселенная, изначально горячая, потом стала охлаждаться. В охлаждающейся же системе многие процессы идут самопроизвольно.

Характерным примером может служить возникновение такой сложнейшей структуры, как двойная спираль ДНК. Когда температура вещества была еще достаточно высокой, стали образовываться отдельные молекулы. Затем, по мере охлаждения, молекулы стали собираться в нити, что было невозможно при более высокой температуре. В конце концов молекулы

КТО СПАСЕТ НАС, ЕСЛИ МЫ САМИ СТАЛИ НА КРАЙ ПРОПАСТИ!

собираются в строго определенном порядке: звено нити с «неправильной» молекулой имеет меньшую энергию и будет разрушено тепловыми ударами. Так будет происходить до тех пор, пока не получится «правильная» нить. Энергия «разлипания» нитей в двойной спирали в несколько раз меньше, чем энергия разрыва одной нити, поэтому при дальнейшем охлаждении нити начнут свиваться в двойную спираль с «правильным» расположением молекул. Достаточно, чтобы возникли сложные молекулы, — и двойная спираль образуется сама собой.

Разумеется, это тоже чудо, но оно не противоречит законам природы.

В материальном мире пока не обнаружено явлений, не оставляющих надежды на научное объяснение. Поэтому ученый в своей работе вправе исходить из предположения, что сверхъестественные силы отсутствуют.

Кант назвал две вещи, удивляющие его больше всего на свете: «звездное небо надо мной и нравственный закон внутри меня». Этот нравственный закон внутри и вне нас стал вопросом жизни и смерти человечества.

Мы начинаем понимать, что нравственность отстает от развития науки. Сверхчеловеческая мощь науки требует высочайшей нравственности и ответственности не только от создателей новой техники, но, главным образом, от руководителей, принимающих необратимые решения и реально влияющих на ход событий.

Не кажутся ли нам в век атомной бомбы и космического оружия наивными заповеди «не убивай» и «не замышляй против ближнего твоего зла»?

Кто спасет нас, если мы сами стали на край пропасти?

Доводов разума оказывается недостаточно. Ведь Хиросима уже показала разрушительное действие ядерного оружия, биологи доказали необратимость генетических последствий даже малых доз облучения, медики выяснили увеличение вероятности раковых заболеваний от повышения радиоактивного фона, математики и программисты установили неизбежность «ядерной ночи» и «ядерной зимы»... Для того чтобы сознание опасности перешло из области разума в область чувств — в область нравственности, и необходима вся мощь искусства.

Писатели, художники, деятели кино и театра во всем мире начинают понимать это. Они должны внушить людям не надежду выжить в ядерной войне, а надежду избежать ее, напоминая о нравственном законе внутри нас.

Рассказ Рыбакова служит этой цели!

ПО СОВЕТУ Максима ГОРЬКОГО

Александр
ШАМАРО

Можно сказать, что эта публикация подготовлена по совету А. М. Горького... Правда, писатель дал его нашим давним предшественникам — атеистам тридцатых годов... Заканчивая письмо к заведующему Государственным издательством художественной литературы Н. Н. Накорякову, Алексей Максимович сделал такую приписку:

«Безбожникам» следовало бы издать полный текст записок Голубинского, автора «Истории церкви», профессора Московской духовной академии. Я слышал, что записки эти обличают автора как атеиста, главное же — дают интереснейший материал о церковниках в их быте»¹.

Записки Голубинского были опубликованы в 1923 году в Костроме — в 30-м выпуске «Трудов Костромского научного общества по изучению местного края» тиражом 750 экземпляров (по этому изданию мы их здесь и цитируем)

Имя Евгения Евстигнеевича Голубинского (1834—1912), без сомнения, знакомо многим читателям журнала «Наука и религия» по ссылкам в статьях, касающихся истории церкви

Ему, сыну сельского священника Евстигнея Пескова, выходящу из среды приходского сельского духовенства, из лесной глуши Кологривского уезда Костромской губернии, как говорится, на роду написано было прозябать батюшкой в родном селе Матвееве или где-то в тех же краях, если бы не природные способности, неутомимая воля и необыкновенная работоспособность... Но почему же сын Пескова стал Голубинским? Вот что пишет об этом сам историк:

«Когда мне исполнилось семь лет, отец начал помышлять о том, чтобы отвести меня в училище (Солигаличское духовное. — А. Ш.). Первым вопросом для него при этом было: какую дать мне фамилию. В то время у духовенства фамилии еще не были обязательно наследственными. Отец носил такую фамилию, а сыну мог дать, какую хотел, другую, а если имел несколько сыновей, то каждому свою особую... Дедушка, отцов отец, прозывался Беляевым, а отцу, в честь какого-то своего хорошего знакомого, представлявшего из себя маленькую знаменитость, дал фамилию Пескова. Но отцу фамилия: Песков не нравилась (подозреваю, потому, что, учившись в училище и семинарии очень не бойко, он слышал от учителей комплимент, что у тебя-де, брат, голова набита песком), и он хотел дать мне новую фамилию, и именно — фамилию какого-нибудь знаменитого в духовном мире человека» (с. 3).

Евстигней Песков решил дать сыну фамилию известного философа-богослова Ф. А. Голубинского, который к тому же был и земляком, костромичом.

«Когда мы учились в последнем классе... — с характерным для него юмором продолжает рассказ Е. Е. Голубинский уже о времени пребывания в стенах духовного училища, — из семинарии (Костромской духовной, под надзором которой это училище находилось. — А. Ш.) пришло предписание отобрать у всех произвольно данные фамилии и дать им отцовские фамилии. Мы весьма сокрушались, и некоторые плакали. Один из

товарищей прозывался Сперанским, а отцу его была фамилия Овсов, и он очень плакал, не желая превращаться из Сперанского в Овсова. Но остается для меня совершенно неизвестным, почему мне фамилия не была переименована: в то время, как моего младшего брата Александра превратили из Голубинского в Пескова, меня оставили с громкой фамилией» (с. 4).

Поднявшись по всем трем ступеням дореволюционного православно-церковного обучения — духовное училище, духовная семинария (в Костроме), духовная академия (в Троице-Сергиевой лавре), Е. Е. Голубинский через год после окончания академии защитил магистерскую диссертацию. Задуманная еще в годы юности «История русской церкви» стала делом всей его жизни. В самом расцвете сил, лет тридцати пяти от роду, историк ослеп на один глаз и, по его словам, «в продолжение лет почти сорока... работал одним... глазом, и работал, говоря без хвастовства, достаточно усиленно... Думаю, — продолжал он, — что от продолжительной и довольно напряженной работы зрительная сила в глазу истощилась, и он, так сказать, потух... Надеюсь, всякий согласится, что не может постигнуть человека большее несчастье, чем потеря зрения. И это великое несчастье постигло меня» (с. 64). Роковой недуг не позволил ему довести многолетний труд до намеченного хронологического рубежа — учреждения святейшего синода в начале XVIII века.

Оставаясь богословом и религиозным человеком, Е. Е. Голубинский стал крупнейшим историком церкви, неизменно сохранявшим независимость суждений. Им двигали исследовательская честность, самобытный, пылкий, критически настроенный ум, строгая совесть ученого. Такая позиция не могла не навлечь на него нескрываяемо раздраженного (если не озлобленно-гневно-го) недовольства церковного начальства, в первую очередь — московского митрополита Филарета, и даже дать повод заподозрить историка чуть ли не в атеизме, что, на наш взгляд, было явным преувеличением.

«Встреченная с большим сочувствием в ученом мире и в читающей публике... и быстро раскупленная, критическая история Голубинского не понравилась в официальных сферах...», — сообщала «Православная богословская энциклопедия» (СПб., 1903, т. 4, с. 503). Печатать свой труд автору пришлось на собственные средства. А поскольку их не хватало, то при издании первого тома Голубинский вынужден был брать в долг деньги у настоятеля Никольского Перервинского монастыря (ныне — в границах Москвы, в ее южной части). При издании второго тома Голубинский столкнулся не только с денежными трудностями. Этим обстоятельствам и обязаны своим рождением автобиографические записки историка.

«Принимаюсь за эту автобиографию, из которой, не знаю, выйдет ли что и которая во всяком случае может быть не столько настоящей автобиографией, сколько непространной автобиографической запиской, в буквальном смысле от нечего делать, — писал историк. — Мне нужно было печатать приготовленные к печати мои творения, но цензура, у которой я емь весьма опальный человек, говорит мне, чтобы я подождал с печатанием своих творений...» (с. 1).

Достаточно прочесть несколько страниц «Истории русской церкви», чтобы понять причины «опалы», о которой упоминает Голубинский. «Вооруженный молотом критики, — писала «Православная богословская энциклопедия», — он (Е. Е. Голубинский. — А. Ш.) пересмотрел

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30. М., 1955, с. 429. Слово «безбожники» А. М. Горький, атеистические убеждения которого общеизвестны, заключил в кавычки, по всей вероятности, потому, что не считал его удачным

и перетрогал все здание своей науки и немало камней, даже лежащих в его фундаменте, разбил своим беспощадным молотом». Е. Е. Голубинский, продолжает автор статьи, «раскрывает много темных сторон в истории древнерусского монашества. Много загадочных фактов выяснено, свидетельств истолковано: огромные книги его истории наполнены подобными мелкими открытиями и представляют неисчерпаемый интерес для последующих работников» (т. 4, с. 505, 506—507). Знакомство с этими «огромными книгами» показывает, что открытия, которыми «наполнены» они, далеко не всегда мелки, но почти всегда разяще-критичны. Беспощадному критическому анализу подвергнута достоверность важнейшей в русском православном богословии легенды о странствиях в I веке апостола Андрея Первозванного от моря Черного до моря Балтийского и многих других преданий.

Если сановники и служители православной церкви встретили «Историю» Е. Е. Голубинского, по меньшей мере, с неодобрением, совсем иным было отношение к этому фундаментальному труду демократической и прогрессивной общественности. В этой связи в высшей степени примечательно одно из писем писателя Николая Семеновича Лескова, прочитавшего начальный том «Истории русской церкви» сразу же после выхода его в свет.

«Я читаю его (Е. Е. Голубинского. — А. Ш.) страстно... — сообщал он в апреле 1880 года С. Н. Шубин-

скому, беллетристу и историку, основателю и долголетнему бессменному редактору популярного журнала «Исторический вестник», в котором активно сотрудничал Лесков. — Он должен быть руган и переруган, но прав будет он, а не его судья. Он... должен пострадать за правду, — это в порядке вещей, но правда, и притом вдохновенная правда, исторического проникновения, с ним... Я ему написал, потому что я не спал четыре ночи, не будучи в силах оторваться от книги... О Голубинском вернее всех отзывался некто таким образом: «Он трепит (то есть треплет. — А. Ш.) исторические источники, как пономарь поповскую ризу, которую он убирает после служения». Сейчас ее еще целовали, сейчас чувствовали, как с ее «ометов»² каплет благодать, а он ее знай укладывает... Грубо это, но ведь он знает, что под нею не благодать, а просто крашенина с псыным запахом от попова пота. Но Голубинский, кажется, так и идет на это...»³.

Труды церковного историка Е. Е. Голубинского совершенно закономерно были высоко оценены русской исторической наукой: в 1903 году он был избран академиком Петербургской Академии наук.

² Омет — подол, полы, края одежды.

³ Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти томах, т. 10. М., 1958, с. 470—471.

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Е. Е. ГОЛУБИНСКИЙ

Записки Е. Е. Голубинского, давно ставшие библиографической редкостью, бесспорно, заслуживают переиздания. Рамки журнальной публикации позволяют нам познакомить читателей лишь с их небольшим фрагментом. В этой главе рассказывается об одном из самых известных церковных деятелей минувшего века — митрополите Московской Филарете (Дроздове)¹, официальном попечителе Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии.

Переходя к описанию моей службы в Академии, начну с речей о главном начальнике Академии, знаменитом митрополите Филарете. Роста был маленького (именно маленького, а не малого); из лица не был безобразен; но нельзя сказать, чтобы был и привлекателен — благообразен. Глаза у него были круглые, смотревшие как-то инквизиторски, как бы хотевшие проникнуть в того человека, на которого были обращены. Нос у него был, что называется башмаком, рот очень большой. Голос у него был глухой и несколько гнусавый. В старости своей, за время, в которое я знал его, он представ-

лял из себя жуденького человечка, у которого, как говорят, были только кости да кожа, причем должно быть подразумевалось, что в этих костях с костями, если не до самой смерти, то почти до самой смерти, обитал весьма бодрый дух.

Одевался он безукоризненно, причем намеренным образом не носил бархатных ряс, к которым имеют склонность архиереи, так как ряс эти при своей пышности имеют тот весьма важный недостаток, что скоро просиживаются и на седалищной части образуются большое белое пятно, делающее архиерея сзади смешным...

Держал он себя прекрасно: про него сплетничали, что позы и жесты он изучал перед зеркалом...

Бесспорно, что митр. Филарет одарен был весьма выдающимся, блестящим умом, частными отличительными особенностями которого были острота и тонкость. Если не многие, то некоторые называли и называют его гениальным человеком... Но если признавать гениальным такого челове-

ка, в груди которого, по греческим представлениям, сидел гений (откуда и название гениальный), который возбуждал в нем неудовольствие против недостатков современной действительности в той или другой области жизни и побуждал его к возможному устранению этих недостатков, то в этом смысле митр. Филарет вовсе и решительным образом не был гениальным человеком. Недостатки существующей действительности нисколько не возбуждали его против себя и нисколько не побуждали стремиться к их устранению, напротив несомненно, что всякого другого человека, который бы поднимал голос против этих недостатков и стремился к устранению их, он признавал бы за беспокойного агитатора, которого следует унимать, усмирять. Все заботы его в этом отношении заключались в том, что он старался закрывать недостатки существующей действительности от толпы. Московская консистория времени Филарета стояла, можно сказать, во главе всех консисторий в отношении

к взяткам и всяким мерзостям. Митр. Филарет, несомненно, очень хорошо знал это и никаких мер к обузданию консистории не предпринимал; напротив, обрушивался всем своим гневом на людей, вольным или невольным образом приподнимавших завесу этих мерзостей. Был такой случай. Один священник имел в консистории какое-то очень большое дело, по которому он часто ходил в нее с приношениями чиновникам, ведавшим это дело. Наконец, переносивши все, что мог, он пришел в консисторию без приношения, о чем и доложил чиновнику, ведавшему делом. Чиновник этот подошел к нему, взял его у груди за полы ряс, раскрыл грудь и, указывая на бывший у священника богатый вышитый широкий пояс, сказал: «потрудитесь снять его». Снятый пояс чиновники кому-то заложили, а деньги пропили. Когда этот случай огласился в Москве, то произвел необыкновеннейший соблазн. Митр. Филарет ничего не сделал за этот грабеж чиновникам, но призвал свя-

щенника и за то, что он не утаил этого случая, страшнейшим образом разругал его. Другой случай из монастырской жизни. В монастыре, находившемся в одном из уездных городов Московской губернии, послушник зарезал свою любовницу. Игумен монастыря поехал докладывать о деле митрополиту. Выслушав доклад, митрополит спросил игумена: «А знают ли о деле в городе?» Игумен в простоте души отвечал, что весьма знают и что просто звонят о нем в городе. Тогда митрополит во всю ночь отругал игумена за то, что он не сумел скрыть дела.

Митр. Филарет надежен был чрезвычайно властным и деспотичным нравом. Поэтому, как начальник своих подчиненных, он являлся грозным повелителем, пред которым они трепетали и поворачивались ниц. Священников и вообще причет-

ников, в чем-нибудь провинившихся пред ним, он страшным образом ругал. Один священник, человек очень хороший и заслуживавший полной веры, рассказывал мне, что раз он провинился в чем-то пред митрополитом. Митрополит вызвал его к себе, ужасно ругал его, а священник растаял перед ним в ноги. Досыта наругавшись, митрополит пнул его ногой в голову с словами: «вставай, мерзавец!»

...Как деспотический администратор он не избежал укоров с нравственной стороны и именно был укоряем в nepотизме² и в подчинении недолжному влиянию.

...Герцен в своем «Колоколе» укорял митр. Филарета за то, что он будто бы все лучшие священнические места в Москве занял своими родственниками. Насколько это правда, не могу сказать, но что митр. Фи-

ларет заботился о своих родственниках, обеспечивая их не деньгами, а местами или же и деньгами и местами, это не подлежит никакому сомнению. Под недолжным влиянием разумеется влияние знаменитой в свое время Анны Ксенофоновны. Анна Кс., вдова его брата, была женщина очень умная и с характером, и так как у нее жила мать Филарета, которой она умела отлично угождать, то по этой причине она имела на Филарета большое влияние. Говорили, что многие, искавшие хороших священнических мест в Москве, обращались к Анне Ксенофоновне с поклоном и с приложением поклонного. А она с своей стороны ходатайствовала пред митрополитом, причем, как говорили, главным аргументом в пользу лиц, за которых она ходатайствовала, служило то, что они-де были более или менее родственниками

митрополита Филарета. Так что будто бы Филарет не один раз спрашивал Анну Кс.: «Да сколько же у меня родственников, наконец?»

Филарет был человеком в высшей степени славолюбным и самолюбивым и как будто хотел заставить людей верить, что он единственный выдающийся человек в русской церкви...

К памятникам истории митр. Филарет относился варварски, с своей точки зрения оправдываясь в их истреблении тем, что они могли бы принести вред...

¹ Митрополиту Филарету было посвящено несколько публикаций в нашем журнале, в частности статья Ф. Никитиной «В белом клобуке и с жандармским аксельбантом» (1982, № 11, 12).

² Nepотизм (от лат. nepos — внук, племянник) — раздача римскими папами родственникам доходных должностей, высших церковных званий, земель.

«ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ»

Один из праздников русской православной церкви посвящен Алексею, человеку божьему. Хотелось бы узнать о нем поподробнее. Кто он был? Реальное ли лицо? За что канонизирован?

В. ТАРАБУКИН
д. ж. е. н. и. м.

Усть-Куломского района Коми АССР

■ Преподобный Алексей с давних времен вошел в круг наиболее популярных и особо почитаемых святых. Кто он? Обратимся к его житию в изложении архиепископа Филарета (Гумилевского), одного из крупнейших церковных писателей прошлого века, и по сей день высокоавторитетного в православии, а также к статье кандидата богословия П. Уржумцева, опубликованной в «Журнале Московской патриархии» (1958, № 3).

Будущий христианский подвижник, согласно его узаконенному церковью жизнеописанию, родился в середине IV века в семье богатых и знатных римлян, кончину его житие относит к 411 году.

Юный Алексей обвенчан был «с отроковицею из царского рода». Сразу же после «брачного веселия» он сбежал от жены в город Эдессу, в Месопотамию, где целых 17 лет нищенствовал на паперти местного храма — по выражению П. Уржумцева,

«принял странное, беспощадное решение». Отправившись затем в странствие, он, по воле морской стихии, снова попадает в Рим. «Действием промысла божия возвращенный на родину, — повествует архиепископ Филарет, — человек божий испросил себе при родительском доме малую хлевину и жил в ней, как бесприютный нищий, неизвестный родителям, питаясь Христа ради от стола их. Против хлевини его было окно палаты, в которой жила невеста его, оставшаяся в доме жениха своего и со своей свекровью часто плакавшая — одна о вдовстве своем, другая о лишении сына своего, и эти слезы видел и рыдания слышал человек божий.

Так при доме родительском он прожил еще 17 лет, никем не узнанный, но как нищий и бесприютный странник».

«Каждый день, — читаем мы в статье П. Уржумцева, — Алексей встречает и невесту-завидицу, которая... все еще хранит память о своем женихе-муже, покинувшем ее в первую брачную ночь».

Так 17 лет, изо дня в день, и созерцал будущий святой слезы двух самых близких, дорогих женщин. Читатель легко найдет слова, которыми уместнее всего назвать такой поступок. А вот Жития святых именуют его «отрешением от мирских благ и соблазнов», «обузданием греховной плоти», «боголюбивым самоубиением» и т. д.

Но как ни назови эти действия преподобного Алексея, желанного почитания

его вряд ли добьешься. Почему же тогда многие верующие и сегодня благоговейно слушают в церквях песнопения и проповеди во славу Алексея? Дело в том, что с очень давних времен фактически почитали не того святого, которого рисует нам официальное его житие, а, по существу, совсем иного Алексея, скорее похожего на доброго персонажа из народных сказок.

Как и многие иные святые, Алексей, человек божий, в течение веков претерпел в представлении рядовых верующих существенные изменения: произошла гуманизация и поэтизация его образа. Вот, например, каким почитали его жители того обширного лесного края, откуда в редакцию пришло это письмо. С малых лет Алексей трудился бедным и нищим прямо с телеги раздавал он всевозможные товары. Строил для ночлега путешественников избушки на волоках — в местах наибольшего сближения рек, где наши далекие предки перетаскивали суда посуху.

Так представлялся он жителям коми, а жители Средиземноморья, «пересочинили», «переделали» святого Алексея на свой лад — подобно тому, как «пересочинили», «переделали» Николая-чудотворца, Косму и Дамиана и многих-многих других православных святых. В таких «новых» редакциях христианские праведники и утверждались в сознании верующих людей, вызывая у них любовь и симпатию.

А. ВОЛЖАНИН

«ПРИОРИТЕТ — ЕДИНСТВУ ДЕЙСТВИЙ...»

Ульрих КРУМ

Перед лицом нависшей над миром ядерной катастрофы теснее сплываются в широком антимилитаристском, антивоенном движении все честные люди нашей планеты, невзирая на различия в мировоззренческих, социальных ориентирах. Единым фронтом выступают здесь и атеисты и верующие. Мы публикуем интервью нашего корреспондента с пастором Ульрихом Крумом — одним из руководителей евангелической общины имени Мартина Лютера Кинга в Западном Берлине.

— Господин Крум, почему ваша община названа именем Мартина Лютера Кинга?

— О, это фактор программного значения. Она была так названа непосредственно после его убийства. И идеалы, за которые боролся этот мужественный человек, определили основные направления деятельности нашей общины. Она не ограничивается традиционными церковными рамками, и мы стремимся претворять в жизнь принципы христианства как в социальной, так и в политической области. Мартин Лютер Кинг в этом плане служит для нас примером, ибо был не только проповедником слова божьего, но и открыто выступал против расизма, нарушения гражданских прав своих черных сограждан, а также против экономической дискриминации широких кругов американского народа. Его позиция по отношению к агрессии США во Вьетнаме — образец для нас, как и его предостережения против гонки вооружений и ядерного оружия.

Когда мы во время богослужений рассказываем об Иисусе, то всегда напоминаем: он учил, что все люди равны перед богом. Отсюда следует, что расизм и эксплуатация есть грех, как и угрожающая жизни гонка вооружений, которая убивает уже в мирное время, когда люди погибают от голода и болезней. А ведь их жизнь можно было бы спасти ценою средств и ресурсов, расточаемых на вооружения. Мы говорим об этом вскоду — и на богослужениях, и на занятиях с молодежью, и в наших детских садах, и вообще в тех многочисленных случаях, когда имеем дело с детьми и подростками. Естественно, мы обсуждаем при этом и чисто церковные темы. Для нас очень важно, чтобы традиционная и общественная тематика дополняли друг друга. Более того, мы пытаемся — всякий раз по-новому — объяснить одно посредством другого. Оба эти аспекта рассматриваем как два проявления божьей воли, а не как различные по своему содержанию теологические позиции.

Имя Мартина Лютера Кинга, которое носит наша община, обязывает видеть не только самих себя и свои личные заботы, но и заботы всего мира. Мы принимаем много гостей из других церквей, состоим в переписке с людьми во многих странах и бываем с нашими группами в других государствах.

В частности, мы поддерживаем двусторонние дружеские связи с движением за гражданские права в США, с негритянской лютеранской общиной-побратимом в Соуэто (ЮАР), проповедники которой приезжают к нам

в Западный Берлин. Наши молодежные группы посещают мемориалы, созданные на месте бывших гитлеровских концлагерей в ФРГ, ГДР и Польше в память о жертвах фашизма. Группы наших прихожан по приглашению французских христиан совершают поездки по памятным местам Сопротивления, не раз бывали в СССР.

— Каковы формы миротворческой деятельности вашей общины?

— Мне кажется, эту деятельность с полным правом можно назвать работой на благо мира. Когда люди учатся видеть дальше интересов своего узкого круга и с уважением относиться к тем, кто живет в условиях другого общественного строя, имеет другое мировоззрение или религию, наконец просто говорит на другом языке, — это и есть в широком смысле работа на благо мира. Мы выработали и собственные формы такой работы.

Наши прихожане участвуют в различных антивоенных демонстрациях, например в акциях протеста против размещения американских ракет средней дальности на территории Федеративной Республики Германии, устраивают выставки и митинги во время «кирхентагов». Так называются встречи, в которых каждые два года принимает участие более 100 тысяч человек — в основном молодежь, но также и представители партий, общественных организаций и даже военнослужащие бундесвера.

В нашей общине имеется рабочий кружок членов Христианской мирной конференции (ХМК), который вот уже много лет регулярно проводит различные мероприятия, готовит информационные материалы для антивоенных выставок, устраивает специальные богослужения в защиту мира, руководит юношескими антивоенными группами и т. д. Благодаря активной деятельности этого кружка выборный совет общины уже дважды принимал участие в международных конгрессах ХМК — в Праге (1983) и Будапеште (1986). Это способствовало тому, что наши руководители стали придавать первостепенное значение миротворческой деятельности, а также защищать активистов антивоенного движения от враждебных нападок. В результате такой поддержки, например, нам удалось создать в Нойкёльне (один из 12 районов Западного Берлина) антивоенное объединение под названием «Мирная инициатива», куда вошли социал-демократы, коммунисты, «зеленые», а также женские, профсоюзные и юношеские группы, представители различных христианских кругов — всего более 30 организаций. Эта работа включает в себя и проведение регулярных информационных встреч, участие в опросах общественного мнения по проблемам разоружения, установление двусторонних тесных отношений с миротворческими организациями разных стран при содействии Всемирного Совета Мира и т. д.

Участникам антивоенного движения в Западном Берлине — если, конечно, всерьез заниматься миротворческой деятельностью — нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в последние десятилетия здесь особенно заметно проявляются антикоммунистические и антисоветские тенденции. Мне представляется, что борьба за их преодоление тоже отвечает духу заветов Мартина Лютера Кинга. Поэтому мы поддерживаем деятельность Общества германо-советской дружбы в Западном Берлине. Всякий раз, когда оно проводит здесь Дни СССР, на которые приезжают ваши народные ансамбли, ученые, представители общественных организаций, а с недавнего времени — и духовные лица, наша община устраивает специальные богослужения, выступления фольклорных групп, уличные шествия. В ответ

ОТ ДИАЛОГА К СОТРУД- НИЧЕСТВУ

Л. МИТРОХИН,
доктор философских наук

В интервью Ульрих Крум конкретно описывает деятельность лютеранской общины в Западном Берлине. Такие публикации (к ним относятся и беседа с Хоакином Гарсия Санчесом¹) дают возможность зримо представить себе повседневную жизнь различных религиозных объединений, миротворческая деятельность которых весьма далека от нас по мировоззренческим ориентирам, но вызывает сочувствие и поддержку. Число таких организаций постоянно растет, и это еще одно подтверждение того, что ныне в широких международных кругах идет интенсивный процесс формирования нового политического мышления.

Ныне основные христианские церкви Запада, как правило, не только поддерживают антивоенные движения, но и активно участвуют в них, осуждая накопление ядерного оружия, размещение ракет в Западной Европе, программу «звездных войн» и т. п. Речь идет не только о традиционных папифистских течениях (квекеры, меннониты и т. п.), но и о тех, которые веками считали возможным поддерживать войну как способ решения межгосударственных конфликтов. Возник новый, так называемый «ядерный» пацифизм, охвативший многие миллионы верую-

советские гости всегда приглашают нас посетить свою страну, и наши группы уже не раз пользовались этими приглашениями.

— Какие контакты на основе общих задач борьбы за мир поддерживает наша община с различными, в том числе религиозными, организациями в Советском Союзе?

— Я уже говорил об Обществе германо-советской дружбы. Кроме того, мы развиваем контакт с Комитетом советских женщин: наши прихожанки хотят больше знать об их жизни и заботах. Представительницы этого комитета также побывали в гостях у нас в Западном Берлине. Мы поддерживаем связи и с Советским комитетом защиты мира.

Разумеется, во время поездок в СССР мы всякий раз посещаем и церкви. Этому способствует, кстати, и наше общее участие в работе ХМК. Так, по приглашению Русской православной церкви мы не раз бывали в храмах Москвы, Загорска, Ленинграда, Волгограда, Ростова-на-Дону, Сибири. По предложению Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов мы проводили совместные богослужения в молитвенных домах Москвы, Новосибирска и Средней Азии. Бывали и в лютеранских церквях Латвии и Эстонии. И, конечно же, во время наших контактов с представителями религиозных организаций вашей страны в центре внимания всегда стояла проблема защиты мира.

— А что вы скажете о встрече руководителей СССР и США в Рейкьявике?

— Множество людей во всем мире страдает от гонки вооружений. Можно даже сказать, что от нее страдают все. Кроме того, все больше и больше сознательных людей видит в ней главное зло нашего времени, первопричину многих очень серьезных проблем, стоящих сегодня перед человечеством. Поэтому следует приветствовать любые предложения по ограничению или полному прекращению гонки вооружений. Во всяком случае такие предложения являются первой предпосылкой решения этой проблемы. Другая предпосылка — готовность всех заинтересованных сторон к переговорам. Вот почему люди связывали свои надежды со встречами в Женеве и Рейкьявике, и миролюбивое человечество надеется на успешное продолжение этих переговоров в будущем, на достижение все более и более конкретных договоренностей и соглашений. Когда же настаивают на проведении исследований по милитаризации космического пространства, то каждому здравомыслящему человеку понятно, что это вообще серьезно ставит под вопрос весь процесс сокращения вооружений. Нам бы хотелось верить, что в конце концов разум одержит верх над политикой силы и человечество вступит в третье тысячелетие, навсегда избавившись от ядерного оружия.

щих и уже оказывающий заметное воздействие на политику правительств. Даже католическая церковь, в свое время разработавшая и активно использовавшая концепцию «священной» войны, все решительнее и конкретнее осуждает гонку вооружений и применение оружия массового уничтожения.

Но это лишь одна сторона общей картины. Другая — в том, что многие

проповедники все бесцеремоннее спекулируют на опасности ядерной катастрофы, запугивают близким «концом света» тех, кто не идет за ними. Здесь усердствуют не только лидеры «нетрадиционных религий» и разного рода эсхатологических сект, но и последователи вполне уважаемого фундаментализма, которые нередко прямо связывают библейские «пророчества» с ядерной войной,

утверждая, что наше поколение — последнее из живущих на Земле. Часто подобные проповеди не ограничиваются общими рассуждениями, а целенаправленно освящают конкретные милитаристские, агрессивные программы, самый оголтелый антикоммунизм, обличают антивоенное движение как «происки Сатаны». Примером может служить Дж. Фолуэлл, о котором рассказывалось в журнале². Да и вообще можно указать на множество фактов, когда и ныне разбойнические войны, массовые убийства, терроризм, насилие подкрепляются апелляциями к религии, например к исламу или иудаизму.

Одна из особенностей формирования современных религиозных представлений состоит в том, что, в конечном счете, они возникают как массовое сознание, отражающее объективные общественные противоречия, то есть формируются «снизу», а поэтому обладают определенной независимостью от официальных церковных доктрин и могут выражать социальные ориентации, не одинаковые и даже противоположные по своей классовой природе.

Данная особенность, пожалуй, главная при рассмотрении религиозных движений, порывающих с официальной, казенной идеологией. Так что рассказ о них не просто расширяет наше знание форм современной религии, но и помогает глубже, теоретически достовернее понять ее суть, специфику связей с политической. Поэтому поучительно именно с этой точки зрения взглянуть на общину У. Крума и сопоставить ее деятельность с такими религиозными явлениями, как движение Мартина Лютера Кинга и «теология освобождения», представленная в интервью Хоакина Гарсия Санчеса.

¹ См. «Наука и религия», 1986, № 7.

² См., напр.,: 1985, № 11, с. 54—55; 1986, № 6, с. 17. (Прим. ред.)

Социальная ориентация низовых общин, ставших своеобразным ферментом образования «теологии освобождения» в ее наиболее радикальной форме, ярко выразилась во взглядах выдающегося религиозного и общественного деятеля Колумбии Камило Торреса (1929—1966). «Я революционер», — говорил он, — как колумбиец, социолог, христианин и священник. Как колумбиец, ибо не могу стоять в стороне от борьбы своего народа. Как социолог, ибо я благодарю научному анализу действительности пришел к выводу, что технические и действенные решения не достигаются без революции. Как христианин, ибо суть христианства — любовь к ближнему, и только путем революции можно достичь благополучия для большинства. Как священник, ибо посвящение ближнему, требуемое революцией, это отличительная черта братского милосердия»³.

У Камило Торреса слова не расходились с делом: он ушел к партизанам и погиб в сражении с правительственными войсками. Его взгляды оказали решающее воздействие на «мятежных» пастырей.

Как стимул к борьбе за социальную справедливость рассматривал христианство и баптистский проповедник Мартин Лютер Кинг (1929—1968). Однако главным для него была ликвидация расизма, а поэтому суть предлагаемой им программы была иной. «Я вырос», — писал Кинг, — ужасаясь не только сегрегации, но и насильственным и варварским действиям, которые из нее вытекают, я прошел через места, где зверски линчевали негров, я видел ночные рейды ку-клукс-клана. Собственными глазами я видел жестокость полицейских и наблюдал в высшей мере трагическую несправедливость судов к неграм». И черные американцы уже не могут полагаться на благородство власть имущих, на молитвы и призывы. «По горькому опыту мы

— Какой вклад в реализацию этой перспективы намеревается внести ваша община?

— Движение сторонников мира в Федеративной Республике Германии и Западном Берлине не располагает никакой политической властью. Те же силы, в чьих руках она сосредоточена, пытаются его ослабить, отеснить или нейтрализовать. А если учесть, что они еще контролируют и средства массовой информации, то всякому становится ясно: наше положение не из легких. Да, мы можем устраивать демонстрации, выставки, как-то привлекать внимание общественности к тем или иным проблемам и событиям. Однако, по моему разумению, наше движение гораздо заметнее воздействует на политику не столько этими формами своей деятельности, сколько дискуссиями по проблемам мира и разоружения. Я понимаю под ними не только массовые мероприятия, но и информации, политические диспуты, профсоюзные встречи, богослужения, наконец — даже обычные семейные торжества.

Что же касается избирательных кампаний в ФРГ и Западном Берлине, то в центре их внимания пока что стояли и продолжают стоять проблемы безработицы и перспектив экономики в целом, которые большинству западных немцев все еще представляются более существенными, чем защита мира и разоружение. Поэтому мы стараемся более активно и энергично доводить до сознания сограждан, во что обходится гонка вооружений, которая вовсе не создает новые рабочие места, как думают многие, а, наоборот, ставит под угрозу равномерное экономическое развитие и, значит, в конечном счете «съедает» рабочие места в других мирных отраслях, главным образом в социальной сфере. И отсюда делаем вывод: проблему безработицы нельзя отделять от проблемы разоружения.

Доводя до сознания широких масс эту истину, движение сторонников мира, на мой взгляд, как раз и будет способствовать тому, чтобы западные руководители под давлением своих народов проявили большую готовность к переговорам и тем самым — к достижению договоренностей о разоружении.

— Ваше мнение о возможности сотрудничества марксистов и верующих?

— В вопросах защиты мира без этого сотрудничества не обойтись. История предостерегает от повторения прежних ошибок. «Когда нацисты хватали коммунистов», — говорил Мартин Нимёллер*, — я молчал, потому что не был коммунистом. Когда они хватали евреев, я молчал, потому что не был евреем. Когда они хватали социал-демократов, я молчал, потому что не был социал-

* Немецкий евангелический пастор-антифашист, общественный деятель ФРГ, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», член Президиума Всемирного Совета Мира. (П р и м. р е б.)

знаем, что угнетатели никогда добровольно не предоставят свободу угнетенным, — ее нужно потребовать». Отсюда его главный лозунг: «Свобода немедленно!».

Выдвигая требование «не ждать, а действовать», Кинг апеллировал прежде всего к «заветам Христа» к «силе любви», возведенной христианством, — но никак не церковным, поскольку оно глухо к насущным нуждам людей.

«В мире, сошедшем с ума в гонке вооружений, шовинистических страстях и империалистической эксплуатации, церковь или одобряет эти поступки, или остается плачевно молчаливой». Особенно же «позорен тот факт», продолжал он, что «церковь является наиболее сегрегированным из основных институтов американского общества».

Поэтому он интерпретирует христианство в

соответствии со своими социальными требованиями. Так вера истолковывается не просто как способ спасения персональной души, но побудительный мотив к решению острых социальных проблем, грех — как система расизма и эксплуатации, человек — не как неисправимый грешник, но «соратник» бога в воплощении подлинной любви в реальных отношениях людей. И нет сомнения в том, что именно такое учение оказалось наиболее понятным и привлекательным для широких масс, оно сценентировало, придало дополнительную энергию их выступлениям.

Вместе с тем следует видеть, что его программа в принципе не выходила за рамки либерально-буржуазного реформизма. Единственно приемлемой он считал тактику «прямых ненасильственных действий», призванных «так драматизировать события, чтобы их было уже невозможно игнорировать». Борцы против расизма не ограничивались петициями и запросами, они устраивали марши, бойкоты, создавали напряженные, кризисные ситуации, но насилием на насилие не отвечали. Это, строго говоря, развитие в новых условиях метода Махатмы Ганди.

Несколько иначе социальный долг верующих рассматривается в общине У. Крума. Она действительно не случайно носит имя Мартина Л. Кинга, разделяя его понимание роли христианства в обществе. Однако лютеране не копируют механически методы американского борца против расизма. В частности (и эта мысль отчетливо выражена в интервью), они уделяют особое внимание не организации массовых действий протеста, а разъяснительной, воспитательной работе. Кроме того, основной упор делается на

Цит. по: Григулевич И. Р. «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М., 1972, с. 151—152

борьбу против угрозы ядерной войны, на выявление связи гонки вооружений с бедственным положением людей. И такая специфика вполне объяснима, если учесть условия, в которых действует община, в том числе и возрастание опасности ядерной катастрофы.

Интересно, что У. Крум упомянул, хотя и вскользь, весьма примечательный факт: община поддерживает контакты с движением за гражданские права в США и с негритянской лютеранской общиной-побратимом в Соуэто. Стоит ли напоминать, что Соуэто — специфический эпицентр революционных выступлений негров против апартеида.

По сравнению со взглядами Мартина Л. Kinga у У. Крума имеется и другой существенный акцент: он четко указывает на необходимость сотрудничества марксистов и христиан, утверждая это, пожалуя, с предельной для пастора категоричностью: «Если бы Иисуса спросили... то он одобрил бы наше сотрудничество с марксистами», — и поясняя далее его характер и цели. На них следует кратко остановиться, поскольку речь идет о явлении весьма симптоматичном для современности.

Около четверти века назад отчетливо проявилось стремление найти некоторые общие ценности и социальные ориентиры, которые сделали бы возможным участие марксистов и христиан в совместных акциях. Символом такого поиска стала крылатая фраза: «От анафемы — к диалогу». Уже в те годы марксисты и христиане активно участвовали в движении за мир, но сам диалог понимался скорее как встреча профессиональных идеологов.

Радикальные сдвиги, произошедшие в мире за минувшие десятилетия, однако, придали диалогу существенно новое содержание и смысл. Он утрачивал свой элитарно-«академический» статус, взаимоотношения марксистов и верующих все

демократом. А когда они схватили меня, то уже не было никого, кто бы крикнул: «Да что же вы делаете!»

Ядерное оружие угрожает всему живому на Земле, и христианам нет никакого смысла отставать лишь свой, христианский мир. Если хочешь жить в мире со всеми, то надо и сотрудничать со всеми, кто тоже хочет мира. Переговоры на высшем уровне, кроме всего прочего, свидетельствуют о том, что о подлинном мире на Земле надо говорить даже с теми, чья готовность и стремление к нему в глазах многих выглядят весьма сомнительными. Но к миру нельзя принудить. Весь опыт истории учит, что мирные договоры, навязанные силой, стоят не больше той бумаги, на которой они написаны. Мир — не кладбищенский покой. Истинное, стабильное мирное урегулирование возможно лишь тогда, когда оно справедливо по отношению ко всем сторонам, если все они согласны с условиями этого мира. Вот почему миротворческая деятельность имеет шансы на успех лишь в том случае, если она с самого начала исходит из предпосылки, что сотрудничество различных сил будет осуществляться в такой форме, которая исключала бы любое принуждение какой-либо из сторон поступиться своими принципами. Опыт движения сторонников мира показывает, что при всех различных мировоззрениях и политических целях его участников всегда можно договориться о некоторых общих приоритетах, например о борьбе против размещения в Европе американских ракет. Под этим лозунгом, кстати, провели ряд совместных выступлений почти все миролюбивые силы. Их волновали судьбы мира, а не то, кто среди них верит или не верит в бога, не говоря уже о многих других расхождениях между ними и несмотря на то, что не было недостатка в попытках расколоть по идеологическому признаку противников размещения «першингов» в Европе.

И тут снова позволю себе сослаться на М. Нимёллера. «Что бы на это сказал Иисус?» — спрашивал он самого себя, когда ему предстояло принимать столь важное решение, и отвечал: «Иисус прославил себя не тем, что вел философские или богословские дебаты, а тем, что врачевал конкретную боль и страдания конкретных людей своей божественной любовью».

Ну а разве существует на свете еще какое-либо дело, более достойное твориться божьим именем, чем дело сохранения и упрочения мира? И тогда — ради бога — давайте вести это дело не к дальнейшему обострению споров о судьбах мира, а — ради бога и людей — к гораздо более сплоченным действиям на благо мира на земле. Надо добиваться, чтобы такие усилия приводили к конкретным, осязаемым результатам, а не к разделяющей людей несговорчивости. К сожалению, человек всегда был склонен к ней. Насколько же подобная несговорчивость не свойственна богу, который послал на крест своего сына во искупление грехов погрязших в расприх людей!

органичнее включались в живую ткань исторического действия, осознавались как непереносимое условие решения безотлагательных проблем века. Смысл этого этапа можно выразить так: «от диалога — к практическому сотрудничеству».

Данный процесс исторически глубоко закономерен. Обостренное внимание духовенства и верующих к решению насущных общечеловече-

ских проблем создает реальную почву для налаживания их делового и продуктивного сотрудничества с марксистами, что находит у последних глубокое понимание. Эта тенденция отчетливо проявляется, например, в странах Латинской Америки.

В своей книге «Христос и/или Маркс? Коммунисты и религия» член ЦК Коммунистической партии Аргентины Хуан Росалес

пишет: «Маркс и Христос встречаются в Никарагуа, в Сальвадоре и Гватемале, в Чили и Аргентине, в любом месте, где христиане и марксисты, взаимно уважая друг друга, понимают, что должны действовать в единстве и вместе с другими демократическими силами, чтобы спасти мир и обеспечить будущее».

Но здесь возникает масса серьезных проблем, требующих обстоятельного рассмотрения. Скажем о них бегло — лишь в той мере, в какой они затрагиваются в рассуждениях У. Крума.

Уже на первых порах выявилось стремление церковных иерархов рассматривать диалог как одну из форм «евангельской миссии», то есть распространения религиозного учения и «обращения» неверующих. «Единственной целью христиан в диалоге с заклятыми врагами христианства должно быть их окончательное обращение», — писал англиканский автор. Естественно, такая установка в корне неприемлема для марксистов. В равной мере цель диалога не может сводиться к атеистическому перевоспитанию верующих. Но каким же может быть «позитивный результат», без которого диалог — занятие заведомо бесполезное? Ответ кажется несложным: главное — поиски взаимоприемлемых позиций, способствующих совместному решению неотложных проблем, вставших перед человечеством. Но тогда следует спросить: значит ли это, что глубокие философско-мировоззренческие различия между марксизмом и христианством не важны и принимать их в расчет не следует — лишь бы они «не мешали» сугубо практическим делам? Но такой подход, по меньшей мере, нереалистичен. Так что неизбежен вопрос: имеются ли какое-либо содержательное «пространство», «точки встречи» между марксизмом и христианством, которые дают возможность вы-

явить взаимоприемлемую систему мотивов и стимулов совместной практической деятельности, систему, не покушающуюся на изначальные принципы двух столь различных учений?

На такой вопрос следует ответить положительно.

Во-первых, можно сослаться на многочисленные исторические примеры, когда последователи христианства (а то и одного и того же течения) выступали с различными и даже несовместимыми социально — классовыми программами. Объясняется это тем, что религия допускает определенный «люфт» в истолковании полнотического смысла своих традиционных догматов и символов, не нарушающий признания их в качестве «высших», божественных истин. При чем раньше речь шла обычно о довольно локальных, узкоклассовых или межгосударственных конфликтах. Естественно, что сейчас, когда на повестке дня стоят вопросы о жизни и смерти человечества, вполне возможны стали интерпретации, которые, никак не ставя под сомнение верность человека христианству, могут служить для него стимулом практического решения таких вопросов. Немало современных теологов разделяют этот взгляд (некоторых мы упоминали выше). Да и рассуждения западноберлинского пастора — наглядная тому иллюстрация. Что же касается марксистов, они всегда стояли за деловой союз с подлинно демократическими силами в борьбе против реакции и социального зла, подчеркивая несомненный приоритет общечеловеческих ценностей перед классовыми интересами.

К тому же выводу приходим, проанализировав сам механизм политической ориентации религиозных объединений. Поскольку условием диалога является признание приоритета практических «земных» проблем, то его непосредственный предмет —

Но деятельность в защиту мира теперь уже перестала быть монополией христиан, точно так же, как и любовь к ближнему. Нередко другие делают это лучше нас, хотя и руководствуясь иными принципами. Мы могли бы и впредь сообщать продвигаться в том же направлении — без ущерба для каждой из сторон, всем на пользу.

Я не сомневаюсь: если бы Иисуса спросили, что он думает об этом, то он бы одобрил наше сотрудничество с марксистами.

Как вы уже, наверное, заметили, я сейчас говорил как христианин с христианами.

И еще: в наших миротворческих кругах нередко высказывается мнение, что у христиан и марксистов есть точки соприкосновения в представлениях о конечных целях их учений. На чем же основаны такие утверждения?

Перечисляя в первых стихах своей знаменитой Нагорной проповеди тех, кто блажен, Иисус определил позитивные принципы человеческого поведения. При этом он выдвинул и два таких положения: «Блаженны алчущие и жаждущие правды...» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 6) и «Блаженны миротворцы...» (там же, ст. 9). Тем самым господь наш, в сущности, сформулировал две важнейшие цели своего учения: «Жажда справедливости» и «Установление вечного мира». Всякому понятно, что мир без справедливости — это не мир, равно как и справедливость без мира не может существовать сколько-нибудь долго. Оба эти понятия неотделимы от понятия человеческого счастья и вовсе не являются типично религиозными. Достаточно сослаться на Манифест Коммунистической партии (1848) и на ленинский Декрет о мире (1917), где они выступают в качестве программных установок.

Разумеется, попытки «окрестить» марксизм или объявить христианство одним из его предшественников способны лишь повредить совместным выступлениям в защиту мира. Лично я полагаю, что стремиться к установлению идейного «единства» такого рода было бы сомнительно и опрометчиво. Тем более что в церковных кругах имеется много людей, которые не только не готовы к признанию «единства» конечных целей обоих учений, но, наоборот, ставят во главу угла то, что их разделяет. У марксистов тоже есть достаточно веские возражения против идеологического компромисса в любой форме. Взаимно уважительную дискуссию по этим вопросам можно вести лишь тогда, когда она не будет наносить ущерб совместным действиям в защиту мира. Но так как эти дискуссии — уже в силу остроты самого предмета обсуждения — могут внести раскол в движение сторонников мира, проводить их следует с величайшей осторожностью и лишь при том условии, если оппоненты ни на секунду не будут забывать об абсолютном приоритете единства действий перед мировоззренческими и политическими расхождениями.

не «вечные» философско-мировоззренческие проблемы как таковые, а поиски причин и путей решения насущных общечеловеческих проблем. Здесь, разумеется, неизбежны споры, выходящие за рамки рассмотрения тех или иных общественных явлений, поскольку их объяснение связано с доктринальными принципами. Однако отмеченная выше политическая неоднозначность религии

дает возможность найти взаимоприемлемые позиции. Скажем, каждый христианин считает своим долгом борьбу против «греха». Но одно дело, когда грех понимается как изначальное состояние индивидуальной души, другое — как социальная несправедливость.

Иными словами, проблема здесь не в том, выступать «за» или «против» веры в бога. Главное — отыскать такое тол-

кование христианских догматов, которое способствовало бы осуществлению общечеловеческих гуманистических идеалов. И если участники диалога искренне разделяют такую заботу (У. Крум с полным правом подчеркивает этот момент), то они смогут найти взаимоприемлемые социальные ориентации и пути их осуществления. Суть диалога тогда можно определить следующим образом: выяснить, в какой мере (и как) марксизм и христианство способны указать наиболее эффективные пути. Если же напомнить мысль Маркса о том, что религия выражает реальные человеческие интересы «окольным путем», в особой «превращенной» форме, то можно сказать конкретнее: дело сводится к расшифровке, раскодированию «земного» содержания христианских идей и символов, выступившего в иллюзорной форме. И, скажем, в случае с Фолуэллом можно показать: речь у него идет вовсе не о защите религии и неотъемлемой для нее вере в бога, а о заведомом подлоге, когда в ранг вечных «божественных» истин возводятся своекорыстные интересы реакционных милитаристских сил, освящаются программы, грозящие человечеству самоубийством.

Как можно видеть, мы в принципе разделяем размышления У. Крума по данной проблеме. Речь не может идти об утрате принципиальной, диалектико-материалистической оценки ненаучной сути религии. Однако будущее человечества во многом зависит от того, насколько энергично люди, как верующие, так и неверующие, смогут реально расшеять шовинистический и милитаристский угар, на деле доказать свою преданность идеям мира и справедливости. В этом и состоит глубоко гуманистический характер диалога, о некоторых плодотворных формах которого нам поведал западноберлинский пастор.

Прикрываясь ИМЕНЕМ БОГА

Н. ТРОФИМЧУК,
кандидат философских наук

«Науку и религию» выписываю вот уже 2 года. Читаю от корки до корки, хотя понимаю не все, особенно в «Философских чтениях».

Проблемами религии и атеизма я заинтересовался, когда мы купили приемник. Какая связь? Дело в том, что в первый же день, как только я стал настраивать транзистор, наткнулся на христианскую радиостанцию с Марианских островов. Прием был первоклассный. Потом поймал другие религиозные радиостанции, их передачи мало отличаются от первой. К вере в бога они меня не склонили. Но ведь кому-то они нужны? Не могли бы вы ответить: кто и зачем организует такие передачи? Они, думается, стоят немалых денег.

Олег УСКОВ,
студент
г. Красноярск

Вы правы, Олег, международная радиопропаганда требует немалых затрат. И если сегодня в хоре западных радиоголосов все громче звучит религиозная тема, то, значит, это кому-то очень необходимо. Кому и зачем? Если верить организаторам таких передач, то нет у них иной заботы, как удовлетворять религиозные потребности верующих граждан нашей страны и помогать неверующим знакомиться с религией. Что ж, давайте разберемся.

НА ВАТИКАНСКОЙ ВОЛНЕ

Наиболее заметен сегодня голос «Радио Ватикана». Оно выпускает в эфир более 70 программ на 33 языках, в том числе на 16 — народов Восточной Европы. Передачи ведутся на русском, украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках. В 1980 году после посещения радиостанции Иоанном Павлом II их продолжительность удвоилась.

Надо сказать, католицизм, пожалуй, единственная конфессия, выдвинувшая собственное учение о массовой коммуникации — «теологию социальной связи» и располагающая мощным религиозно-пропагандистским аппаратом. Национальные католические организации журналистов объединены в Международный католический союз печати — ЮСИП и Международную католическую ассоциацию радиовещания и телевидения «Унда» («Волна»). Хотя папская инструкция «Коммунио эт прогрессо» (1971) объявила средства социальной связи «даром божьим», на конференции «Бог и газета» (1980, Лувэн, Бельгия) подчеркивалось, что религиозная информация требует «таких же журналистских методов, как и другие виды информации».

Растущее внимание Ватикана к средствам массовой коммуникации, казалось бы, легко объясняется стремлением укрепить, расширить общение с верующими. Но только ли в этом дело? Выступая на приеме участников международного симпозиума «Церковь и мир экономики. Совместная ответственность за будущее мировой экономики», организованного Папским Урбанианским университетом (ноябрь 1985 г.), Иоанн Павел II заявил: социально-политические, экономические и идеологические противоречия могут быть преодолены только посредством «евангелизации» всех народов, что же касается исламского мира, то и через «нехристианскую практику можно приблизиться к духу Евангелия». Католицизм призван стать моральным авторитетом, верховной инстанцией, фактически контролирующей деятельность государств, партий, профсоюзов, всю общественную жизнь. Таким образом, евангелизация рассматривается «святым престолом» не только как проповедь вероучения и религиозной морали, но и как возможность расширить свое влияние в социально-политической сфере, завоевать господствующее положение в обществе. Не потому ли Ватикан так заботливо укрепляет систему своей внешнеполитической радиопропаганды, что она лучше всего позволяет проводить в жизнь концепцию католического неоглобализма, фактически копируя суверенитет народов, вмешиваясь в их внутренние дела под видом религиозной проповеди.

Особое внимание, как уже отмечалось, «Радио Ватикана» уделяет социалистическим странам. Еще в 1981 году на заседании Европейского союза радиовещания оно обязалось снабжать все буржуазно-клерикальные пропагандистские центры специальными программами, рассчитанными на эту аудиторию. В свою очередь, «Радио Ватикана» получает информацию от эмигрантских антисоветских организаций. Существует особое соглашение между вашингтонским «Радиообществом имени святых архангелов» (есть, оказывается, и такое!), «Радио Ватикана», «Голосом Америки», Би-би-си, «Радио Свобода» и парижским «Голосом православия» о том, чтобы они предоставляли этому «голосу» вешательное время.

Послушать «Радио Ватикана» — так больше всего его беспокоит «нравственный кризис» в СССР: «...Нарушение моральных норм в Советском Союзе ужасающее». Причина? Конечно же атеизм. Из-за него, оказывается, человек утрачивает смысл жизни, духовные ценности. «Атеистическая мораль алкогольна». Ну, и спасение, разумеется, лишь в религии: «Вера может стать надежным заслоном пьянству». Вряд ли авторы этих слов не знают, как обстоит дело с нравственным здоровьем итальянского или, скажем, американского общества, где религия занимает господствующее положение, а атеизм практически находится вне закона. Знают они и о мерах борьбы с алкоголизмом, принимаемых у нас, и о том, что это уже дало положительные результаты. Но истина ватиканских радиовещателей, видимо, не интересует.

Кто же они — эти «нравственные наставники» и «защитники веры»? Передача «Радио Ватикана» на белорусском языке ведет Лев Горошко, который в годы Великой Отечественной войны активно сотрудничал в газетах, издававшихся окку-

пантами, и прославлял «новый порядок». В передачах русской редакции часто можно услышать «наставления» православного епископа западноамериканского Василия — внука лидера русских монархистов, крупного помещика М. Родзянко. Представители эмигрантских клерикально-националистических группировок активно сотрудничают и с другими редакциями. Они-то и задают тон, а точнее, исполняют различные вариации на заданную им тему — клеветать на социализм.

Какой бы цикл передач «Радио Ватикана» ни взяла, будь то «Новости из Рима», «Христианство и современность» или «О новомучениках российских», «О святых днях», — всюду их ведущие стремятся подвести слушателей к мысли: только церковь в состоянии сохранить культурные традиции народа, наполнить жизнь человека нравственным содержанием. Однако, вникая в смысл таких программ, легко заметить, что их авторов и составителей заботит не всякая религиозность и не всякую конфессию они защищают. Часто критический заряд таких передач обрушивается и на религиозных деятелей в странах социализма за то, что они поддерживают политику своих правительств, осуждают милитаристский курс США. Полезной оказывается лишь та религиозность, которая ведет к столкновению с органами власти, рождает социальные конфликты. Не случайно в последнее время зарубежная клерикальная пропаганда вместо термина «церковь молчания» выдвигает новый — «церковь надежды», то есть такая церковь, которая, приспособившись к условиям социализма, активно занималась бы антисоциалистической деятельностью, стала силой, на какую можно делать ставку в идеологических диверсиях. Таким образом, лозунг «свободы вероисповедания» раскрывается как призыв к антисоциалистической пропаганде в религиозной форме, а идеальным с точки зрения осуществления свободы совести оказывается западное, буржуазное общество.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Как уже отмечалось, клерикальный антикоммунизм использует практически все каналы внешнеполитической пропаганды империализма. Это в полной мере относится и к «Голосу Америки». Сразу же оговоримся: «голос из-за океана» — это условно. Его передатчики расположены и в Европе, и в Азии. Но «заказывают музыку» в Вашингтоне. Тема положения религии, церкви и верующих в СССР постоянно присутствует не только в еженедельных клерикальных программах «Религия в нашей жизни», но и в ежедневных светских, политических передачах — таких, как «Панорама», «События и размышления», «Книги и люди», «Театр, эстрада, концерты», «Программа для полуночников» и другие. Здесь чаще звучат голоса тех, кто был выдворен из СССР или покинул нашу Родину в надежде обрести богатство и славу в обществе «подлинной свободы».

Уже знакомый нам В. Родзянко взялся вести программу, посвященную тысячелетию введения христианства на Руси. Под той же рубрикой идут в эфир передачи директора энтэзовского издательства «Имка-пресс», главного редактора антисоветского ежеквартальника «Вестник Русского христианского движения» Н. Струве и протоиерея «русской зарубежной церкви» Д. Константинова.

Неважно, видно, дела у составителей таких программ, если им до сих пор приходится транслировать записанные на пленку выступления ныне покойного архиепископа Иоанна Сан-Францисского (белоземлянского князя Шаховского). Мертвые не спорят. А вот с живыми хуже. Постоянно спорят «русская» и «украинская» редакции. Первая, отражая позиции карловчан, считает принятие христианства событием, определившим все последующее развитие истории и культуры российской, а вторая, за которой стоят униаты и украинская буржуазно-националистическая эмиграция, рассматривает церковный юбилей как сугубо украинский, утверждая, будто Киевская Русь — это только Украина. Однако патологический антисоветизм и общая касса заокеанских хозяев как-то примиряют враждующие группировки. А «Голосу Америки» такой разлад вроде бы и по душе: с одной стороны, можно выдать его за плюрализм мнений в «свободном мире», а с другой — попытаться использовать идеи униатов для того, чтобы оживить националистические настроения.

В нашей стране уже мало кто из верующих помнит антиобщественную деятельность «православного писателя» А. Краснова-Левитина и одного из бывших вожаків самозваного раскольнического «Совета церквей евангельских христиан-баптистов» Г. Вина, а на радиостанции «Голос Америки» они слышат за истинных поборников свободы совести и систематически внушают слушателям буржуазное понимание ее принципов. Правда, желающих следовать их советам, судя по всему, все меньше и меньше. Вот и приходится по любому поводу повторять одни и те же фамилии. Вероятно, чтобы придать «научную» основательность передачам, к ним часто привлекается директор «Центра по изучению религии и коммунизма» (Кэстон-колледж, Англия) пастор М. Бурдо. Подключается и «тяжелая артиллерия» — передаются многочисленные заявления Р. Рейгана, Дж. Картера, Дж. Шульца, Д. Киркпатрика, других государственных и общественных деятелей США. Все они, как правило, охотно говорят о «гонениях на веру» в СССР, но тщательно обходят многочисленные факты преследования и атеистов, и служителей культа в самих Соединенных Штатах. С особым раздражением «Голос Америки» отзывался обычно о тех религиозных деятелях, которые объективно оценивают положение религии, церкви и верующих в СССР.

ТРАНСМИРОВЫЕ ИЗ МОНТЕ-КАРЛО

Крупнейшей радиовещательной корпорацией, штаб-квартира которой находится в столице крохотного княжества Монако, является «Трансмировое радио», вещающее на многих языках народов СССР. Его особенность и отличие от других западных пропагандистских центров состоит в том, что передачи рассчитаны в основном на приверженцев христианского сектантства и стремятся разжигать в его рядах религиозный экстремизм и фанатизм. «Наша главная цель, наша главная мишень — Советский Союз и коммунистический блок», — заявил один из директоров радиостанции Фрид.

Значительная часть материалов «Трансмирового радио» готовится религиозными миссиями, обществами и братствами в разных концах света. Среди них, например, миссия «Голос мира», общества «Слово жизни» и «Дружба», «Русский библейский радиоприемник». Ши-

роко используются и материалы таких подрывных пропагандистских организаций как «Центр по изучению религии и коммунизма» (Англия), институт «Вера во втором мире» (Швейцария), «Общество прав человека» (ФРГ).

В то же время редакция старается скрыть подлинный источник информации и подать материал как мнение не от кого не зависящей радиостанции, стоящей далеко от политики и преследующей одну только цель — проповедь «слова божьего». Отсюда частое употребление выражений «по свидетельству новообращенного», «один молодой человек сказал» и т. д. Но из-под покровла благочестивых слов нет-нет да и вырвутся фразы то о бесполезности подвига А. Матросова, то о «сатанинской природе» атеизма.

Передачи «Трансмирового радио», как оно утверждает, адресованы представителям всех направлений христианства, главное — «быть божьим посланником на земле». Но их содержание показывает, что обращение к той или иной конфессии довольно жестко определяется возможностью использовать ее в антисоветских, антикоммунистических целях.

Программы этой радиостанции рассчитаны на самые разные возрастные, профессиональные группы, включая религиозных проповедников и неверующих, родителей, молодежь, школьников и дошкольников.

Священнослужители они убеждают в несовместимости атеизма с самой природой человека, характеризуя пастырскую миссию как сражение «с силами мрака во имя истины, внутреннего, духовного освобождения», как «труд упорный, связанный с опасностями, гонениями, лишениями, но богоугодный и почетный».

Молодежи пытаются внушить, что «без веры в бога не может быть веры в жизнь, теряется сам ее смысл», а «болезнь души может излечить только бог».

Детей уверяют, будто окружающий их мир — полевые цветы, птицы и т. п. — все сотворено богом. Тут же родителям напоминают, «какую помощь они должны оказать своему ребенку в период его образования».

Словом, это не только активная проповедь религии, но и попытка вбить клин между верующими и неверующими, всячески подчеркивая духовное, нравственное превосходство первых. Характерно, что и «Трансмировое радио» входит в «Объединение национальных религиозных радиовещателей» с центром в Вашингтоне.

В ТЕНИ АНД

Мощными передатчиками в разных концах света располагает и радиостанция «Голос Анд» (Кито, Эквадор). Как и «Трансмировое радио», она «специализируется» на протестантизме. В рекламном проспекте утверждается, будто основная задача «Голоса Анд» — «провозглашение благой вести». При этом настоятельно рекомендуется регулярно слушать его передачи и слать отзывы на них в Кито или в Чикаго, если слушатель желает получить пластинку с церковной музыкой или интересующую его книгу.

Почему в Кито — вроде понятно, а вот почему в Чикаго? Оказывается, эта именующая себя «независимым, частным голосом» радиостанция направляется: Мировым миссионерским обществом», обособившимся в США. Еще больше сомнений относительно «независимости» возникает, когда слышишь по «Голосу Анд» довольно частые выступления бывших власовцев А. Кувшинникова и М. Макарова. Кому они служат ныне, ни для кого не секрет.

Или взять, к примеру, цикл передач под названием «Толкование Библии с точки зрения Ивана Колесникова». О «священном писании» он, выходец из России, ныне проповедник пятидесятников в Сан-Франциско, говорит кратко. Зато пространно разглагольствует о положении верующих в СССР, где будто бы «царит атеистический государственный культ, беспощадный к христианам».

Да и другие программы «Голоса Анд» делаются в том же ключе — рассуждения о культуре внушают слушателю, что атеизм ведет к деградации культуры и науки; передачи, обращенные к интеллигенции советских республик, призывают встать «преградой на пути русификации», создавать «подпольные организации», «внутреннюю оппозицию». Вот вам и «провозглашение благой вести».

Здесь шла речь далеко не о всех каналах широко разветвленной системы зарубежного клерикального радиовещания и, конечно же, далеко не о всех ее передачах — такая задача просто невыполнима в рамках одной статьи. Но надеемся, читатель получил достаточно информации, чтобы судить о том, каким целям служит эта пропаганда.

МЫСЛИ БЕЗ НИМБА

♦ Только в аду можешь быть уверен, что не сгоришь.

Ионас ЛАУРИНАВИЧЮС
г. Кайшядорис
Литовской ССР

♦ Может ли джентльмен не подать руку гадалке?

Анатолий АНИСЕНКО
г. Кузнецк
Пензенской области

♦ Объявление: «Даю уроки братской любви. Каин».

Михаил ФИЛОНОВ
г. Брянск

♦ Лучшее средство борьбы с предрассудками — тринадцатая зарплата.

Владимир ГЕРОИМЕНКО
г. Минск

♦ Фимам курите только с фильтром!

Геннадий СУЧЕЛОВ
г. Жданов
Донецкой области

♦ Чернокнижник — торгует книгами на «черном рынке».

Лев ЧУБАРОВ
г. Москва

ПОСЛОВИЦЫ МОРЯКОВ

Клятвы, которые дают во время штормов, забываются на берегу (английская).
Бог сотворил ангелов, дьявол — кока (английская).

Из собрания Н. КАЛАНОВА
г. Одесса

...С КАЖДОЙ СТОРОНЫ участвовало по полтысячи человек. Разукрасив себя ритуальными узорами, противники сошлись на равнине. Поединки начинали женщины: в специально очерченном кругу они дрались палицами, мужчины — копьями. Зрители внимательно следили за поединками, осуждая громкими криками нарушения каких-то известных правил. Не потерявшие боевого пыла воины снова выстроились в две линии. Началось всеобщее побоище, продолжавшееся около двух часов.

Это сражение между племенами в районе залива Мортон описал в 1826 году

БЫТ И ПРАВЫ НАРОДОВ

В. КАБО,
доктор исторических наук,
Е. ГОВОР

один из сосланных в Австралию англичан Джон Финнеган, случайно попавший к аборигенам и проживший с ними несколько лет. Он сообщил, что в его общине, насчитывавшей около 20 взрослых, двое были убиты, семеро ранены.

Кровопрлитные распри между первобытными племенами часто возникали из-за женщин. Пожалуй, лучше других о них рассказал бывший английский солдат Уильям Бакли в книге «Австралийский Робинзон» (русский перевод вышел в 1966 году). В 1803 году Бакли был сослан в Австралию и 32 года прожил среди аборигенов юго-восточного побережья (залив Порт-Филлип). Его приняли за недавно умершего соплеменника, вернувшегося из страны

межплеменные столкновения. Родители при рождении девочки обычно обещали ее в жены человеку, принадлежавшему к другой родовой группе. Если же отец нарушал обещание и отдавал дочь другому или ее похищал тот, кому она не предназначалась, неминуемо начиналась вражда.

Бакли, бывалый солдат, знал, как бывает на поле брани. «Но, — рассказывает он, — открывшееся моим глазам зрелище было куда страшнее. Противники походили на дьяволов, вырвавшихся из преисподней. И женщины и мужчины яростно бились, обливаясь кровью, причем женщинам не делалось никакого снисхождения».

Однако о поведении первобытных людей не следует судить с позиций наших

● Трубка мира североамериканских индейцев племени черноногих.

менник, если только он не родственник, не гость, не партнер по обмену (к таким людям отношение особое), пребывав в племенного закона и, следовательно, вне закона вообще.

Древние люди признавали подлинными человеческими существами только членов своего племени. Самоназвания многих первобытных племен означают просто «люди», например курнаи, нарриньеры. Все остальные, даже если они и признавались людьми, рассматривались как существа более низкого порядка, которым присущи всевозможные пороки и опасные свойства: вероломство, склонность к колдовству, каннибализм и тому подобное. «Нарриньеры называли все другие племена Южной Австралии «меркам» — «дикие». Для курнаи соседи были «брадьерак» — «опасные, страшные», а живущие еще дальше — «ядовитые змеи», потому что, объясняли курнаи, «они убивают нас». «Сами себя они называют аним-ха, т. е. настоящими людьми, — пишет Г. Неверман об одном из племен Новой Гвинеи. — Это означает, что все остальные люди являются существами второго сорта и вообще не заслуживают звания людей. С ними можно обращаться как угодно, потому что нравственные законы на них не распространяются. Внутри же своего племени полагается вести себя так, чтобы не причинить никому ни малейшего вреда и в меру своих сил помогать каждому»².

Одна из важнейших причин межплеменных столкновений — первобытная собственность на землю и ее дары. Не надо думать, что у неоседлых, бродячих, как их иногда называют, охотников и собирателей не было представления о собственности. Напротив, не только племя имело четкие границы, но и каждая община владела определенной территорией, по которой могла кочевать; у некоторых первобытных народов существовала и семейная собственность на отдельные охотничьи угодья, плодовые деревья и т. д. Земля для первобытных людей — источник всех материальных благ, вот почему они так ревностно охраняли свои границы.

С чужой землей, как и с чужим племенем, были связаны всевозможные поверья: ее населяют враждебные и опасные существа, вот почему люди сами нередко отказываются выходить за пределы собственной территории. «На границах нет никаких условных знаков, — пишет Л. Котлоу о пигмеях Центральной Африки, — но все пигмеи хорошо знают, где проходят эти условные линии... Вам никогда не удастся уговорить пигмея, даже за щедрое вознаграждение, нарушить невидимую границу»³.

Часто причины военных столкновений коренились в сфере зачаточных религиозных представлений. Нам трудно понять психологию первобытного человека,

● Решение спора поединком. Австралия. Рисунок начала XIX века.

мертвых в образе белого человека (это поверье не раз служило причиной теплого приема, который аборигены оказывали белым пришельцам).

Бакли с неизменным дружелюбием относился к туземцам, спасшим его от голодной смерти, но одна черта в их образе жизни постоянно вызывала у него отвращение — это приводившие к смерти ни в чем не повинных детей частые

сегодняшних представлений. На надо считать первобытного человека кровожадным по самой его природе. Убийство себе подобного было для него такой же трагедией, а убийца вызывал такое же отвращение, как и в современном обществе, — но лишь тогда, когда убийство происходило в его общине, племени. Как писал Энгельс об индейцах-ирокезах, у них «все, что было вне племени, было вне закона»¹. Инопле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99.

² Неверман Г. Сыны Дехевая. М., 1960, с. 26.

³ Котлоу Л. Занзабуку. М., 1960, с. 63.

убежденного, что никто, даже самый дряхлый старик, не может умереть сам по себе. К смерти приводит только злой умысел и колдовство врагов — так считали многие первобытные племена. На западе штата Виктория (Австралия) умирающий называл имена людей, околдовавших его, или это делал кто-нибудь из его родственников, либо знахарь, учитывая собственные симпатии и антипатии. Обычно считали, что виновники — из чужого племени. Тут же снаряжался отряд «мстителей», убивавших

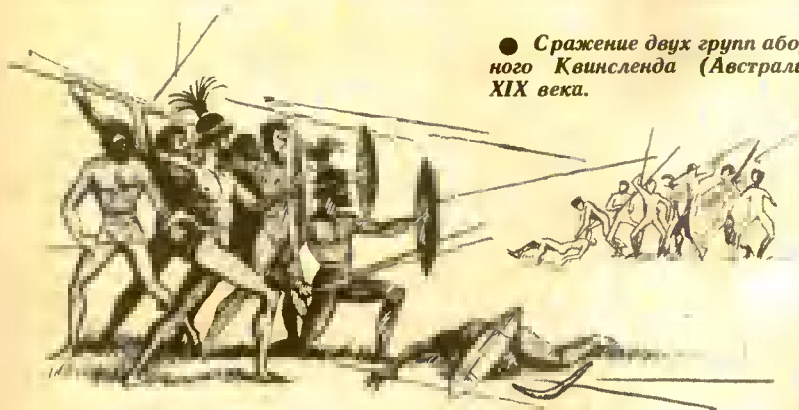
надеялись устранить весьма простым способом, а именно — напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню». На сей раз Миклухо-Маклаю удалось отговорить их от войны. Но через две недели произошла новая трагедия: от укуса змеи погиб младший брат Вангума — 10-летний Туй. Эти события произвели «среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха». Аргументы, с точки зрения папуасов, были очень серьезны: если немедленно не начать

ресов, к этому была направлена и система военно-производственного обучения, которая начиналась в детстве, а завершалась инициацией юношей.

Как свидетельствуют Уильям Бабли и другие очевидцы, в первобытных обществах в войне участвовали и женщины. В Австралии, например, они обидными выкриками вызывали врагов на бой, во время боя всячески поощряли своих соплеменников, а зачастую и сами вступали в него, используя как основное оружие палку-копалку. На Гавайских островах жены помогали мужьям с копьями и камнями в руках. У коренных обитателей Японских островов — айнов во время столкновений женщины сражались с женщинами, а мужчины с мужчинами. В большинстве племен Северной Америки женщины в самом сражении участия не принимали, но активно помогали мужьям, собирая, например, стрелы противника, не достигшие цели.

Как же начиналась война? Существует предвзятое мнение, будто первобытным народам было свойственно коварство и вероломство. Но в Австралии, например, вызов на бой был делом чести: вестники,

● Сражение двух групп аборигенов Южного Квинсленда (Австралия). Начало XIX века.

подозреваемого, или, если того не могли найти, кого-либо из его соплеменников, так начиналась длительная кровная месть.

Влияние религиозных представлений на возникновение вооруженных конфликтов ученые отмечают у многих народов, находящихся на различных уровнях развития. Нашему знаменитому путешественнику Н. Н. Миклухо-Маклаю даже удалось предотвратить назревавшую войну, вызванную подобными причинами. Во время его второго пребывания в Новой Гвинее (1876—1877) в соседней деревне Горенду заболел и через несколько дней умер молодой, крепкий папуас Вангум. Решено было, что это результат действия «онима» (заговоренного врагами предмета).

войну, то действие «онима» будет продолжаться и «все жители Горенду перемрут».

Чтобы и в такой сложной ситуации предотвратить войну, Миклухо-Маклаю пришлось использовать все свое знание психологии папуасов. Славившийся своей честностью, он спокойно сказал возмущенным людям: «Маклай говорит — войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, с людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье», — и ушел, предоставив их воображению рисовать возможные последствия. Не успел он дойти до своей хижины, как его нагнал один из стариков и спросил: «Не случится ли тангрин?» (землетрясение, что для папуасов было бы большой бедой). Миклухо-Маклай ответил уклончиво, но среди папуасов, считавших, что он сам способен создать сильнодействующий «оним» и даже вызвать «тангрин», начались разногласия. Кончилось тем, что война не состоялась. Однако насколько серьезен был страх папуасов перед «онимом», показывает следующий факт: опасаясь смерти, жители Горенду решили навсегда покинуть свою деревню, что было совсем не просто для них — уже оседлых земледельцев⁴.

В первобытном обществе неукоснительно соблюдалась одна из самых жестких моральных норм: обязательное возмездие за нанесенный человеку, а следовательно, и всему обществу ущерб. В обычаях, связанных с местью, ярко проявляется первобытный коллективизм и обусловленное им сознание совместной ответственности. Член первобытного сообщества не воспринимается в этих случаях как обособленная личность с индивидуальной ответственностью за свои поступки. Вина человека — это и вина его близких. Месть за нее — долг родичей пострадавшего. Ответственность за вину и за исполнение долга переносится и на прямых потомков.

Таким образом, каждый член племени был потенциальным защитником его инте-

● Воин-индеец североамериканских прерий.

сообщавшие об объявлении войны, считались неприкосновенными. Известный исследователь австралийских аборигенов А. Хаунт рассказывает об интересном обычее у племени каяаба. Когда оно вызывало кого-либо на бой, посыльный нес специальную палочку, вырезанную в форме бумеранга с раковиной на конце. Если

● Воины — австралийские аборигены. Рисунок XVIII века.

Призвав в союзники соседнюю деревню Бонгу, папуасы собрались «безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень». Но союзники никак не могли «сговориться... в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума... — записывает в дневнике Миклухо-Маклай. — Это разногласие, однако, они

⁴ См.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. 2. М.-Л., 1950, с. 372, 374, 378.

Сражение. Рисунок на скале. Северная Африка.

племя принимало вызов, то оставляло у себя жезл у себя, сообщая, что из этого места и время. Но если они чувствовали себя не настолько сильными, то возвращались, не возмещая, и погоню палки, поговину в его присутствии разбивали, что, что считают себя побежденными. Это свидетельствует и фольклор народов Севера. Когда чужаки падают, видят неподготовленного к бою врага, противники обмениваются такими словами: «Если вы еще не готовы, слышите? Мы станем ждать...». — «Если через три дня будем готовы».

Надо признать, что действо наибольшее число врагов никогда не было главной целью первобытных войн. Многие племена устраивали поединки. Участники либо сражались до первой крови, либо пор, пока все противники не начинали кричать «Хватит!»

Интересны и замирительные обряды. Вот как описывает их Г. Баррингтон — известный английский мошенник, попавший в Австралию с первыми ссыльными. Противники тщательно украшают себя,

вооружаются и выстраиваются друг перед другом в две шеренги, причем каждый держит в руке зеленую ветвь, «служащую залогом миролюбивых их намерений». Начинаются продолжительные переговоры, а так как «взаимно бывает некоторое уменьшение в требованиях, то тем и оканчивают они мирный поход свой».

Эскимосы в Арктике пролива, если сражение затягивалось, а участники устали и проголодались, размахивали меховой палкой, называемой кшесту, в знак временного перемирия, когда все могли отдохнуть и поесть, что, что затем возобновлялось. Индейцы племени юта делали в знак мира шкуру оленя.

У некоторых индейских племен (оджибве, омаха и др.) символом мира служила трубка (калумет). Ее обычно приносили специальные посланники в знак того, что предлагается мир. Участники церемонии держали трубку друг другу, каждый выпускал дым, произнося одновременно клятву мира.

Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови,
Закопайте в землю пук,
Трубу сделайте из камня,
Трубки для них наварите,
Яркими цветами украсьте,
Закурите Трубку Мира
И ждите, пред, кие братья!

— так записывается этот обряд в «Песне о Гавате». Подобные мирные договоры редко нарушались.

Специальный замирительный обряд у колошей (тлинкитов), живущих у берегов Аляски, описал К. Т. Хлебников, служивший

в начале XIX века в Российско-Американской компании. Здесь иногда конфликт решался посредством переговоров и своеобразной платы за убитых, при этом брали специальных заложников мира. «Обе стороны выходят на равнину с кинжалами, мужчины и женщины, и первые... показывают вид наступательный, машут копиями и кинжалами, кричат, вторгаются в середину неприятеля и схватывают избитого заложника... Тут с криком, извещающим радость, исполнение желаний и окончание войны, поднимают его на руки и относят на свою сторону. Разменясь подобным образом, каждая сторона заложника своего содержит лучшим образом... Торжество мира заключается плясками с утра до вечера и обжорством»⁵.

В заключение еще один важный вопрос: у всех ли первобытных народов были военные столкновения? По свидетельству очевидцев, гренландские эскимосы не знают, что такое война. Более того, они никогда не лгут, не воруют и не ссорятся. Исследователи объясняют такую бесконфликтность экстремальными природными условиями в условиях Крайнего Севера, где адаптация и выживание человека были бы невозможны без соблюдения одного из основных нравственных законов — помощи соседу. Считают, что в Гренландии не могли возникнуть конфликты из-за границ охотничьих территорий: у рыбаков не было таких проблем. Не знали войны ведды, жившие на Шри-Ланке (Цейлон), и кубу на Суматре.

⁵ Хлебников К. Т. Ново-Архангельск. М., 1985, с. 84.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

АРГУМЕНТЫ. 1986. М., Политиздат, 1986, 175 с., 150 000 экз., 30 к.

В ежегоднике разоблачается подрывная деятельность тех религиозно-пропагандистских центров капиталистических стран, которые включились в объявленный президентом Р. Рейганом «крестовый поход» против социализма; помещены материалы, касающиеся использования «религиозного фактора» в планах антикоммунизма.

Гордиенко Н. С. ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ: ДОМЫСЛЫ БУРЖУАЗНО-КЛЕРИКАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ. М., «Знание», 1987 (сер. «Научный атеизм», № 2), 64 с., 49 230 экз., 11 к.

Брошюра посвящена опровержению буржуазно-клерикальной фальсификации предпосылок, обстоятельств и последствий введения христианства на Руси. В ней разоблачаются попытки антикоммунистических сил Запада использовать предстоящий церковный юбилей — 1000-летие русского православия в политических и идеологических целях.

Лебедев В. И. ОБЩЕНИЕ С БОГОМ ИЛИ... М., Политиздат, 1986, 112 с., 200 000 экз., 15 к.

Почему глубоко верующие люди испытывают после молитвы или исповеди успокоение? Служители культа объясняют это «излиянием» на верующего бо-

жественной благодати. Психология же и психиатрия свидетельствуют, что ничего сверхъестественного в этом нет: происходит снятие нервного перенапряжения и выведение из душевного кризиса. Автор книги анализирует действие этого естественного механизма, показывает его использование врачами в борьбе за психическое здоровье людей.

Керам К. БОГИ, ГРОБНИЦЫ, УЧЕНЫЕ. Роман археологии. Пер. с нем. М., «Наука», 1986, 255 с., ил., 30 000 экз., 2 р. 70 к.

Круглов А. А. СВОБОДА СОВЕСТИ. Минск, «Беларусь», 1986, 80 с., 6000 экз., 15 к.

Ополовников А. В. РУССКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО. М., «Искусство», 1986, 311 с., ил., 30 000 экз., 9 р. 80 к.

Рулетт К. ПОКУШЕНИЕ В ВАТИКАНЕ: МЕХАНИЗМ ИНТРИГИ. Пер. с фр. М., «Юридическая литература», 1986, 207 с., 50 000 экз., 50 к.

Статьи в журналах и сборниках, разделы в книгах

XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. М., 1986. Из содержания: Ермаков А. И. Социалистический образ жизни и атеистическое воспитание, с. 54—56; Никонорова Е. В. О принципе единства экологического и атеистического воспитания, с. 59—61.

Емельянов Ю. В. Обострение социально-политических про-

тиворечий в США и молодежи. М., «Наука», 1986. Из содержания: Отношение американской молодежи к религии и церкви, с. 123—132.

Жилина Е. В. Религия в политической жизни США (70-е — начало 80-х годов). «Вопросы философии», 1986, № 12, с. 155—156.

Кобищанов Ю. «Священные цари» XX века. «Азия и Африка сегодня», 1987, № 1, с. 58—61.

Красиков А. Верующие и атеисты вместе за мир. «За рубежом», 1986, № 48, с. 12—13.

Орфеев Ю. В., Панченко А. И. Парапсихология: наука или магия? «Вопросы философии», 1986, № 12, с. 116—128.

Петраш Ю. Г. Атеистическое воспитание студентов. «Советская педагогика», 1986, № 6, с. 79—84.

Сдано в набор
19.03.87.

Подписано к печати
24.04.87
А 09090.
60×90/8.

Офсетная печать.
8 усл. печ. л.
9,75 кр. от.
12,08 уч.-изд. л.
Тираж 400 000 экз.
Зак. 01515.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства
«Радянська Україна».
252047, Киев-47,
проспект Победы, 50.

Текст набран
с применением
отечественного
фотонаборного
комплекса «Каскад».

Рисунок В. Шарковой.

ДОМ ПЯРКУНАСА

Цена 40 коп. Индекс 70602

■ Город Каунас и всю Жемайтию, последнюю языческую область Литвы, крестили в 1413 году. Что не удалось рыцарским орденам за два столетия, того Ягаило и Витаутас добились за один поход. Они вырубili священные дубовые рощи, заложили христианские храмы. На следующий год в жемайтйских лесах умер последний криве-кривейте — верховный жрец бога Пяркунаса (Перуна). А крещеный

«прописку» по улице Алексото, 6? Прежде чем вступить в область догадок, обратимся к тому, что достоверно.

В середине XVII века «дом Пяркунаса» получили под костел поселившиеся в Каунасе иезуиты. Здесь открыли они школу для будущих проповедников. Когда в конце XVIII века орден иезу-

леи наук, куда попал божок, его сочли гостем с Востока. В пользу этого предположения говорила и необычная для Пяркунаса поза — он сидел, скрестив ноги. Решили, что статуэтка попала в Литву из Индии с воинами Золотой Орды. Но почему ее замуровали в стене? Каунасцы получили новый повод для романтических легенд, тем более что сам бронзовый псевдо-Пяркунас, отправленный в Эрмитаж, таинственно и бесследно исчез...

Дом продолжал носить свое странное имя и когда числился за православным собором, и в наше время, став местом этнографических выставок, когда его словно вернули Пяркунасу.

Некоторые исследователи утверждают, что первоначально дом предназначался для торговой конторы ганзейских или местных купцов. Но, во-первых, это не мешало ему быть одновременно и храмом. А во-вторых,

все-таки не объясняет названия. Версия «торгового дома Перкуно» малопубедительна.

Вероятнее всего, неподалеку от улицы Алексото, в урочище Гай была некогда роща с капищем Пяркунаса, и тень священного дуба до сих пор осеняет легендарный дом. Не удивительно — магия жемайтйской старины так сильна, что даже авторитетная российская энциклопедия конца XIX века без всяких оговорок сообщала: Каунас «основан в XI столетии... Кауном, сыном литовской мифической богини любви Мильды».

Каунас получил магдебургское право — городское самоуправление и налоговые льготы, стал процветающим торговым пунктом на пути из Вильнюса в Пруссию.

К тем временам молва и относит каунасский «дом Пяркунаса». «Храмом Пяркунаса», «капеллой Пяркунаса» здание называют и в старинных документах. Однако меньше всего напоминает оно языческое капище. В архитектурные хрестоматии дом вошел как образец готики. Специалисты склонны датировать его по знаменитому фасаду с затейливыми асимметричными пристройками, со стрельчатым ажурным фронтоном. Это, несомненно, поздняя, «пламенеющая» готика — стиль, распространившийся лишь в конце XV века.

Как же языческий бог-громовержец получил

■ Каунасский «дом Пяркунаса».

итов расформировали, святых отцов изгнали из города. Однако бывшее их владение продолжали именовать по-старому.

Известно и другое. В 1818 году при строительстве соседнего здания повредили стену «дома Пяркунаса». Исследуя пролом, пыливый чиновник магистрата извлек из стены бронзовую статуэтку — божка в короне с башнями, с тремя рыбами в руке. «Вот он, Пяркунас!» — обрадовались местные любители старины. А три рыбы — реки каунасской земли — Нямунас, Нярис и Нявежис. И даже если это не Пяркунас, то Каун — сын богини любви литовского «олимпа». В варшавском обществе любите-

■ Фронтон из фасонного кирпича.

